

Вольдемар Горх

СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

Роман в двух книгах

Кемерово, 2014

Высшая и самая характерная черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее.

Достоевский Федор Михайлович

От автора

Ещё и ещё раз пытаюсь до конца осмыслить и примерить к себе сказанное французским историком Роменом Ролланом: «Честность ума состоит в том, чтобы не отступать перед правдой, стремиться к ней, находить её любой ценой, гнушаться лёгких и удобных половинчатых решений, унижительной лжи, иметь смелость искать, судить и решать самому. Иметь смелость самостоятельно мыслить, быть человеком. Честь – вот истинная красота!»

Намного раньше Аристотель указал писателям, что «хорошая книга, если автор в ней высказывает только то, что следует, и так, как следует».

В своих изданных произведениях я долго и мучительно шёл этим путём. Отчётливо понимаю трудность авторской задачи, – провести своих героев через время, от реальностей прошлого до действительности настоящего, чтобы многие не оказались «слепыми» в будущем. Примечательно то, что отразить достоверность действий в этом, далеко не лёгком деле, помог мне мой возраст, открывшиеся документы архивов, труды-учёных исследователей Сибири, работники краевых и городских архивов, творчество многих писателей, живое общение с выжившими «врагами народа», репрессированными, рассказы участников гражданской и Отечественной войн, свидетельства работников НКВД и КГБ, семейные архивы многих моих помощников.

Время, естественно, меняет приметы, многое сдвигает в памяти. Но дело, пожалуй, не просто в «сдвигах» памяти, а в «сдвигах» истории. Она очищается! Уверен, что события становятся историческими только в том случае, если дальнейший ход времени подтверждает их высокий смысл.

Нечто подобное произошло и с моим произведением. Написать роман в двух частях (в двух книгах), объединённых судьбами героев, решился только после изданного романа «Звёзды блестят в темноте». И подвигли меня к этому добрые пожелания моих читателей и ходатайство Атамана Сибирского Казачьего Круга. Они же и указали мне на допущенные неточности, особенно в казачьих воинских званиях. За что я им от души благодарен. Были и «воинствующие» наскоки на автора, особенно бывших членов компартии СССР. До сих пор не могут они пересмотреть свои политические догмы на ход Гражданской войны, реально оценить причины и следствия всех войн, побуждающую в них роль большевиков. Думаю, что произойдёт это не скоро!

Роман написан. Дела всех моих защитников Отечества отражены. Читайте.

Дорогой мой читатель! Моё произведение – не публицистика, не статистика событий Гражданской и Отечественных войн, не перечень жертв насилия и их масштабности. И всё же все действия персонажей романа имеют реальное время и реальные события. А вот как мне удалось это отразить – судите сами.

Особую благодарность выражаю постоянным помощникам по изданию моих произведений: Надежде Васильевне Горх, Елене Владимировне Радченко, Сергею Николаевичу Поликову, Сергею Витальевичу Леитаеву, специалистам и архивным работникам городов: Читы, Иркутска, Новосибирска, Улан-Удэ, Омска, Владивостока, Кемерово, Хабаровска, Томска, Москвы.

С уважением

Вольдемар Горх

Книга первая

ЗВЕЗДЫ БЛЕСТЯТ В ТЕМНОТЕ

Предыстория

Дошедшая до нас история прошлого подтверждает, что Мир и Государство никогда не были постоянными. Менялись не только названия территорий, но и исчезали народы этих территорий. Рушились целиком Империи. На разных континентах, всегда и везде, как и сегодня, шли войны и, как порождение их, – смерть людей. Смерть человека, вообще, – последняя ступень пребывания его на Земле.

Одно дело, когда умирают воины, защищая племя, свой народ, свою территорию. Совершенно другое – когда сеется смерть в войне между собой одного народа, на одной территории. Что лежит в основе массовости этого явления? Какова мотивация? Они многообразны и многолики!

Россия в этом – не исключение. Россия постоянно воюет. То бьются между собой княжества, то они защищаются от иноземцев, то сама Россия нападает. И на всех этих этапах – смерть, кровь, смерть сотен тысяч, миллионов людских душ.

На Руси былины слагали храбрым воинам в войнах против супостата. До сих пор многих имена помнят. А кто сегодня, кроме псевдопатриотов, будет слагать песни о собственном народе, который долго и усердно «кровянил» друг друга? Какие силы и средства понадобились для организации этого? Возможно, это золото? – без сомнения; идеология? – да, пропасть между богатыми и бедными? – да; звериный инстинкт? – сомнительно, но не исключается; разная Вера? – скорее средство; сила власти командиров? – без сомнения; личный интерес – да; стремление к обогащению? – да. Вот он – неполный спектр побуждающих сил к действиям.

Меня же весь этот букет побуждающих факторов заинтересовал десятки лет тому назад, когда приступил к анализу хода Гражданской войны в России. Не один год потратил я на сбор фактов и фактиков этого периода, приведя все это в систему. Сложность заключалась в том, что официальные государственные сообщения, как и война с Финляндией, были закрыты, либо сильно искажены. Поднадзорная же литература (включая поэтов, песенников, композиторов) «выдавала на-гора» только героичество красноармейцев и их командиров в кровавой войне с белогвардейцами. Воспользоваться зарубежными архивами могла быть только «мечтой идиота». Мои порывы поиска в этом направлении, наверное бы, умерли, но выручила поездка в Болгарию.

Наверное, судьбе было угодно, что в поисках Русской церкви в Софии я немного заплутал, и меня любезно сопроводил туда через «подлазны» (переход) седоватый старичок, прекрасно говорящий на русском языке. Дорогой разговорились. Себя он назвал «недобитым врангелевцем», и в Россию его не пускают в связи с тем, что на нем «много крови».

Я был благодарен Богу за эту встречу и «врангелевцу», за его повествование о Гражданской войне. Часа два рассказывал он мне подробно все события, вплоть до эвакуации остатков армии и гражданского населения из Севастополя. Рассказывая – загорался, молодец, иногда всхлипывал, но ни разу не сбился с последовательности своего изложения. В гостинице я скрупулезно записал весь его рассказ и вернувшись в Россию приобщил к своим собранным материалам. Когда же развалился СССР и появилась достоверная информация, я все собранное перепроверил. Все материалы подтвердились.

На весь ход Гражданской войны взглянул я совсем другими (не советскими) глазами. Мало того, я начал «очищать» от черных красок Петра Николаевича Врангеля, Александра Васильевича Колчака, Антона Ивановича Де-

никина, барона Романа Федоровича Унгерна, атамана Григория Михайловича Семенова, которых нам долгое время преподносили только, как убийц, садистов, зверствовавших по всей России.

Но я не пытался и теперь не пытаюсь показать их эдакими «беленькими и пушистыми», воюющих в белых перчатках. Перчатки, правда, были. Но было у них главное: Честь, Вера, Боль за Россию, геройство и сострадание к людям Отечества.

Так родилась идея написать роман.

Путь по дорогам Гражданской войны тернист и кровав. Но по этой дороге прошли мои герои, наделенные ценными человеческими качествами: любить, сострадать, верить, не щадить себя.

Роман написан. Дела всех моих героев отражены. Читайте.

*Повсюду власть свою распространило зло,
Проникло в каждый дол и на горы взошло.*

Аль-Маарри

Глава первая

ТЕРНИСТЫЕ ПУТИ-ДОРОГИ

1.

В этом году, несколько раньше обычного, пали на тайгу холодные осенние туманы. Они поднимаются с низин, с болота, обхватывают высокие сосны и, объединившись с остатками прошедшего дождя – падают вниз шумными каплями. От всего этого все вокруг становится белесой завесой. Воздух будто набухает и превращается в липкую морось.

В этой, не по времени плотно-серой, слоистой завесе, с трудом виден был огонь костра у раскидистой старой ели. Присмотревшись, можно было разглядеть неподвижную фигуру человека в брезентовом рваном плаще, сидящего на корне дерева. Человек не обращал внимания ни на туман, ни на огненные выстрелы костра от падающих в него крупных водяных капель, ни на проникающий под одежду осенний холодок. Изредка достаёт он из-под горки лапника сухие полешки и подкладывает в костер. Затем опять возвращается на свое место и замирает, низко склоня голову. Это явно был мужчина. Его обросшее и изможденное лицо, да низко надвинутый башлык, скрывали возраст. Наверное, даже сам Александр Васильевич Колчак не признал бы в нем когда-

то бравого боевого капитана Еремеева Степана Георгиевича. Но это был он: воскресший из мертвых, когда всех его отрядников расстрелял поручик Ливанов. Ох, и ловок же был в стрельбе этот поручик. Еремеев лично видел, как Ливанов на спор, одним выстрелом, с двадцати шагов, попал в пятак. Был поручик любимцем Верховного.

Поговаривали в штабе, что Ливанов чуть ли внебрачный сын Колчака. Все разъяснила Степану Анна Васильевна Тимирёва – любимая женщина Верховного, делившая давно уже с ним невзгоды походной боевой жизни. Капитану Еремееву приходилась она дальней родственницей. При очередной встрече с ним, она и поведала, что поручик Ливанов Александр Васильевич – сын морского офицера – друга Колчака, которому обязан он жизнью за спасение в северных водах. Да и самому Степану Георгиевичу нравился этот красавец-разведчик.

Потрескивает смольём костер, выбрасывая шумно вверх язычки пламени, освещая лицо капитана, утонувшего в своих мыслях. А мысли всё кружат и кружат, меняя время и события.

Вспомнил экстренное совещание в городе Омске в штабе войск Колчака. Предысторию этого экстренного Совета рассказала Степану – Тимирёва. Выглядело это так:… Александр Васильевич Колчак, осторожно, чтобы не разбудить Анну Васильевну, выпростался из-под одеяла и ступил на холодный прикроватный коврик. Его тут же охватил предательский озноб, который получил он во время катастрофы в Карском море.

Накинул на плечи шинель, прошел в кабинет и сел за свой рабочий стол. Задумался. Мысли, как льдины северного моря, то медленно наплзали друг на друга, то рассыпались с лёгким шуршанием.

Вспомнил, как, будучи ещё лейтенантом, выпросился у командования в экспедицию известного тогда морского

путешественника Эдуарда Толя. Отправились они на поиски Земли Санникова.

В один из этих дней отправились они на лодке обследовать виднеющийся по курсу остров. Неожиданно высокая волна ударила в бок посуды и опрокинула её. Так бы и закончилась его карьера учёного-мореплователя, да только сильные руки друга и моряков, вырвали его из пучины, прижали к лодке, которую весьма быстро прибило к берегу острова. Всё вроде бы закончилось для него благополучно, но всю жизнь, при соприкосновении с холодным, – бьёт озноб.

Омское сибирское утро запаздывало. Колчак поднялся из-за стола, подошёл к окну и увидел там своё отражение. Из оконного стекла смотрел на него отец: те же глаза, сухощавое лицо и поджатые губы. Всплыли в памяти его слова: «Что же ты делаешь сынок? Я ведь учил тебя добру, милосердию, а ты убиваешь своих же россиян! Во имя чего? Нужны ли такие жертвы для достижения цели, пусть даже самой благородной?» «Не знаю, папа», - мысленно ответил Колчак и, потирая сердце, направился в ванную комнату.

Холодный душ и стакан крепкого китайского чая взбодрили, временно отодвинув мрачные мысли о реальных фронтовых делах. Увы, но не думать об этом было невозможно. Всюду поражения, поражения. Отступления... В войсках нет сплошного фронта. Армия Верховного правителя, под натиском Красной Армии и партизан, спешно отступает в восточном направлении. Война идет к своему логическому завершению. Народ и солдаты устали от крови и смертей. Да и трудно было разобраться – чьей стороны держаться, коль брат идет на брата. Его жёсткие репрессивные меры не помогали, а наоборот, озлобляли всех.

Зазвонил телефон. Дежурный офицер штаба кратко доложил Колчаку об очередном отступлении войск.

- В восемь всех в штаб! - сухо распорядился Верховный и опять потер левую сторону груди.

В это время из спальни тихонечко вышла Анна Васильевна, предано улыбнулась своему Адмиралу и направилась на кухню, чтобы приготовить Сашеньке его любимый утренний напиток – холодный кофе с коньяком.

Каждый раз, когда Колчаку нужно было принимать ответственные решения – начинало стучать в висках, голова тяжелела, и начинались адские головные боли. Зажав голову руками, как-то по стариковски, Александр Васильевич встал из-за стола и нервно зашагал по кабинету. Через какое-то время боль начала затухать, а после двух глотков кофе, прекратилась.

Проходя мимо шкафа с книгами, обратил внимание на свое авторское издание «Льды Карского и Сибирского морей». Рядом лежал кортик с надписью: «Рыцарю Чести – адмиралу Колчаку от Союза офицеров армии и флота».

- Это, именно мое, - покачав головой, проговорил Верховный Правитель.

На столе стояла чашка недопитого кофе. Механически потянулся к ней и в ее узоре увидел очаровательные глаза Анны Васильевны.

- Аня! Аня! Сколько же пришлось тебе пережить из-за меня? Сколько унижительных упрёков пришлось тебе выслушать от мужа и родни за связь со мной? И сколько же в тебе мужества и любви, чтобы преодолеть все это во имя крошечки счастья – быть вместе? Анечка! Ты мой последний причал и моя последняя гавань! – прошептал Колчак и замурлыкал: «Гори! Гори моя звезда...». Продолжая напевать, бережно взял хрупкую чашечку с кофе, легким движением руки провел по выпуклости, ощущая сохранившееся тепло рук любимой женщины. Улыбнулся этому и сделал последний глоток.

...Мысли, как волны моря, швыряли его то вперед, то назад, из прошлого в настоящее, останавливаясь то там, то тут. На свое прозвище – «Крымчак» он не обижался. Особенно усердствовала заграничная пресса. Род Колчаков действительно пошел из Крыма. Его далекий предок, командующий Хотинской крепости Илиас Колчак-паша, был пленен русскими войсками под командованием генерала Миниха во время Русско-турецкой войны. Именно с Крыма, от Колчака-паши пошел род Колчаков. Это был добрый род защитников России и никакие «оговоры» не смогут опротестовать это.

Опять вспомнил Александр Васильевич своего отца, приведшего его на обучение в Морской кадетский корпус, и его добрую улыбку на плацу во время торжественного построения по случаю выпуска молодых офицеров флота. И его отцовское рукопожатие после производства в мичманы. Вспомнил подробно все его напутственные слова, во время проводов на Балтийский флот: «Служи верой и правдой России везде и всегда!». И он был предан этому напутствию: как в чине адмирала флота, так и в научных исследованиях северных морей. За свой научный труд был он избран действительным членом Императорского Русского Географического Общества и награжден золотой «Константиновкой». Уже тогда, весьма опытный мореплаватель, мечтал о северном морском пути во имя укрепления могущества России в этом неисследованном крае. Для этого необходимо было более подробно изучить не только глубинные параметры северных морей, но и движение их льдов. Этому и посвятил Колчак свой научный поиск. Воспользоваться своим открытием не удалось. Время и события продиктовали другие условия.

Вороша мысли, не заметил Александр Васильевич, когда вышла опять из спальни Аннушка. И только ее нежные прикосновения вернули его в реальность.

- Не нужно хмуриться, мой Адмирал! – целуя Колчака, нежно проворковала она и, прижавшись к нему, твердым голосом продолжила: - не казни себя за прошлое и настоящее. Ты сделал для России возможно больше, чем всевозможные крикуны. Пусть даже будущее нам неизвестно, но я рада буду пройти с тобой этот путь до конца. А поможет мне в этом моя любовь к тебе. Александр Васильевич благодарно обнял ее и поцеловал в губы.

...Пока Анна плескалась в ванне, прихорашиваясь, готовила на кухне завтрак, Колчак опять нервно шагал по кабинету, вынашивая что-то. Иногда внимательно промерял по карте циркулем и линейкой расстояния, помечая красным карандашом: Томск, Байкал, Харбин. Затем его взгляд остановился на дневнике. Открыл и начал читать.

*...Я произведен в мичманы. Быстрее бы на службу.
Радостно и горько от расставаний. Стал брюзгой!*

*Кто поймет Душу мою,
Хотя бы на короткий миг?
Кто не скажет, что она,
Как разбитый в море бриг?*

Прочитал. Усмехнулся, но читать продолжил.

*Нет! Оскал зубов меня не напугает,
Я драки не боялся никогда!
Но жаль с друзьями расставаться,
Забывать их и покинуть навсегда.*

Перелистнул несколько страниц и наткнулся на запись, подчеркнутую красным карандашом.

*...сегодня, к моей великой радости, избран действительным членом Императорского Русского географического общества и награжден золотой «Константиновкой».
Спасибо за оценку. Благодарю тебя, Россия!*

...Наконец-то свершилась в России Революция. Думаю, что это будет добрым толчком к прогрессу и выходу

из позора Власти. Разумеется, если это только не очередная борьба за нее... Завтра же отправлюсь в экипажи.

«Каким же я был наивным» - подумал Колчак и, перелистав десяток страниц, вчитался.

...Всевозможные комитеты, комиссии на кораблях мешают командирам. Не понимаю отношение к этому Алексеева, Гучкова, Григоровича. Один Плеханов оказался более «подвижным».

Устал ездить с докладами. Все впустую. Практически командующий Черноморским флотом лишен возможности командовать! Парадокс!! Подаю в отставку!

...Сегодня в Севастополь прибыл А.Ф. Керенский - уговаривать. Отказался! Не нравится он мне! Уж больно много от артиста, а не от политика. Расстались не прощаясь.

...Почти арестован. Передал командование контр-адмиралу Лукину. Выбываю в Петроград.

...Большевики все больше и больше захватывают власть. Этого не заметить невозможно!

- Да! Власть почти полностью была у них в руках, - вслух проговорил Колчак и вспомнил подробности назначения его командующим Черноморским флотом.

Был июнь 1916 года. Его срочно вызвали на аудиенцию к царю. Николай II был в кабинете один и, как показалось Колчаку, был сильно чем-то озабочен.

- Буду откровенен, - начал царь. Дисциплина в сухопутных войсках и на флоте катастрофически низка. Матросы, солдаты и даже офицеры, заражены самоволием. Нужна везде крепкая, жесткая рука командира. Генштаб и я давно присматриваемся к вашим успехам в науке и на службе, Александр Васильевич. Я подписал все документы о назначении Вас командующим Черноморским флотом. Надеюсь на Ваш разум и опыт, адмирал! Отечество на Вас надеется! Благослови Вас Бог!

Разговор с царем был настолько коротким и незначительным, что Колчак начал осмысливать все произошедшее только при получении верительных грамот в Генштабе. Правда, сейчас большевики пытаются в своих газетах очернить его, как ставленника главы Британской разведки полковника Самюэля Хора и посла Бьюкенена. Была ли действительно у этих господ беседа с царем, Александру Васильевичу неизвестно, но процедура его назначения была - именно такой, как он и запомнил.

- Аня, - обратился он к любимой, присаживаясь за обеденный стол позавтракать, держа в руке листовку. - Большевики опять обвиняют меня в предательстве интересов России во имя интересов Антанты. Будто бы меня завербовали в США, куда я выезжал по заданию Керенского. И все это якобы проделали со мной сам президент Вудро Вильсон и госсекретарь Элих Рут. Меня можно упрекать в чем угодно, но только не в предательстве! Я сын России и, верен своей присяге! Таким и умру!

После легкого завтрака Колчак вновь перешел в свой кабинет и, сверяя свои мысли перед совещанием в Генштабе, углубился в чтение дневника.

По датам следующей записи разрыв составил два месяца. Первые строки: *«Понял, что смогу служить России и в другом месте. Дал согласие на выезд в США».*

...Вспомнил все. Крупномасштабная угроза большевизма была реальной. Они получали все большую и большую поддержку от всех слоев населения: крестьян, рабочих, уставших от войны солдат, студенчества и, даже ранее колеблющейся, интеллигенции. Поняв бессмысленность своей миссии в США, перебрался в Японию и здесь услышал о намерениях большевиков, во главе с Лениным, заключить с Германией мир. Обратился к английскому послу с просьбой принять его на военную службу Англии, считая, что это – решение всех задач в победе над Герма-

нией и единственный путь блага для Англии и особенно его Родины – России.

Дальше шла запись: «Англичане взяли меня на службу. Ни большевистского правительства, ни Брестского мира я признать не могу, но, как патриот своей Родины, буду вести борьбу, используя наши союзнические обязательства против Германии.

...слава Богу, за три месяца удалось сформировать силы и средства для противостояния большевикам перед отбытием в Директорию».

Прибыв вместе с английским генералом Ноксом в Омск, Колчак был назначен Военным и Морским министром в кабинете Директории. И опять стал очевидцем беспорядков и неорганизованности. Его высказывания об этом были поддержаны многими, весьма не глупыми военачальниками и политическими лидерами. Бунт назрел. В результате переворота, хотя и назвать-то его так нельзя, вся полнота власти в Сибири перешла к Колчаку – Верховному Правителю.

В дневнике появилась запись: *«...Союзники в ноябре восемнадцатого предложили в Омске Бондарину пост Верховного Правителя, но он отказался. Однако совсем недавно он позвонил мне из Челябинска, представившись главнокомандующим. Разговор был весьма нелицеприятным. Я объяснил генералу, что Директория развалилась и что Совет Министров в нынешней ситуации не способен руководить. Нужно единовластие. Совет Министров принял Решение – ввести форму управления: Верховный Правитель. Я принял этот тяжёлый крест и несу его сейчас во имя своей Родины. На всё это генерал порекомендовал мне немедленно сложить полномочия и восстановить Директорию. Какой-то бред сумасшедшего! Ровно через неделю получил от него письмо: «Ваше высокопревосходительство, милостивейший Александр Василье-*

вич!.. Хочу покинуть Сибирь и выехать за границу... прошу принять уверение в моем к Вам уважении, и преданности».

Красных не могу понять, как этих и своих!!!

... Похоже, я иду впереди своего возраста. Наверное, отношусь к той категории людей, которые духовно рано вызревают. Единственный «выравниватель» в этом: Честь. Слово. Родина. Все обещания иностранцев о помощи в борьбе с большевиками – очередная компания. На Дальнем Востоке высадились более 77,0 тысяч японцев и американцев. На Севере – американцы и англичане. Бред то, что, якобы, все они борются за гражданские свободы. О каких свободах можно говорить, когда все они преследуют одно – прибрать к рукам, вывезти из России, как можно больше богатств. Остается одно – сгруппировать все силы здесь и из Сибири идти за Урал на Москву, восстанавливая единую и неделимую Россию.

В этом меня поддерживают и члены Совета: Г. Тельберг, Н. Вологодский, М. Михайлов. Но я отклоняю все чисто партийные интересы. Объединяющим должно стать общенациональная государственная идея. Для этого необходимо создать боеспособную армию, установить законность и правопорядок, одержать победу над большевиками и пусть народ изберет сам себе образ правления. Свои мысли я доведу до всех через воззвание к народу России».

Колчак долго сидел над этой страницей последних своих записей, покачивая головой из стороны в сторону. Задумался. Сидел, молча, долго, и вдруг заговорил, вынимая из себя потаенные мысли: «Прошел год. Чего я добился? Мое имя стало нарицательным - «колчаковщина». Белое движение разваливается по всей России. Большевики сформировали свою Армию и к ним ушли опытные офицеры. За что они воюют? Опять же за Родину, за Россию. Почему большевики оказались сильнее? Даже здесь, в Сибири,

оттеснили мои войска от Урала до Новониколаевска. В чем их сила? Перед полным разгромом своих войск и своих идей, - отвечу сам себе: их идеология оказалась сильнее нашей, а дисциплина жестче. И эта сила возникла от простого русского человека, которого мы не замечали и «эксплуатировали», по выражению их К. Маркса. Для меня – боевого офицера, не признать сегодня этого было бы еще большей глупостью и трагедией. Через несколько часов сложу с себя звание Верховного Правителя и передам свои полномочия Антону Ивановичу Деникину. До этого мне нужно решить еще одну задачу – отправить и сохранить золото-валютный запас России, который еще в большей части в Омске. Первая часть золотых слитков, через Маньчжурю уже достигла Харбина и, размещена в банках. Часть средств должно пойти на вооружение, часть на поддержку атамана Забайкалья – Семенова Григория Михайловича.

На что я надеюсь, сохраняя золотой запас? Все это добро россиян должно остаться для России, во благо ее процветания! Могу ли я проявить слабость и использовать это добро, спасая себя? Нет! Нет! Я честно пронесу свой крест до конца».

2.

Тихо вокруг. Слышны лишь шаги часового под окнами, да приглушенный говор дежурного офицера. «Пора!» - сам себе приказал Колчак и твердым шагом направился в ванную приводить себя в порядок. Очень долго и тщательно брился, обдался почти холодной водой, насухо протер полотенцем тело, надел чистое белье, парадное обмундирование и от всего этого почувствовал в себе прилив сил и решимость.

По бледным, осунувшимся лицам офицеров, вставших для приветствия, Колчак, как опытный психолог, еще раз утвердил себя в правильности выбранного им решения.

Начальник штаба – генерал Савин с указкой в руке, стоя у большой оперативной карты, докладывал Верховному состояние военных действий. Колчак слушал молча, несколько рассеяно. Иногда он делал какие-то пометки на лежавшем перед ним листе бумаги, невольно, внутренне, вздрагивал при словах: «... оставили, ... потери составили, ... убито и пленено. .. хаотично отступаем...».

«Да, война жестока все же по своей сути, но здесь особая жестокость – это не просто враги, это наши россияне», - так же вяло подумал адмирал и вздрогнул от наступившей тишины. Доклад был закончен и начальник штаба уже несколько минут, молча, смотрел на Колчака, ожидая его реакцию.

Верховный встал, провел ладонью по своему осунувшемуся лицу, как бы снимая усталость, и заговорил, выбирая из себя слова, жёстко врубающиеся в сознание присутствующих военачальников.

- Господа офицеры! - несколько громче обычного начал говорить Колчак. Все встали.

- Александр Иванович (Колчак впервые назвал генерала Савина по имени и отчеству) изложил нам всю картину военного театра, но не сказал главного.

Замолчал, как бы решаясь на что-то, и также четко продолжил:

- Наше сопротивление «красным» закончилось. Это теперь регулярные войска, имеющие не только вооружение, но самое главное – идеологию раскрепощения. Наше поражение в том, что мы свой патриотизм, любовь к Родине, противопоставили их идеалам свободы, забыв, что это тот же патриотизм, возросший из глубин наших подневольных людей и, в первую очередь, рабочих и крестьян. Россия сама

создала эту силу и теперь одна Россия кровянит другую Россию. Так не должно продолжаться! На всех фронтах военные действия не в нашу пользу. Наши войска отступают повсюду от Орла до Новочеркасска, от Астрахани до Тобольска, от Оренбурга до Новониколаевска. В тылу у нас двадцатитысячное объединение партизанских отрядов. По всей Транссибирской магистрали расположились чешские, венгерские, немецкие военнопленные. Это огромная сила, способная лишить наши войска разом всех передвижений. Мне легче назвать наши укрепрайоны: Владивосток, Хабаровск, Чита, Благовещенск, Иркутск, Петропавловск, Томск, Новониколаевск, Екатеринбург. Но все эти плацдармы разрознены и могут рухнуть под ударами Красной Армии в любое время. Есть ли в этом моя вина, как Верховного Главнокомандующего? Да! И огромная! Готов ответ держать перед любым Судом! Но, наверное, сейчас не это главное. Главное определиться в тактике наших действий. Поставим перед собой конкретные вопросы. Можем ли мы наступать? Нет, не можем! Можем ли сопротивляться? Да, можем, но организованно отступая!

И помедлив, громко, жестко произнося каждое слово, проговорил:

- Слушай приказ! С сегодняшнего дня прекратить всякие карательные меры по отношению к военнопленным, к местному населению, дезертирам. Начальнику штаба подготовить план отхода на новые позиции. Город организованно покинуть. Я через три дня выбываю в Иркутск для формирования вместе с Правительством Дальнего Востока новой ударной армии. Полномочия Верховного главнокомандующего с себя снимаю и возлагаю на генерал-лейтенанта Деникина Антона Ивановича. Благодарю всех за службу Отечеству! Да хранит вас Господь!

С этим и вышел из помещения штаба через шеренгу офицеров, ставших по стойке «смирно».

Через час к себе в кабинет пригласил начальника контрразведки – генерала Варламова и командира отдельного специального отряда – капитана Еремеева.

Прибывших офицеров Колчак встретил, стоя у карты с карандашными пометками. Начал говорить без всяких предисловий:

- У нас сосредоточен золотой запас России в слитках и драгоценностях. Наша задача - спасти его от разграбления и использовать во благо Отечества. Предлагаю следующие, весьма секретные, действия. Вы, генерал, - обратился он к Варламову - сегодня же сформируете два ложных вагона якобы с золотом и отправите их на хранение в Екатеринбург. Постарайтесь сделать так, чтобы эта информация просочилась. В это же время, скрытно, укомплектуйте необходимый состав с золотом и драгоценностями и вместе со спецотрядом отправьте в Иркутск и дальше в Харбин. Введите в курс дела Вашего помощника – полковника Вяземского и назначьте его командиром. Медлить нельзя. Надо проскочить с этим грузом через Новониколаевск. При невозможности перебираетесь в Томск. Там вас встретят и уточнят действия. Если в это время перережут железную дорогу красные или чехи, то все перегрузите на конный ход и схороните надежно весь запас в тайге. Проводника дадут в Томске. Конный отряд по переброске груза возлагаю на Вас, капитан Еремеев. Задача ясна? - обратился он к офицерам.

- Так точно! - чеканно ответили офицеры и вышли.

Вошедшему по звонку дежурному офицеру приказал приготовить две чашки кофе и срочно вызвать поручика Ливанова из разведки.

Уже через пятнадцать минут поручик Ливанов, с разрешения дежурного офицера, вошел в кабинет адмирала.

- Здравствуй, Саша! - опережая доклад, сказал Александр Васильевич и обнял этого рослого, голубоглазого по-

ручика. - Боже мой, Саша, как же ты похож на своего отца, моего надежного друга! - с печалью в голосе проговорил адмирал и отвернулся, смахнув внезапную слезу. Кофе пили молча: один, готовясь к разговору, другой, теряясь в догадках. Помолчали.

- Хочу тебе, Александр, поведать правду о тебе. Ты сын морского офицера, моего боевого товарища, спасшего меня в Карском море от неминуемой смерти. Это мы с твоей мамой скрыли от тебя до особого случая. Случай этот наступил сейчас.

Колчак замолчал, взглянул на побледневшего Александра и продолжил несколько громче, как бы выводя его из оцепенения.

- Хочу тебе, Александр, доверить последнюю надежду России – ее золотой запас. Часть его я уже отправил через Харбин в разные банки до востребования по жетону «предъявителя» с кодовым номером. Вторая часть уйдет сегодня ночью. Твоя же задача, добраться до этих банков и переправить все российское добро в Америку на сохранение для нашего Отечества. Документы я тебе приготовил.

Колчак открыл сейф, достал два небольших пакета, револьвер с запасом патронов и небольшой кухонный нож с деревянной ручкой.

- Вот мои доверенности на твое имя и верительные грамоты. Отныне ты Егоров Александр Васильевич. Во втором пакете документы на командира Красной Армии Егорова Александра Васильевича, пробирающегося после ранения в Читу. Документы подлинные. Из оружия возьмешь только этот командирский наган. В ручке ножа спрятаны золотые монеты и бриллианты на пропитание и расходы. После отдыха отправись с запасом питания скрытно послезавтра.

Колчак нервно заходил по кабинету. Внезапно остановился перед Александром, обнял его и прошептал:

- Я на тебя надеюсь, сынок.

Замер, не разжимая объятий. Так и стояли они на середине кабинета, не ведая о том, что уже никогда не встретятся и, что судьба приготовила им новые жестокие испытания.

...В Иркутске Александр Васильевич Колчак расположил свой штаб в железнодорожном тупике, в комфортном вагоне под усиленной охраной чехов и гарантии безопасности со стороны союзников. 14 января двадцатого года адмирал, ближе к ночи, отпустил своего премьера В. Пепеляева и, наскоро поужинав, погрузился в нервный сон. Анна Васильевна, не дождавшись его, спала.

Еще не проснувшись, почувствовал внутреннее беспокойство, которое встряхнуло его и заставило встать, одеться. Услышал на улице неясные голоса, переходящие на крик. Открыл дверь вагона и вышел. Молодой французский офицер, откозыряв, протянул Колчаку приказ генерала Жанена о передачи его представителям Иркутского Политцентра, которые стояли тут же, готовые применить оружие в любое мгновение. В их сопровождении посадили в автомобиль и повезли.

- Предали все же, Иуды! За сколько же серебряников сторговались? - на чистом французском прокричал он офицеру и, получив толчок в бок, замолчал.

Он молчал и тогда, когда власть в Иркутске перешла полностью Военно-революционному Комитету, возглавляемому большевиками. Ворота тюрьмы закрылись за ним ненадолго. Две недели изнурительных допросов не сломили его. Выпросив ручку, чернила и бумагу, ночами напролет, без всякого принуждения, писал пояснения. Писал долго, выкладывая строки, как острые спицы, нанизывая на них всю свою жизнь, детализируя события, зачастую повторяя записи своего дневника. Это был последний труд ученого – защитника Отечества, заблудившегося политика, поражен-

ного военачальника. Он писал для потомков, не хныча и не скуля о содеянном. Это была исповедь мудрого человека - сына России. При всём этом, Колчак ни разу не обмолвился о золоте.

Скоротечно, по шифровке Ленина, вывели его на расстрел седьмого февраля. В это утро лютовал сибирский мороз. Столбик термометра застрял около цифры 47.

Вывезли за город на берег, к говорливой даже подольдом, речке Ушаковке. Отвели к большому валуну недалеко от проруби. Скороговоркой зачитали решение Реввоенсовета от 6 февраля 1920 года под номером 27:

«... Основываясь на данных следственного материала и постановлений Совнаркома Российской Социалистической Федеративной Республики, объявившего Колчака и его правительство вне закона, Иркутский военно-революционный комитет постановил:

- бывшего Верховного правителя адмирала Колчака расстрелять.

.....
*Председатель Ширямов.
Члены: Сноскарев, Левенсон,
Управляющий делами Оборин».*

Под команду: «Готовсь!» - вскинули винтовки. При команде: «Огонь» не прозвучало ни одного выстрела. Солдаты пытались передернуть затворы, но они не подчинились. «Замёрзала оружейная смазка» - отметил про себя почти седой адмирал. Шагнул к проруби и, повернувшись к часовенке, которая в лучах хмурого солнца, высветила куполок с крестом, и оттуда донесся звон колокола. Перекрестился и сделал свой последний шаг в жизни. Падая, угодил сразу в стремнину проруби. Обожгло холодом, как тогда, на Севере. Намокшая одежда потянула вниз, и река навсегда унесла тайну адмирала Колчака.

...С низины потянул ветерок, и туман постепенно начал размягчаться, оседать, открывая местами небо. Вспомнилось Еремееву почему-то ясное зимнее небо в организованном им лагере-укрытии вблизи сибирского села Воскресенка.

Долго шли его отрядники, выбирая для зимовки место в тайге, и остановились на заросшем деревьями с кустарником логу. Одним концом лог упирался в лесистую заросшую гриву, а противоположная сторона выходила из-за поворота, прямо к большому рыбному озеру. Возможно, в другой бы раз Еремеев и поопасился расположиться отрядом вблизи села, но убедил его на это здоровяк Грицко – бывший житель этого села. Обосновались основательно: наблюдательные вышки, теплые землянки, прачечная, кухня. Грицко возглавил небольшой «продотряд», который менял всякое изъятое ранее у богатых барахло на съестное. Они же ловили рыбу и добывали зайцев. Лагерь был устроен настолько скрытно, что даже местные рыбаки и охотники его не обнаружили.

В один из погожих зимний дней, наткнулся на их дозор местный житель, заготавливая черенки для граблей и лопат. Так с топором в руках его и привели к нему. Ещё издали обратил внимание Степан Георгиевич на кошачью, крадущуюся походку мужика – его сослуживца Ливанова. Да! Это был он. Похоже, тот готовился к драке, дожидаясь момента.

- Поручик Ливанов! Ко мне! - радостно крикнул Еремеев и пошел навстречу.

Долгой была беседа двух испытанных офицеров Колчаковской армии.

- Предали нас в Томске, куда мы благополучно добрались с золотым запасом. Как только нас поставили в тупик, прибыл проводник и мы часть имущества: иконы, чаши, подсвечники, дорогие картины, золотую утварь перегрузили

на лошадей, а полковник Вяземский отправился с этим обозом в сторону золотых приисков.

Однажды вечером на соседний путь подали почтовые вагоны и поставили напротив наших. Со всех сторон сыпанули вооруженные люди, убивая каждого из нас. Тут же, сделав своё кровавое дело, перегрузили всё богатство в свои вагоны и отбыли в неизвестном направлении. Я же остался жив по счастливой случайности – прикрылся убитым, да и спешили налётчики. Кто совершил это злодейство, клянусь Богом, не знаю. Но видал, что все они были обуты в американские жёлтые ботинки и говорили на венгерском, либо на чешском языке. После этого собрал я дорогой десяток таких же, как я бедолаг, и теперь путь держим в Забайкалье – к Семёнову. От сельсоветчиков узнал, что расстреляли нашего Колчака. Вот и мстим на своём пути следования всем, кто отнял у нас нашу Россию: комитетчикам, коммунистам, перебежчикам-офицерам. Злым я стал, Ливанов!

После последних слов Ливанов побагровел лицом, схватил капитана за грудки, притянув к себе, выплеснул в лицо: «Ты, капитан, стал зверем! А был ведь интеллигентом! Помни это! Против кого бесишься? Нам всем нужно многое переосмыслить! Жизнь пошла новая. Хотим мы этого или нет, но это факт! Если этого не поймёшь – уходи! Поймёшь – приходи ко мне в деревню. Если зверем заматереешь и станешь насильником – убью при встрече сам!». Сказал, откозырял и ушёл.

Сдержал своё слово поручик Ливанов. Всех отрядников расстрелял в одиночку. И ему пуля пришлось вскользь в голову. Потерял много крови, но выжил и ушёл. Похоже, решил на это поручик после омерзительного случая: изнасиловали «подотрядники» капитана Еремеева двух девушек-активисток и убили. Донеслось всё это до Ливанова; вот и перещёлкал он всех, как куропаток. За два дня до этого Еремеев сам расстрелял насильников.

...Золото! Золото! Вся жизнь из-за тебя пошла набекрень! - проговорил капитан, в который раз рассматривая золотой портсигар с английской короной и процарапанным на внутренней стороне крышки:

Аи; Т-к; Б-л; (). Портсигар этот выронил в спешке расстрела руководитель налётчиков. Скрыл он тогда от Ливанова, что есть у него путеводитель к пропавшему золоту. Скрыл и то, что во время своих скитаний встретился с полковником Вяземским.

Горький осадок остался от этой встречи.

- Нам с Вами, капитан Еремеев, было дано Верховным одно задание – спасти от разграбления золото России. Лично я свою миссию выполнил честно. Повёл я свой разведывательный обоз таёжным маршрутом, расчищая путь основному каравану. Вы знаете, господин капитан, что я не трус и не глупец, но как нас заманили у таёжного села на засаду – могут позавидовать даже военные любого ранга. На это способны были обученные люди с хорошей военной подготовкой. (Намного позже Еремеев узнает, что основными стратегами в этом были местные охотники.) Из всех спаслось со мной трое. Остальные полегли. Это я их подвёл под свинец. Грех этот мне до конца жизни не смыть! Но, капитан, организовать скрытую засаду – можно только по подробной информации. Нас предали, капитан! Кто? Где? Когда? Не знаю! Уверен – там, где золото, там предательство и кровь.

После нашего поражения, а точнее, гибели, просидел я в ожидании основного отряда с золотом, почти две недели, а его нет. Где он? Куда делся? Где золото, капитан? Вы его должны были сопровождать!

- На этот вопрос, господин полковник, я и сам хотел бы получить ответ.

- А всё же, капитан?

- Ограбили нас в Томске. Всех расстреляли. Только я и уцелел.

- Как? - только и мог выдавить из себя полковник. Пришлось Еремееву рассказать всё подробно. Не сказал только о портсигаре.

3.

Появилось солнце. Еремеев, поддерживая костерок, мысленно казнил себя: «Почему не сказал правду? Ведь нам с ним было поручено сопровождать этот груз на Восток. Струсил? Пожадничал? А может быть, к Вареньке захотел вернуться богатеньким?

При упоминании её имени побежали мысли к Дону, к станице Нижней, где и случилось всё. Всё ли? Где сейчас его запоздалая любовь? Ждёт ли? А может быть, и не возвращаться? Другим он стал. Зачерствел от людских смертей и грабежей, от постоянной пьянки. Да и выберется ли он из этой тайги сам? Похоже, заблудился окончательно!

В свете костра замелькали картины жизни:

...Женился за два года до призыва в армию на черноглазой красавице Прасковье – средней дочери станичного атамана. Свадьбу гуляли после Покрова. Гуляли долго, размашисто. Отец с тестем расстарались. Жил с женой дружно, в согласии. Дом отдельный выделил им атаман. Да только недолго длилось их счастье. Через месяц после рождения сына призвали на царскую службу. Не успел путём свыкнуться со службой, как началась война с японцами. Сразу же, по прибытии в Дальневосточную часть – на фронт. Жаркими, и в то же время зачастую глупыми, были его боевые будни. Кровь, кровь, смерть. Повсюду стоны, крики о помощи и отборный мат.

Российская военная машина буксовала по всем направлениям: теряли одну позицию за другой на суше и на море. Глупость командиров пытался он, как ему казалось, перекрыть своей отчаянностью. Подобрал десять надёжных парней и давай «шарить с боями» по тылам японцев. На позицию возвращались без потерь. Однажды даже генерала с документами привели. Похоже, значимо помогли этим командованию. Сразу же к награде. О его храбрости заговорили в частях. Даже московские издания растиражировали о нём огромную статью с фотографией. Вот, мол, каковы защитники царя и Отечества. Только у Степана от всех этих наград и статей всё смурней становилось на душе. Какая-то тревога разъедала нутро, и было не понять ему причину этого.

В 1905 году через офицеров просочилась весть, что в США (Портсмут) прибыла российская мирная делегация во главе с Председателем кабинета министров Витте Сергеем Юлиевичем для заключения мирного договора с Японией. Бездарная, кровопролитная война прекратилась. Но повсюду начались революционные выступления и теракты. Вот и сняли их вместе с казаками спешно с позиций, и поездами в Москву, в Киев, для усиления охранной службы. Казаки считали эту службу позорной для себя и зароптали. Поддержали их в этом мнении и многие командиры. Боясь за последствия, а возможно, и бунта – правительство отправило часть служивых по домам.

Обрадовалась Прасковья возвращению мужа. Да только заметил бравый капитан в глазах любимой какую-то тоску по жизни. Тесть-атаман на встрече с ним рассказал, что дочка заболела почти сразу после его призыва. Каких только врачей он к ней не привозил. Какие только лекарства не выписывали – никакого результата по улучшению. Один старый еврей поведал, что больна его дочка особой внутренней, неизвестной до сих пор болезнью, которая пожира-

ет все человеческие органы. У Прасковьи уже последняя стадия. Нужно готовиться к смерти.

Тяжело давался этот рассказ отцу, да и для Степана было это страшнее сабельного удара. Всё так и произошло. Через месяц жена слегла окончательно, а в Троицу умерла.

Остался Степан один на один со своими житейским проблемами и сыном в большом доме. Крутился, вертелся сутками, а ничего практически не успевал сделать. Хорошо, что частенько прибегала на помощь ему младшая дочь атамана – Варя. То корову подоит, то устроит стирку, то баньку истопит. Привык Степан к ее ежедневному присутствию и ни о каком грехопадении не помышлял. Но это произошло. Произошло для обоих настолько неожиданно, что и понять всё произошедшее не успели.

Случилось это в субботу. Степан вытопил баню, а Варя пошла мыть сына. Передала ему его крепыша и вернулась помыться и попариться. Любила она веничком побаловаться. Вот уже и сына он уложил спать, а Вари нет. Мелькнула мысль: «А не угорела ли?». С этой мыслью рванул дверь бани и остолбенел. Варя, после парилки, распласталась голышом на широкой лавке. Не выдержал этого, взыграло мужское естество, замутив разум. Так и приняла она его, не открывая глаз и не сопротивляясь.

После этого стали жить, как муж с женой. А было то Варе всего семнадцать лет. Родители заподозрили что-то неладное в поведении дочери только месяца через три, когда была она уже беременна. Начались расспросы, угрозы. Варя молчала. Молчал и Степан. Всю эту сложность моментально разрешила война с немцами. Степана вновь мобилизовали в армию. Оставил он сына на попечение Вари и покатили казаки-донцы навстречу своей военной судьбы.

Вот и теперь, всматриваясь в открывшуюся голубизну неба, видит Степан заплаканные глаза Вареньки, и ощущает до сих пор ее прощальный поцелуй.

- Эх, Варя, Варя! Увидимся ли ещё, - тревожно вслух сказал Степан и начал шарить по карманам, ища курево, которого нет уже давным-давно.

- Заблудился я, Варя, в этой тайге и в жизни. Похоже, здесь и умру! - продолжил он своё обращение.

4.

Пятый день пытается Еремеев выбраться из этой проклятой тайги, или хотя бы найти правильное направление на Восток. Именно там должна была быть железная дорога. Ее они потеряли, убегая от конного красноармейского отряда. Бежали наугад: все дальше и дальше в тайгу, пока не наткнулись на болото. Их было трое. Трое крепких, сильных казаков-степняков. Все трое, выросшие в степных просторах, испуганно метались по этим глухим таежным просторам, пока не заблудились.

Осмысление произошедшего заставило действовать более решительно и осторожно. Посоветовавшись, пришли к решению: перебраться через болото на виднеющуюся гриву и по ней идти к предполагаемой железной дороге. Разделили весь свой провиант на три равных доли, прибрали спички, табак, ножи. Срубили три длинные прямые березки и гуськом шагнули в болото. До середины почти дошли по зыбкому мху. Впереди была открытая вода. Первый идущий ткнул своей жердинкой в болотную муть и наткнулся на твердую основу. Обрадовался и шагнул в воду. За ним второй.

Еремеев немного замешкался, поправляя заплечный мешок и даже не увидел произошедшего. Только вскрик и две головы скрылись под водой. Еремеев сбросил заплечный мешок, лег, распластавшись, и протянул к воде свою

березку в надежде, что его друзья вынырнут, и им понадобится его помощь. В такой позе пролежал полчаса, час – пока из глубины перестало булькать. Назад выбирался попластунски. Только на следующий день дошло до его сознания, что теперь он один на один с этой тайгой. Хорошо еще, что ему досталось нести топор и котелок.

Тайга с каждым днем, с каждым шагом все крепче и крепче брала его в плен, лишив неба и солнца. Вот если бы солнце... По солнцу он бы сразу выбрал путь. Но его нет. Сплошная серая пелена и прелый запах от болота и деревьев. Вспомнил уроки школы: с южной стороны у ели хвоя гуще и ее больше; с северной стороны на дереве образуется мох, а по кольцам спиленного дерева ещё проще определить стороны света.

Наметив по этим приметам себе путь, начал пробиваться сквозь валежник и молодую поросль на Восток. Какое же было его удивление, когда он голодный, уставший, к ночи опять пришел к тому же болоту, откуда уходил.

Не мог степняк знать, что все эти ветки, мох – завязят еще и от места произрастания дерева и дают совсем другие ориентиры.

На следующий день зашагал в противоположную сторону от болота, делая периодически на деревьях затёсы. Шел изнурительно долго. Всего-то один только раз позволил себе отдых и съел три сухаря с водичкой. От усталости к вечеру болели ноги, ломило в висках. Прислонился к огромной сосне, которую выбрал для ночлега, и тут же взвыл, увидев на стволе свой затес. От этого убийственного открытия, распластался на земле и уснул не то от усталости, не то от защитной реакции мозга.

Если бы Степан Георгиевич внимательно в своё время слушал своего школьного учителя, то запомнил бы, что ноги человека шагают по-разному и длина шага разная. Вот и получается, что ходит человек без ориентиров по кругу.

Очнулся уже под утро от нестерпимого голода. С трудом разжег костер, пожевал сухари и задумался, рассуждая вслух:

- Не выбраться мне отсюда. Похоже – каюк! Продержусь на ягоде, орехах ещё одни сутки и ночь и ослабну. Даже ползти сил не будет. А что там-то за болотом? Может, и нет ничего - одна пустота и смерть?

Хотя и не боялся капитан смерти, но тут струсил и от своего бессилия заплакал. Упал на землю и плакал до дрожи во всем теле. Затем, несколько успокоившись, для собственного самовнушения заговорил:

- Похоже, владельцу тайны захоронения золота не миновать смерти. А может, зарыть портсигар здесь и баста? Ну, а если выберусь, то как расшифрую надпись? Нет! Надо искать выход, капитан! Искать! Искать! Искать!

В минуты особого напряжения мысли, как от какого-то наркотического лекарства, начинал Степан философствовать. Вот и теперь мысли метались, как спутанная птица, да ещё и в клетке.

- Где моя Родина? Есть она теперь у меня? Давно уже в России идёт классовая борьба! Интересно – к какому классу я отношусь? А Варя, а дети? А может, и найдётся местечко для нас всех в этой Родине? Надо было всё же уйти с Веремеевым или с Ливановым. А золото? Может быть, им и откуплюсь? Эх! Наверяд ли! Тогда хоть детям что-то оставлю! А впереди все же смерть, если не выберусь!

Говорил, говорил. Долго говорил – облекая душу, и вдруг остановился от прорезавшейся мысли: «Делать гать через болото». Эта, на первый взгляд, абсурдная идея, толкнула его на действия, придавая силы.

Два дня рубил молодые березки и собирал сухие деревья. Надрал две вязанки ивовой коры. Наплел из нее бечеву для увязки. Бревно за бревном укладывал сухие деревья в болото, крепя их сверху за березовые жерди. Когда прибли-

зился к открытой воде болота – забарабанило сердце, перехватило дыхание. Вернулся на берег, поел опять сухарей и прилег отдохнуть. Вроде даже уснул. Спал или нет, он не знал, но очнулся от мысли: «А вдруг раскиснут от сырости увязки. Все рассыпется!».

- Работать! Работать! - приказал он себе и с каким-то остервенением начал таскать на берег заготовки.

Три дня провозился Степан со своим сооружением, а когда ступил на твердую землю, упал навзничь и уснул.

Спал, похоже, долго. Проснулся от света яркого солнца со стороны гривы. Поднялся вверх и заметил еле видную тропку. По ней и зашагал. Был уверен, что тропка эта все равно куда-то приведет.

Через двое суток, когда были съедены все сухари, заметил Степан на поляне избушку и сарай. Побежал. Упал. Пополз. С трудом присел на приступок домика, вытянул уставшие, почти онемевшие, ноги и, в какой-то особой истоме, закрыл глаза и улыбнулся счастьем своего спасения.

Отдохнув, приступил к обследованию территории и сооружений. Избушка, скорее всего, была чей-то заимкой, а сарай давно был поставлен для скота. Избушка и сарай были по верху жердей крыты широкими пластами березовой коры. По дружному мелколесью определил, что раньше там была дорога. Убрал от двери избушки подпорку и, пригнувшись, шагнул в нутро. Когда глаза привыкли к темноте, разглядел небольшую каменную печь, лежанку и широкую доску для стола. Пол, на удивление, был деревянным. Справа от двери выделялась крышка лаза в погреб. Открыл крышку, и сразу же шибануло оттуда какой-то прелью или даже гнильем.

Оставив погреб и дверь открытыми для проветривания, вышел наружу и приступил к обследованию сарая. Сооружение это не рухнуло только по одной причине – на треть было заполнено навозом и обильно поросло полынью

и крапивой. Опытным глазом определил, что скотины здесь не было года два. И еще он заметил странности в уровне отложения навоза. На треть помещения навоза почти не было и четко просматривалась земля. «Скорее всего, вывезли на хозяйственные нужды», - решил Степан Георгиевич и вернулся в жилище. Зажег лучину и начал спускаться в погребок. Сразу же наступил на что-то мягкое. Начал подсвечивать и вздрогнул от увиденного. Он стоял на полуистлевшем трупe мужчины с дыркой в черепе. Брезгливо отодвинул в сторону и разглядел под ним две банки и какой-то предмет, завернутый в истлевшую тряпицу. Все это выкинул наверх и, как ошпаренный, выскочил сам, закрыв плотно крышкой погребок. При дневном свете узнал две банки японских рыбных консервов. Такими консервами пользовались солдаты во время войны с японцами.

От увиденных припасов закружилась голова и в желудке начались спазмы. Вскрыл ножом банку и тут же ополовинил ее. Насытившись, прилег на землю и задремал, положив голову на содержимое в тряпке. Но очень уж жесткой была его «подушка». Нехотя сел и начал распутывать тряпку. О, Боже! Оттуда вывалился брусок золота с царской короной. От увиденного даже потряс головой. «Значит, золото было здесь!» - убеждая себя, крикнул капитан и промчался опять к погребу.

Обшарил каждый уголок. Ножом прощупал стены погреба и дно. Ничего! Переворачивая в очередной раз труп, в свете лучины, увидел черный волос с головы и полусгнившие ичиги. «Похоже, это проводник, либо хозяин зимовья. Рассчитались и убили. А может, свидетель убран?», - выстроил версию Степан. Прекратил обследовать зимовье и перебрался в сарай, предварительно затесав тонкую березку. Через каждую четверть вгонял он свое приспособление в мягкий грунт. Ничего! В уголочке, на выходе, ткнул чисто механически в молодую крапиву, и сразу же палка уткну-

лась во что-то твердое. Опустился на колени и, обжигая руки, начал рыть. Сразу под корнями крапивы блеснула желтизна. Не веря своим глазам, вынул Степан оттуда еще один слиток золота с такой же царской меткой. Дальнейшие поиски прекратил уже затемно.

Больше золота не было. Уставший, доел остатки консервов, сложил золото в мешок и, растянувшись на лежаке, уснул. Снится капитану сон: стоит он перед полковником Вяземским и поручиком Ливановым со своей находкой и плачет. Те же, вместо успокоения, голосом Колчака говорят: «На этой заимке прятали Российское золото, ворюги! Затем увезли! И ты, капитан, теперь вор! Смерть несет тебе золото! Пусти его во благо России!» От сна проснулся и до утра так и не сомкнул век.

Рано утром набрал с откоса глины, перемешал с сухим скотским навозом, вырыл ямку и в ней сделал замес. Когда все это загустело, достал золотые слитки, обмазал толстым слоем и пристроил их для просушки. По мере просыхания и растрескивания обвалил в сухой хвое и часа через четыре эти кирпичики перекочевали в заплечный мешок. Туда же положил несколько закопченных камней от печки. Такими нехитрыми предметами пользовались охотники для подогрева воды, жилья и даже собственного тела на ночевке.

5.

Шагает уверенной, окрыленной походкой капитан Еремеев по открывшейся дороге, не ведая, куда она приведет. Не один день шагал, то опускаясь в распадки, то поднимаясь вверх, пока не услышал стук по дереву и доносившиеся голоса.

- Ванька! Колька! Повнимательней собирайте! Ишь, сколько в траве-то пооставляли! Вон и отскок под горкой не собрали!

- Сейчас, сейчас, тятя, все соберем!

- Добре, сынки! Добре! Еще одну обобью и пойдем рушить, а то скоро затемнеет.

- Тятя! Пусть Ванька дособирает, а я начну рушить.

- И это верно, сын! Иди!

«Подожду», - решил Еремеев и притих за разлапистой елкой.

Говор начал удаляться, а затем и совсем затих. «Ушли на свой стан», - как заправский шишкарь решил Степан и тут же почувствовал у затылка холод ствола.

- Кого скрадываешь, мил человек? - раздалось под ухом.

- Ванька! Обыщи-ко его! - приказал тот же голос.

Здоровенный парень бесцеремонно вытряхнул на землю содержимое вещмешка и ловко обшарил одежду.

- Пустой он, тятя! - прокомментировал парень и рывком поставил Степана Георгиевича на ноги.

- Вань! Коль! Продолжайте обрушку, да проветривайте хорошо. Нечего мусор то возить, - распорядился отец и добавил: - Я тут маненько побеседую!

Только теперь, немного придя в себя, Еремеев рассмотрел мужчин. Высокий, крепкий телом мужик смотрел на него голубыми добрыми глазами. В его окладистой бороде пряталась снисходительная улыбка.

- Куришь штоль? Ишь, трубку таскаешь.

- Курю. Только уж забыл, когда это было.

- Держи, - пророкотал великан, протягивая кисет. Пока набивал Степан трубку, пока раскуривал, родилась полулегенда о себе. Здоровяк завернул «козью ножку» и запыхтел ею.

- Садись! В ногах правды то нет. Рассказывай!

- Особо и рассказывать нечего. Родился и вырос на Дону. Призвали на царскую службу. Воевал с японцами. Под Томском поцеловало меня в башку. Отлежался. Когда взбунтовались чехи, отошли наши в сторону Иркутска партизанить. К ним мы пробивались втроем. Продвигаться по железке побоялись. Шли всегда рядом с ней. Наткнулись на разъезд. Ломанулись в сторону. Заблудились. Двое утопили в болоте. Я вот тоже с жизнью распрощался. Повезло – вас встретил. А зовут меня Степаном Георгиевичем Еремеевым.

- Эка! И меня так кличут,- широко улыбнувшись, сказал бородач и добавил - Нефедовы мы. У нас, считай, полсела Нефедовы. Из России сюда прибились всем селом и скрылись тут.

- Что так-то?

- Старшие бают, что помещика своего ночью тюкнули топором, а утром все побегли.

- За что его?

- Так ведь, что удумал, нехристь. Каждую неделю девку молоденькую брал с собой в баню и там портил. Вот и убили, когда терпение лопнуло. А сюда увел всех старый Прокопий. Он когда-то царскую каторгу тута ломал. С тех пор общиной и живем. Обходимся пока без всякого там государства, чиновников. Живем по христианским заветам. В церкву ходим. Школу свою до четырех классов имеем.

- Вы что – сектанты? По своей какой-то вере живете вдаль от людей?

- Ну, ты, паря, загнул! Никакие мы не сектанты. Мы простые мирные христиане с верой в Бога. С его помощью и трудом своим все имеем: еду, одежду, дом, детей и внуков.

- Степан Георгиевич! Возьмите меня с собой, - взмолился капитан. Пропаду я в этой тайге!

- Пошто не взять. Возьмем. Вспомоги немного с оренками управиться и отправимся до поселку. Великан еще раз

кольнул взглядом Еремеева и распорядился: - Забирай свое барахло и шагай за мной!

Минут через десять подошли к небольшой поляне, где всюду трудились сыновья. Старший сын сноровисто на «рушке» вымолачивал орех из кедровой шишки, а молодой – с таким же проворством на малой веялке, отбивал орех от мусора и сыпал в мешки. Рядом стояла телега-арба, а поодаль паслась лошадь. Работу парни не прекрати даже когда пришел отец с незнакомцем.

- Сынки! Давайте немного похарчемся, трохи отдохнем и за дело. Часа через три тронемся, - распорядился отец и, взяв берестяную посудину, пошел за ключевой водой. Парни сноровисто застелили телегу рушником, разложили снедь, нарезали большими шматками сало и такими же кусками ароматный хлеб.

При виде такого обилия пищи закружилась голова и затошнило. Еремеев качнулся и, чтобы не упасть, ухватился за телегу.

- Долго не ел? - спросил подошедший с туесом хозяин.

- Трое суток ни крошки, - глотая слюну, механически ответил тот.

- Тогда вот тебе хлеб и вода для начала. Сала не ешь. Желудок не выдержит! - назидательно проговорил Степан Георгиевич и, перекрестившись добавил: - С Богом!

Еремеев молниеносно проглотил большой кусок хлеба, запил водой и уставился глазами на пахнущее чесноком сало.

- Пойди-ка, милок, присядь под березку. Отдохни маенько, она и силы тебе придаст. Ежели от слабости уснешь – не беда. Когда очухаешься – врубайся к нам в помочь, - опять командно сказал старшой и, перекрестившись, ушел вместе с сыновьями.

Еремеев тяжело опустился около указанной березы, прижался к ней спиной и закрыл глаза. Ему показалось, что

он их закрыл и тут же открыл. На самом же деле проспал почти целый час. И опять Еремеев не услышал, как к нему подошел Степан Георгиевич.

- Теперь поешь сала и айда работать! - протягивая солидный кусок сала с хлебом, сказал он.

Еремеев, почувствовав особый прилив сил от пищи и гостеприимства, с какой-то двойной энергией, как заправский таежник, таскал кули с орехами и укладывал их умело на телегу. Заплечный свой мешок держал постоянно на виду. С его приходом работа пошла более ходко, и еще по светлomu они управились полностью. Ребята запрягли лошадь, помогли ей стронуть с места тяжелый воз и покатали вдаль.

Похоже, лошадь дорогу знала, и сыновья шли за возом, изредка подталкивая его на подъемах.

Взрослые несколько поотстали и продолжали ранешний разговор.

- И как же это ты, Степан, болото перешел? Гиблое то место.

- Гать соорудил и перебрался.

- Один?

- Один.

- Откуда такие умения.

- Сельский я. А тут еще и смерть помогала.

Помолчали.

- А как на нас вышел?

- Вначале по гриве за болотом, затем по старой тропке до займки, а затем по заросшей дороге.

- Знаю я эту займку. Тува там свой скот держал летом.

- Кто такой Тува?

- Лет, пожалуй, пять прошло, как прибился к нам тувинец. Говорил плохо. Держался особняком. Скотину свою держал далеко в тайге на этой самой займке. Но охотником он был отменным. Года два его как не видно.

- Мне кажется, что я его видел на заимке.

- Где, где?

- В погребке с простреленной головой.

- Похоронил?

- Нет.

- Негоже это! Не по-людски! Денек отдохнем и поедем хоронить!

- За что его могли убить?

- Не знаю. Охотники наши говорили, что видели однажды большой конный обоз в той стороне. А что везли – никто не знает. Еще у нас в селе глухонемой дед Парфентий толмачил, что лошади с трудом тащили возы, и очень много было вооруженных людей. Да что с него возьмешь – совсем ополоумел, даже толмачить ни с кем теперь не хочет.

«Значит, я на правильном пути. Золото хранили там. Увезли на лошадях. Обоз не может бесследно исчезнуть. Кто-то да видел», - мысленно решил капитан и вновь включился в разговор.

- Далеко ли от вашего села железная дорога?

- Да нет! Не очень! Верст, пожалуй, сто будет. Наши мужики из партизанского отряда наведывались и говорили, что лошадьми будет два дня ходу.

- Далековато для тяжелого обоза.

- Если с подменными лошадьми, то за трое суток можно прибыть.

Село появилось сразу же за поворотом дороги. Вдоль берега небольшой речушки стояли добротные дома с высокими бревенчатыми заборами. Село было небольшим – дворов, пожалуй, тридцать-сорок. На противоположном берегу расстилалась большая поляна, где паслась разномастная скотина. Около домов и на реке гоготало и крикало множество гусей и уток.

- А вот и наша Сибирка! - как-то по особому тепло объявил Степан Георгиевич, поворачивая к крайнему дому.

- Что-то я на улице свиней не вижу? – спросил Еремеев.

- Мы их в отдельном загоне держим. Уж очень они село портят. За ним следим.

- А кто у вас Голова на селе или Атаман?

- У нас каждые пять лет выбирается общим собранием Совет жителей. Совет выбирает председателя, он же Голова поселка.

- Кто же сейчас Голова?

- Третий год, как я, - смущаясь, проговорил Степан Георгиевич и заспешил открывать тесовые ворота во двор дома.

Пока мужчины поднимали на потолок огромного рубленого сарая мешки с орехами и тонким слоем рассыпали там на тканые дорожки для просушивания на сквозняке, жена и младшая дочь хозяина подтопили готовую баню и накрыли под навесом стол для еды.

Степан Георгиевич что-то сказал жене, и она через какое-то время вынесла по комплекту чистого белья, мыло и полотенце. Хозяин принес бритву и, слегка ворча, пробасил: - Сними свою поросль с лица. Омолодись!

Еремеев долго отмывал свое грязное тело, раз за разом меняя воду в ушате, пока не побежала с тела светлая вода. А мужики в это время охаживали в парилке друг друга березовыми вениками, крикая и вскрикивая. Еремеев с трудом перед зеркальцем в предбаннике сбрил усы и бороду, и взглянул на него оттуда весьма молодой мужчина с седыми висками и обильной проседью в голове. Пока возился со своим лицом, прислушиваясь к криканиям в парилке, по всему телу прокатилась волна желания пройтись так же веником по спине и уставшим ногам. В это время оттуда выскочили сыновья, быстро облились холодной водой и растянулись блаженно на лавке в предбаннике. Степан шагнул в парилку и тут же присел от нестерпимой жары.

- Посиди внизу, пока весь не прогреешься, и не польется пот, - донеслось с полка. Каменка опять выбросила клуб пряного пара, обжигая влажное тело, и оно зазудилось во всех местах.

- Залазь сюда, - поступила команда, и тут же два веника легонько веером прошлись по спине и груди. Зуд в теле усилился, и Степан сам плеснул на каменку воду. Пар ожег, перехватил дыхание и начал щипать уши и нос. Пошла молютьба. Степан Георгиевич лупцевал Еремеева двумя вениками сноровисто, не причиняя боли. Сколько продолжалась эта экзекуция, капитан не запомнил, но из парилки он не выходил, а выползал под одобрительный смех хозяина.

Выпив кружку медовухи и плотно покушав, Еремеев почувствовал наваливающийся сон. Извинившись, ткнулся сразу на лежанку, и тут же захрапел под веселый смех домочадцев.

Проснулся еще до восхода солнца и сразу же начал искать свой мешок с золотыми слитками. А он по-прежнему, как повесил вчера на крюк с хомутами, так и висит. «Пусть висит. Броская ненужность – лучший сундук для хранения» - решил капитан и пошел умываться.

Молча, позавтракали, и каждый занялся своим делом. Женщины накормили скотину, прибрались в доме и приступили к стирке. Парни начали пилить на дрова березы, а Голова повел Еремеева знакомиться с поселком.

Встречные уважительно кланялись и здоровались, называя Голову по имени-отчеству. А мальчишки и юноши головные уборы снимали загодя. О каждом дворе рассказывал Степан Георгиевич подробно, уважительно к хозяевам и, как показалось Еремееву, с гордостью. Еремеев же диву давался этим добротным деревянным постройкам. Крупные бревна срубов как бы крепили в каждом доме особую мощь, силу и уверенность в завтрашнем дне. С таким же чувством выходил он из церкви и это же почувствовал он и в школе.

На выходе из школы Голова внезапно задал вопрос:

- Скажи мне, паря, сколько у тебя классов образования?

- Шесть, церковно-приходской.

- Так ты же грамотной! Останься учителем в школе.

А?

- Дорогой мой спаситель, Степан Георгиевич, не могу я этого сделать. Ждут меня. Я клятву дал! Отменить не могу!

Назад шли, молча – каждый со своими мыслями.

«Надо же! Не согласился! Хороший человек! Слово свое держит, но хитрит, не открывается», - думал Степан Георгиевич, вороша свою бороду.

«На след золота казны Российской я вышел. Куда он поведет меня дальше? Наверное, в сторону Байкала. Надо спешить, пока могут быть свидетели. А за гостеприимство обязательно отблагодарю добрейшего отца семейства. Побольше бы таких на Руси! В поиске мне нужна помощь. Вот если бы Ливанов! А может, Семенов?», - гонял мысли Еремеев.

Ужинали опять молча. Пред сном Степан Георгиевич, сердито глядя на Еремеева, пробасил: «Утром рано поедем хоронить Туву!».

Не успело и солнце показаться из-за леса, как хозяйка вынесла в корзине в дорогу провиант и бережно уложила на легкие запряженные дрожки. Там уже увязано лежали лопаты, доски, инструменты, топор и сзади был закреплен логушок с водой. Для лошади приготовили маленько овса. Быстро позавтракав, тронулись в путь.

Долго ехали, молча, еще и еще раз перемывая в мыслях вчерашний разговор. Не теряя надежды, первым заговорил хозяин.

- Как, паря, думаешь добраться до Иркутска? И кто тебя там ждет?

- Мне нужно добраться до железки, а там с Божьей помощью доберусь к своим братанам.

- Могут и убить!

- Могут! А могут и не убить!

Долго опять ехали молча.

- Упертый ты все же мужик, казак! - проговорил неожиданно Степан Георгиевич и так хлопнул капитана своей ручищей по спине, что у того дыхание перехватило. - Но это мне как раз и по душе!

До самого зимовья не прекращался разговор.

Добрались к месту, когда уже начало темнеть. Быстро разожгли костер, выпрягли лошадь, убрали в зимовье инструмент и приготовились к ночевке.

- Давай немного покушаем около костра, затем я накормлю лошадь и будем укладываться. А все остальное завтра,- выдал вердикт Голова и начал потрошить корзину с провизией.

Еремеев проснулся от монотонных звуков со стороны зимовья. То Степан Георгиевич заканчивал острругивать доски на гроб и уже отпилил их по размеру.

- Доброе утро, господин Голова,- приветливо сказал Еремеев и плеснул себе на лицо холодной воды окончательно просыпаясь.

- Чичас ты у меня перестанешь зубоскалить, господин, - передразнивая Еремеева, изрек Степан Георгиевич, не прерывая работу.- Бери лопату и рой могилу! Я там вешками наметил!

Часа через два гроб и крышка были готовы. Степан Георгиевич даже соорудил что-то наподобие креста, не будучи уверенным в правильности своего дела. Чтобы найти этому поступку оправдание, проворчал: - Хоть и нехристь, но жил вместе с нами. Пусть под христианским крестом и покоится.

Еремеев в это время, весьма сноровисто, как бывало на передовой, углубился на добрый метр в землю.

- Шабаш! Этого хватит! Подчисть и вылазь, - раздавалось неожиданно сверху, от чего Еремеев даже вздрогнул. «Ходит, как кошка. Не слышно. Хорошим бы разведчиком был», - мелькнула мысль.

Солнце выкатилось из-за деревьев, когда закончили захоронение. Тщательно помыли руки и присели помянуть. Выпили за упокой души его по стакану медовухи, задвигали челюстями, поглощая из корзины припасы.

Не мешкая, запрягли лошадь и, перекрестившись, покатили к дому. От монотонного покачивания Еремеев задремал и тут же увидел сон. Бежит к нему навстречу Варенька с дочкой на руках и радостно так говорит: «Вся в тебя. Полная копия». Проснулся от толчка в бок: - Не спи, а то свалишься! - мудро заметил Степан Георгиевич и добавил, - Варю какую-то звать стал. Это кто тебе?

Может быть от сна, может от никчемных поступков своих, но рассказал капитан все этому доброму таежнику, ничего не убавляя. Закончив исповедь, облегченно зашагал рядом с ходком.

-Тебе, паря, к семье нужно возвращаться!- назидательно, после долгого молчания, проговорил Степан Георгиевич и зашагал рядом, слегка приобняв Еремеева за плечи.

6.

Домой приехали только ночью. Хорошо, что на небе всю светила, поблескивая, огромная луна.

Еремеев молчал. Молчал и Степан Георгиевич. Но тот и другой чувствовали, что нужно высказаться, договорить

то, что оставалось за пределами всех их душевных разговоров. И опять первым начал разговор Степан Георгиевич, стараясь выбирать весомые слова, такие, которые вдавливались бы в сознание и не оставляли бы место для опровержения сказанного.

- Добрый ты человек, Степан! Но заносит тебя зачастую твое необузданное сердце и собственное величие. Не обижайся, паря, но ты живешь вне людей. Ты о людях, о близких тебе людях, думаешь только тогда, когда тебе плохо. А каково им от твоих действий? Ты об этом не думаешь! Да и в голове у тебя полный беспорядок. Ты до сих пор не определился, по какой дороге идти, к какому берегу приблизиться. Гложет тебя еще что-то, но твое неверие в доброту людскую не позволяет рассказать все. Мой тебе совет старшего: выкинь из головы все черное, разыщи семью и вези их сюда. В России наступает тьма. Загубишь ты их там! Подумай над тем, что сказал, и не держи на меня обиду. Понравился ты мне, вот и ворчу по-стариковски.

Долго оба сидели и молчали. Неожиданно Еремеев выдал:

- Степан Георгиевич, а нет ли медушки? А то что-то храбрости недостает для разговора!

Степан Георгиевич кольнул ободряющим взглядом Степана и по-молодецки спустился в погреб. Пока он там возился, Еремеев принес свой заплечный мешок и выложил на край стола замурованное под кирпич золото.

Выпили, молча, по стакану медухи. Еще налили до краев. Осушили, молча, и это. Покурили, жадно глотая дым, будто пытаясь заглушить внутренние раны.

Еремеева взорвало:

- За правду и науку, Степан Георгиевич, спасибо от души. Спасибо вам за ласку и гостеприимство! Ударили вы меня вашими словами в сааме сердце. И вот вам моя плата, плата для всех селян.

С этими словами взял он грязные кирпичики, опустил в корытце с водой и пучком травы обмыл. Золото под светом луны блеснуло, словно обожгло! Степан Георгиевич смотрел на все это весьма настороженно, но без испуга.

- Это золото нашел я на заимке. Уверен, что там его прятали, а затем обозом вывезли. Куда? Не знаю! За него и Туву убили. Не мое это золото, Степан Георгиевич. Российской казны оно. Так пусть российскому человеку и послужит. Отдаю его в ваши честные руки, дорогой мой Голова. Пусть благом, а не злом станет селянам. А я же завтра пойду к железной дороге. Доберусь до Иркутска, встречу там со своими и проберусь на Дон. Разыщу свою семью и, вполне возможно, воспользуюсь вашим гостеприимством.

От всех этих слов, выуженных из самых потайных желаний, Степан даже взмок. Трясущимися руками, не спрашиваясь, налил из глечика медовухи в свой стакан и жадно выпил.

Наступила гнетущая тишина. Слышно было только, как Степан Георгиевич булькает себе в стакан медоуху. Выпил. Подвинул к себе слитки и глухо произнес.

- За то, что целое состояние людям отдаешь – большая тебе, паря, благодарность. Я его через ювелиров-евреев обменяю на строительные материалы, и построим мы мельницу, школу увеличим, перестроим церковь, закупим металл для кузницы и, конечно же, бедным и вдовам поможем. Так ответим на твое благородство, Степан Георгиевич!

Встал и троекратно расцеловал Степан.

До самого утра просидели мужчины за столом под навесом, поглощая глоток за глотком медоуху, пока не принял их облегченные от недоговоренностей головы – сон, на подложенные руки. Так и обнаружила их хозяйка рано утром, направляясь подоить корову.

Почувяв что-то неладное в поведении мужа, Агафья насторожилась, а увидев на столе золото, невольно вскрик-

нула, осеняя себя крестом. От ее беспокойства проснулся тут же хозяин и, сообразив все, накрыл плитки рушником, привлек к себе жену и прошептал: «Богатство, Агафенушка, прибыло для всех нас через этого человека. Доброй души оказался. Пусть поспит. Душу свою он облегчил ночью. Провожать его будем сегодня».

Еремеев проснулся от разговора и суеты во дворе. А там уже стояла запряженная лошадь в тот самый ходок, и Степан Георгиевич вместе с женой устанавливал большую корзину с провизией. За столом спешно кушал их сын Ваня.

- Доброе утро, засоня!- приветствовал его Степан Георгиевич. Иди, умывайся и за стол завтракать, а то дорога долгая предстоит.

Только теперь Еремеев понял, что предстоит ему разлука с этими добрыми людьми, с их гостеприимным домом, с этой российской благодатью. А ему так не хотелось этого делать и, чтобы скрыть эту грусть, начал интенсивно плескать на лицо холодную воду.

За завтраком Степан Георгиевич с грустью в голосе объявил:

- Верст пять не доезжая до станции железной дороги, расположено село Куйта. Там замужем наша старшая дочь Степанида. Ее муж работает на железной дороге. Он тебя и отправит. До дочки тебя отвезет Ваньша. Дорогой будь осторожен. Шалят в тайге людишки!

...На восходе солнца увозили капитана Еремеева вдаль, в неизвестность...

*Истинное мужество заключается не в том,
чтобы призывать смерть, а в том,
чтобы бороться против невзгод.*

Сенека Младший

Глава вторая

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

1.

Вторые сутки, после похорон отца, не спится стареющему бывшему атаману станицы Прокопию Назарову.

Вторую ночь отбрасывает свет Назаров дом на улицу, заставляя придерживать шаг проходящих мимо станичников. Качает своей седой головой казак под такт набегающих мыслей. А мысли, одна тяжелее другой, щемят его сердце. Не может атаман унять их бурю. Да и как унять? Кругом творится такое, что даже он начинает «спотыкаться».

Неожиданно всплыл рассказ деда о донском казачестве: - На свободные земли между Волгой и Доном из года в год стекался безземельный народец: казаки с Волги, беглые каторжане, крестьяне Заволжья. Селились поначалу в среднем течении реки Яик и организовали там свою общину. Землепашеством вначале не занимались. Основное деяние: охота, рыбалка. Но земли эти издревле принадлежали разного рода мурзам кочевых народов. Они-то и не давали покоя пришлым. Понадобилось свое войско. Отсюда и пошло яицкое казачество. Крепли со временем, занимая все новые

и новые земли. Казаки постепенно превратились в полувоеенное формирование со своими станичными атаманами и общевойсковым кругом.

Дед от старости зачастую терял нить разговора. Долго молчал, причмокивая беззубым ртом, и начинал все сначала. В этих случаях, на выручку приходил отец: - Царское правительство быстро «смикитело» и предложило казакам под определенные льготы охранять южные границы России. В царском Указе значилось, что с 1748 года формируется Яицкое казачье войско.

Красиво написано было, да только шероховато все вышло. Как только началась семилетняя война Пруссии и Великобритании против Австрии, России и Франции, казаков войска Донского затребовали на войну. После смерти дочери Петра I – императрицы Елизаветы Петровны, царь Петр III войну прекратил. Вздохнули казаки, да ненадолго. Через пять лет началась война с Турцией. Опять казаков забрали на войну. Кого поубивали, кого сильно покалечили. А дома хозяйство без мужских рук совсем порушилось. Взбунтовались казаки. Да и как не взбунтоваться? Лошадь на службу имей, полную военную амуницию держи, на военные сборы дважды в год явись.

В это само время, начал собирать свое войско против царя хорунжий Емельян Пугачев. Был он из местных казаков и участвовал в той и другой войнах. Отважен и умен был Емельян. Озлобленные царской несправедливостью, казаки повсеместно вошли в его войско. К концу года, от начала восстания, его армия насчитывала более 30 тысяч бойцов и около 90 орудий. Его поддерживали не только донцы, но и волжане, калмыки, татары. Послали на него царские войска. Не один раз побивал он их. Но в сентябре 1774 года «продали» его собственные окруженцы. Схватили, отвезли в Москву и там казнили.

Не сразу успокоились восставшие. Многих тогда убили, сослали в Сибирь. Только особый «дух» казачества не сумели сломить. И чтобы как-то вернуть все на прежний лад, даже Яицкое войско переименовали в Уральское казачье войско.

...Нет теперь у Прокопия ни деда, ни отца. За все в ответе перед семьей он один.

От тяжелых дум не услышал, как на кухню вошла жена Глафира. Села напротив мужа, всматриваясь в него своими черными глазами, и тихо проговорила:

- Ты бы прилег, отец. Вторые сутки ведь не спишь.

- Как тут, Глашенька, уснешь, когда все рушится: старший наш инвалидом с войны возвратился, другой вообще потерялся, дочка умерла, а меньшая наша без венца родила от зятя Степана.

- То, что без венца и свадьбы – плохо. Но на то мы и бабы, чтобы рожать. Внук и внучка – загляденье!

Я ведь тоже четверых родила тебе. Они все разные, но одно общее – наша казацкая несклонная закваска.

- Так – то оно - так. Но порядок нарушать – не дозвоительно!

- А ты, Проша, разве всегда придерживался установленных порядков? Не ты ли выкрал меня и женился, против воли родителей? Вспомни! Вспомни! Так что, отец, характер у всех - твой.

С этими словами, погладив мужа по голове, Глафира тихо удалилась.

Разбередила душу своими словами жена. Вспомнил, как все с ней начиналось.

...После завершения похода на Хивинское Ханство, возвращался к месту проживания казак Прокопий Назаров. Много подарков вез он с собой. Были в его переметных сумках шелковые платки, ювелирные украшения, невиданные сладости. Долго добирался служивый до своей станицы, но

все подарки остались нетронутыми. Надо же было так случиться, что в это время с пустыми ведрами переходила дорогу юная, стройная казачка. «Ох, плохая примета», - решил Прокопий и соскочил с коня.

- Что, казачок, - приметы напугался? - резко бросила девушка, пятась под напором лошади.

- Нет! Просто лошадь напоить нужно, - буркнул Прокопий, первое, что пришло на ум.

- Футы-нуты, казак! - река рядом! И нечего топтать своей лошадейю нормальных людей, коли сам хромаешь на голову!

- Ну и язва же ты! - парировал он. Зовут тебя как?

- А если не скажу, то что будет?

- Я все равно узнаю!

- Ну и узнавай! - кольнув огромными глазищами Прокопия, дерзко парировала она и величаво ушла. Сильно кольнула своими очами. Аж до сердца достала.

Два дня гуляла родня Назаровых, отмечая прибытие Прокопия. Восхищались его наградами за храбрость и дорогим подаркам. Когда вся эта гульба надоела, вышел Прокопий на улицу и нос к носу встретился со своей незнакомкой. От неожиданности оба оторопели.

- Дяденька! Уступи дорогу! – смеясь, первой сказала она, продолжая стоять, и озорно разглядывая этого рослого казака.

Не зная, как продолжить разговор и как задержать девушку, Прокопий: истукан истуканом, стоял на месте, переминаясь с ноги на ногу.

- Господин, Георгиевский кавалер! Пропустите меня в дом Назаровых! Мне нужно передать для дедушки лекарство!

- Славно-то как! Это к моему деду! Проходите, барышня!

- Вообще-то меня зовут Глашей! А вас?

- А меня с детства называли Прошей, то есть Прокопием, - пропуская девушку в калитку, потя от волнения, бросил великовозрастный казачина.

С этого дня захлестнула их обоим стремление видаться, разговаривать, а затем и целоваться. Они встречались ежедневно крадучись в тихом месте на берегу Дона. Но это им казалось, что их никто не видит. В скором времени родители Глаши прознали о её встречах с Прокопием, и отец запер ее в горнице на замок в надежде, что разлука образумит дочь. Произошло же все наоборот. В одну из таких ночей Прокопий через окно горенки вызволил свою любимую и увел к себе домой женой! Так и повенчала их судьба навеки без родительского благословения.

Давно нет в живых Глашиных родителей. До самой смерти так и не простили дочь за самовольство.

Жили дружно, в согласии. За три года произвели на свет сына Павла и дочь Прасковью. Через два года родился сын Захар, а в возрасте тридцати лет Глаша родила ещё и дочь Варвару. Дети подрастали без особых хлопот. Вот уже и Павла проводили на службу в царские войска, а через два года и Захара. Прасковью в скором времени сосватали за Степана Еремеева: казака бравого, хозяйственного. Любили они друг друга какой-то особой любовью. Через год родился у них сыночек Андрей. Степана же через два месяца призывали на службу цареву. Пока он воевал с японцами, да бился с разными другими посягателями на Русь, Прасковьюшка заболела. Заболела какой-то неизвестной медикам болезнью. Когда Степан домой-то возвратился, дочка и умерла вскорости. Остался Степан один с хозяйством и сыном в своем большом доме. Благо Варе уже семнадцать исполнилось – стала ему помогать. Помогала, помогала – ну и помогла!

Когда он узнал о ее грехе со Степаном, схватил нагайку и давай лупить дочь. Раза два успел ее стукнуть и еще

замахнулся, да наткнулся на рогач. Стоит перед ним его женушка с ухватом в руках, готовая ударить, а сама бледная, в слезах, и как закричит на него:

- Совсем сдурел на старости! Ничего не видишь! Нельзя ее бить! У нею дитё будет! Бросила к ногам остолбеневшему Прокопию свой ухват и, заливаясь слезами, ушла в огород.

А Варька стоит, молча, даже не плачет. Уставилось материнскими глазами на него и тихо так шепчет: «Люблю я его! Люблю! Ждать буду!»

Скрипнул зубами атаман, с каким-то остервенением кинул к ногам дочери нагайку и выскочил на улицу. Первый раз за все время, видели станичники своего атамана «в стельку» пьяного.

Время лечит и затягивает душевные раны. Варя родила дочку на радость родителям. Назвали Марией в честь Марии-Магдалины.

Месяца через два привезли казаки из лазарета старшего сына с простреленной ногой, без кисти левой руки. Не выдержал атаман, упал на грудь сыну и дал волю слезам.

...Однажды после бани, присели на лавочку отец с сыном и впервые Павел исповедовался перед отцом.

- Когда в июне 1914 года в Сараево убили австрийского Фердинанда, нас сразу начали готовить для выступления на Австро-Венгрию в защиту Сербии. Пока готовились, через месяц нам объявила войну Германия с Австро-Венгрией. Наши войска в начале войны сражались вполне успешно и в Галиции взяли в плен более 200 солдат. Уже в сентябре мы были в Силезии и Пруссии. Но в это время с юга на помощь Германо-Австрии выступила Турция. После этого мы стали отступать, потеряли около 900 солдат. Немного помогли нам французы. Немцы сосредоточились на линии Рига – Пинск – Тернополь. Наиболее удачным был поход наших войск под командованием генерала Брусилова.

Его войска продвинулись почти на 100 километров в Галицию. Но не все было так хорошо, как у этого генерала. Две русские армии под командованием генералов Ренненкампфа и Самсонова были разбиты при наступлении в сторону Парижа. Офицеры рассказывали, что после этого генерал Самсонов застрелился.

Я в это время находился в десятой Армии под командованием генерала Сиверса. Севернее нас находилась вторая армия, а с юга четвертая и третья. Мы весьма успешно наступали. Месяца через два наступило затишье. Немцы сосредоточили свои силы и ударили во фланг. Прорвали фронт и начали нас теснить. Отступали с большими потерями. Боясь окружения, Сиверс начал выравнивать фронт, и мы оказались на территории Литвы, где-то под Ровно. Немцы не давали нам никакой передышки, словно знали все наши действия. Возможно, так и было. Предательства в армиях было достаточно. А места там лесистые и малозаселенные. Ходил я в то время в чине хорунжего.

Вызывает однажды в штаб генерал Сиверс и ставит перед нами задачу:

- Господа офицеры! Немцы знают о нашем продвижении все в деталях. Боюсь окружения и потери огромной армейской казны. Приказываю! Отыскать в лесу укромное место и временно захоронить наше золото и серебро. Возглавит эту операцию капитан Скоков! За дело, господа!

Не успели мы уложить все на телегу, как повалил снег такой плотности, что за десять метров ничего не видно. С трудом отъехали в лес на 4-5 километров и на небольшой лесной полянке начали рыть яму. Все детали тихо и быстро. Провозились часа два. Я находился в охране и изредка видел недалеко какой-то костел. Капитан нанес место на схему, и мы спешно направились назад. Не успели отойти и трех километров, как навалились на нас со всех сторон немцы. Они словно ждали нас. В той кровавой бойне полег-

ли все пятнадцать офицеров. Истекая кровью, протянул мне наш капитан листок – схему, и, теряя силы, прошептал: «Сохрани, хор...». Стреляли со всех сторон. Как я, раненый в голову, ногу и в руку удержался в седле, – не знаю. Спасли меня снегопад и мой верный конь. Затем лазареты, лазареты, операции. Полтора года провалялся. Революция застала меня в Минске. Всех мало-мало ходячих отправили по домам. А схема, батя, у меня! Не хочу ее большевикам отдавать! Может, кто-то и найдет это захоронение когда-нибудь. Но место это я запомнил на всю жизнь.

- Спрячь подальше, сынок, и никому об этом не говори. Золото всегда ходит в обнимку со смертью. Берегись, Павел!

...Все ниже и ниже клонится атаманова голова от тяжести мыслей и неразрешенных задач. До скрежета боли сердечной пытается он умом своим и житейским опытом, не только понять, но и оценить, с позиции своего прошлого и настоящего, весь калейдоскоп жизненных творений вокруг себя, семьи, всей станицы и даже государства. Нет! Нет у него широты мысли, знаний, чтобы, пусть не полностью, но все же докопаться до побуждающих причин действий людей и новоявленной власти. И не понять ему, как можно к управлению людьми всей станицы допустить десяток людей, которые до этого были либо нищими, либо каторжанами, и никогда не вели своего хозяйства, а лишь разглагольствовали о таковом, бахвалясь о своем хозяйственном кругозоре.

Когда он был еще избранным атаманом, приходилось частенько бывать в городах, встречаться с рабочими заводов, фабрик, железнодорожниками. И сделал от этих встреч Прокопий, пожалуй, самое главное жизненное заключение: трудись, соблюдай христианские заповеди, традиции народа – и ты обут, сыт, уважаем. Вот и не понять ему теперь, как могло случиться, что эти люди, которые не жаловались на

жизнь, на притеснения начальства, могли пойти на митинги, бастовать, а затем с оружием в руках сражаться за какие-то мировые идеи, в которых никто из них ни черта не понимает? Где та пружинка, которая толкнула их на это? Как можно было поднять свою кощунственную руку на Христа, рушить церкви и храмы – святыни единения людей в их вере?

Первый раз познакомился Прокопий с новоявленными хозяевами, когда из Центра приехала вооруженная сотня устанавливать вместо атаманской власти – власть станичного Совета во главе с председателем, которого привезли с собой. Поделилась тогда станица на три части: отмалчивающейся, противостоящей, поддерживающей. Кричали, убеждали друг друга до первых петухов. Ни до чего не договорились. Вынул тогда из кобуры свой наган старший представитель в кожанке, выстрелил в потолок, и в наступившей тишине зачитал Резолюцию схода граждан об установлении в станице власти Совета. Добавил к этому, что за неподчинение решениям станичного Совета виновные будут расстреляны, либо выселены в Сибирь с конфискацией имущества. Покружили по станице еще два дня после этого, и, оставив для охраны новой власти пять солдат, ускакали.

Где-то через неделю началось совсем непонятное. Пригнали обоз за хлебом для спасения голодающих рабочих города. Станичники, как истинные христиане, повезли на «ссыпной» пункт хлебушек. На целый воз навезли. Мало. Начали продотрядники облагать всех подряд дополнительными обязательствами. Скрипя зубами, отдали еще. Казак Ветрогонов с Нижней улицы запротивился этому. Так его отвели за курган и расстреляли. Отрядники уехали, а в станице от мала до велика пришли на похороны Ветрогонова. И вот тут-то, вместо погребальных слов и причитаний, вначале робко, а затем все злее и громче, вырвался гнев всех наружу, и начался своеобразный митинг. Приняли решение: власть такую не признавать, всех «советчиков» и охрану

арестовать, запереть в амбар, а для охраны станицы выставить конный отряд.

Целую неделю тихо в селении. Каждый занимается своим делом. Назначенный обществом новый Председатель – сын убитого казака Ветрогонова, при подсказке Прокопия, весьма успешно справляется с общими, внутрестаничными проблемами. Только рано радовались. В воскресный день, когда большинство взрослых были в церкви, налетела на станицу добрая сотня верховых с двумя пулеметами и давай выгребать зерно из амбаров. Рев стоял над станицей. Разносился по Дону звон церковного колокола, умножая в сердцах людей гнев и ненависть против насилия. Подводы с зерном нагрузили «под завязку» и не мешкая долго, укатили, оставив горлающих баб, да трупы убитых казаков – охранников станицы.

Противостоять всему творимому способна была только организованная военная сила. И она появилась. Взбунтовался Дон, ошетинился. От станицы к станице скакали нарочные, призывая казаков к выступлению против власти. Агитировать особо-то и не приходилось. Беспредел творился везде. Кроме того, стало известно, что Председатель ВЦИКа Свердлов издал распоряжение о ликвидации казачества. Не было у казаков выбора, кроме, как воевать. И началась резня по Дону, Кубани, на Волге, ширясь по всей огромной России.

2.

Так и не сомкнул глаз в эту ночь Прокопий. Рано утром умылся холодной водой, разгоняя усталость, и пошел к местному батюшке домой – держать совет. Уважал его атаман за широту знаний, за бескорыстное служение Вере

христианской. Годами отец Варлам был моложе Прокопия и в станицу прибыл после окончания Духовной семинарии. Книг повнез видимо-невидимо. Кроме церковных, были здесь книги для детей, буквари, французские романы, стихи, философские трактаты древних мыслителей. Наибольшее удивление станичников вызывал глобус и карта звездного неба. Ничего не жалел он для людей, всем делился, всех наставлял на путь христианского жития. Уважали его, а за разумность советов даже старики благодарили.

Кроме общих станичных дел, связывало Прокопия с Варламом еще и личная проблема – отцовская. Не один год прошел в напряжении отношений. А виной всему были их дети. Поповская дочка Аксиния полюбилась его сыну Захару. Как и что у молодых получилось, Прокопий не знал. Правда, в станице бабы шептались, будто Аксиния забеременела от Захара, и отец отправил ее к родственникам в Крым. Когда эти слухи дошли до Прокопия, спросить было не у кого, а Захара забрали на службу. Но холодок в их отношениях атаман почувствовал. Со временем все поприутихло, даже наоборот – потеплело. Причину этого Прокопий не знал и, естественно, не мог догадаться.

Отец Варлам был дома и после завтрака готовился пойти в церковь. Прокопия встретил на крыльце и, осенив крестом, приветствовал его:

- Какие это такие дела подняли вас, Прокопий Романович, в столь ранний час?

- Пришел я за советом.

- Поделюсь, непременно поделюсь. Но я хотел бы вначале услышать просьбу. А если ещё и перенесём наш разговор в церковь, то непременно наша беседа станет душевней.

- С удовольствием и уважением, Отец Варлам, - улыбувшись ответил Прокопий, и они, переговариваясь вполго-

лоса, направились к берегу Дона, где куполами сверкала церковь.

Через несколько минут сидели они друг против друга, и началась беседа двух умудрённых жизнью мужчин с такой долей откровения, на которую они, наверное, не пошли бы в другое время.

Прокопий без остановки выложил перед отцом Варламом все свои мысли, которые тяготили его за последнее время. Закончил вопросами:

- Что же это за власть? Почему идёт борьба с христианством? Почему объявили войну казачеству? Что делать?

Отец Варлам молча выслушал всё, поднялся из-за стола и, перекрестившись, заговорил:

- Ещё обучаясь в Семинарии, увлёкся я изучением французской и особенно Якобинской диктатуры. Два века тому назад во Франции произошла наподобие теперешней Российской революция в конце восемнадцатого века. Во главе этого процесса стояли члены политического клуба – якобинцы. Возглавили эту партию: Робеспьер, Марат, Дантон и другие. В момент свержения Королевской власти был публично казнен король Людовик 16. В ответ на это англичане выслали из страны французского посла. А это равносильно объявлению войны. Тогда новые революционные правители через свой Конвент объявили войну Англии, Нидерландам и Испании. В этих условиях внешних угроз, понадобилось сосредоточить всю власть в одних руках. Началась якобинская диктатура: полное подчинение всех решениям одной партии.

Но чтобы это сделать, нужно было проявить силу относительно тех, кто с этим не согласен или сопротивлялся этому. Наступил период террора. С этой целью был создан революционный трибунал – чрезвычайный политический суд. Решение этого суда обжалованию не подлежало. Арестовывали, казнили всех подозрительных в несогласии про-

водимых мер. В ответ на такое насилие начались массовые волнения и выступления. Якобинцы, видя в этом явную угрозу своей власти, мобилизовали в армию мужчин и усилили террор. Обезглавили даже королеву Марию Антуанетту. Только в Париже от террора в это время погибло более пяти тысяч человек. Возглавлял всю эту махину уничтожения непокорных адвокат Робеспьер. Кровь лилась днём и ночью. Но всякое насилие всегда вызывает протест и соответствующие действия. Это произошло и с якобинцами. Произошел переворот. К власти пришли более умеренные политики, а все прежнее руководство расстреляли. Затем большинством граждан была принята Конституция. Удалось прекратить войны. И в 1799 году во Франции был провозглашён первый консул – Наполеон Бонапарт, которого вы, Прокопий Романович, наверняка знаете по Отечественной войне 1812 года.

Отец Варлам подошёл к Прокопию, и совсем подружески, положил свою руку ему на плечо и продолжил:

- А теперь, уважаемый атаман, сопоставим действия якобинцев и российских большевиков. Это же одно и то же. Такое же насилие над неугодными, над несогласными, над приверженцами христианской веры. Идёт повсеместный террор. И поверьте мне, Прокопий Романович, это только начало террора. Он будет усиливаться по мере укрепления власти. И сами властители будут убивать друг друга, пока эта власть не сосредоточится в одних руках. Именно этот новый царь будет повелевать всем и вся.

- А что же будет с Россией? - невольно вырвалось у Прокопия.

- Россия будет! И революция другая будет! - вздохнув, печально произнес отец Варлам.

Воцарилась тишина. Каждый в этот момент думал о своём, о конкретном, ещё не представляя масштабность разрушительных действий новоявленных властителей.

- Как только дошла до меня весть об отречении Николая II от престола и о перевороте в Петрограде, выехал я в Москву, - продолжил отец Варлам. Вот в столице-то меня и просветили – кто возглавил большевиков и по чьей указке творится это анчихристово деяние. Насколько это было возможным, узнал я, что во главе этого стоит некий Владимир Ленин по фамилии Ульянов. Родом с Волги, ссыльный революционер. По образованию юрист. Брата его за терроризм казнили. В своих действиях большевики считают себя марксистами. Я в этом сомневаюсь, ибо «Капитал» Карла Маркса мы изучали ещё в семинарии. Ленин и его подручные: Троцкий, Свердлов. Сталин действуют точь в точь, как якобинцы: казнили царскую семью, убрали царских служащих, веру нашу объявили «опиумом народа». Так же, как и во Франции, – расстрелы, смерть, смерть.

Вот скажите мне, Прокопий Романович, что разрушали в первую очередь завоеватели: Александр Македонский, Чингисхан, французы? Не знаете? Я отвечаю: храмы и церкви. Именно через них идёт единение духа народа, его Веры. Нельзя этого трогать никому – бедой обернется.

Мне стало известно, что властвующие органы с большим ускорением теснят повсеместно нашу Веру. До этого, в период Временного Правительства, за столь короткий срок, ликвидировали Алтайскую духовную миссию, закрыли и изъяли иконы, учреждения, где обучались дети. Закрываются монастыри: Николаевский, Ярославский, Московский, Бийский, Суздальский. С прошлого года началось массовое ограбление церквей. Священнослужителей убивают или ссылают на Север, в Сибирь. Церкви и храмы переоборудуют под хозяйственные нужды. А там, где противоборствует этому народ – идет война!

- А что будет с нами? – опять вырвалось наболевшее у Прокопия.

- Я не пророк, атаман, но вижу в будущем нашем печаль, горе, смерть.

- Как так?

- Всё гораздо проще, чем мы представляем себе и мучаемся. Судя по тому, как за большевиками идёт всё больше и больше народа, власть свою укрепят они повсеместно и надолго. Никого на этом пути не пощадят! Закончат братоубийственной войной: уничтожат нас, интеллигенцию и продолжают уничтожать царевых слуг – казаков. Без всего этого большевикам проще управлять людьми. Но не нужно думать, что у власти этой только одни дураки. Это далеко не так! Умов у них хватает. Увести обезглавленную, неорганизованную толпу, да ещё и под страхом смерти, им легко.

- Без казака, без крепкого мужика захиреет Россия, захиреет! - сорвался Прокопий.

- Думаю, что вы, Прокопий Романович, в этом правы. Но прошу вас успокоиться и остепениться. Криком делу не поможешь. Поговорим о делах наших сегодняшних и завтрашних.

Отец Варлам, взявшись двумя руками за свой крест, долго кружил по церкви, как бы собираясь с силой, и выдал такое, от чего Прокопий чуть не лишился дара речи.

- В скором времени, дорогой мой атаман, предстоит нам разлука. Я ведь отсюда, от своей паствы никуда не уеду. Матушка моя завтра уедет к дочке Аксинии помогать растить нашего с вами внука. Евгением назвали в честь отца моего. Я ведь в миру – Ольховский Николай Евгеньевич. Не смотрите на меня так ошалело. Родила моя дочь от вашего сына Захара. В грехе родила. Но я простил её. От любви большой появилось дитя. И сына вашего простил. Молитву каждую неделю по ним справляю во их благо. О, Господи! Грешны мы на этой Земле! - трёхкратно перекрестившись, произнес отец Варлам.

- А...к...как быть...быть как? - заикаясь от этой вести, с трудом произнес Прокопий.

- Чару доброго вина нужно выпить за здоровье детей и внуков наших, Прокопий! - смеясь, проговорил отец Варлам и хлопнул атамана ручищей по спине так, что тот даже икнул. - Пойдем к матушке моей, да за общим столом беседу нашу и продолжим, родственничек! - с какой-то затаённой мыслью сказал отец Варлам и, приобняв Прокопия, спешно направился к выходу из церкви. Только заметил Прокопий, что в глазах его слёзы, будто прощается с чем-то навсегда.

Матушка Екатерина гостя встретила весьма скованно. Но после небольшого разговора на улице с мужем лицо её просветлело, и она с улыбкой на лице поспешила пригласить к себе Глафиру.

Застолье затянулось до самого вечера. Женщины всплакнули по своим «непутевым детям», а мужики несколько остыли от своих горячих дум после второго бокала крепленого Кубанского вина. Им не хотелось расставаться, хотелось говорить и слушать, говорить и, не перебивая, слушать.

Мирный разговор нарушала прибежавшая Варя. Радостная, улыбающаяся. Протянула письмо отцу и, прижавшись в матери, заплакала от радости. Ещё бы! Столько лет от Степана не было вестей, а тут даже письмо.

...Любимая моя Варенька! Жена моя ненаглядная! Все эти годы своего молчания носил я в своём сердце твой образ и надеялся на встречу с тобой. Целую тебя, радость моя! Прости меня за всё. Обними сыночка Андрея и если родился ещё ребенок, то расцелуй за меня и поплачь моими слезами. Поклонись родителям твоим. Я их очень любил и люблю до сих пор, хотя вины моей перед ними не один «воз».

Сейчас я в Харбине. Служу на железной дороге. Обстановка сложная. Каждый день – возможная смерть.

Похоже, скоро переберусь в Сибирь. Спасли меня однажды от неминуемой смерти добрейшие люди – семья Нефёдова Степана Георгиевича, что в селе Сибирка, в ста верстах от станции «Узловая».

Здесь в России – «жара». За прошлое и настоящее везде меня ждёт смерть. А я хочу ещё пожить, обнять всех вас и покаяться, за все дела свои, Варя! Всех вас ждут очень серьёзные испытания на Дону. Если хотите жить – срочно приезжайте в Сибирь по этому адресу. Здесь я вас разыщу. Умоляю! Уезжайте с Дона!

Крепко обнимаю всех. Капитан Еремеев.

Письмо читал вслух Прокопий Романович. С каждой строкой письма голос его крепчал и крепчал, будто зарождалась в нём новая утверждающая сила от его затаённых мыслей и очищалась душа от всего чёрного, что таилось на зятя Степана.

После долгих охов и ахов решили общим теперь советом перенести окончание разговора на завтра и только после этого проводить в дальний путь матушку Екатерину.

3.

Прокопий проснулся на много позже обычного. Срошила всё же вчера его в сон тяжесть пережитого. Быстро оделся, умылся, проглотил что-то на кухне и заспешил помогать женщинам по хозяйству, ворча на себя: «Эко заспался! Не гоже, не гоже так! Старею, язви тя!».

Как ни оттягивали отцы семейства за обеденным столом окончательное решение, но время и тревожные сообщения, прибывших вчера с фронта раненых казаков, заставили на это решиться.

Первым начал отец Варлам:

- Посоветовались мы вчера с матушкой и решили это передать вам. Нужно, вам во имя спасения детей и внуков, уехать в Сибирь к зятю Степану. Но ехать всем, «с бухты-барухты» не гоже. Необходимо в разведку отправить Павла и Андрюшу. И это нужно сделать немедленно. А с сенокосом я вам помогу. Ну вот, пожалуй, и всё. Решай, Прокопий Романович!

- Трудно, тяжело решиться на это! - скрипя голосом начал Прокопий. И всё же, мать, дети, решиться на это надо. Плачьте не плачьте, а ты Павел и ты Андрюша завтра же и отбывайте. Документами я вас обеспечу. За столом заохали, заохали женщины, пытаюсь скрыть слёзы.

...Погода способствовала сеноуборке. Светило солнце и легкий ветерок несколько охладил разгорячённые, потные тела. Отец Варлам сбрил бороду, оставив только усы, и в простой крестьянской одежде казался наёмным работником. Работал весело с прибаутками, будто глушил свои мысли о горе, о душевной печали.

За две недели со всеми сенокосными делами управились и мужчины, после хорошей бани, «хлопнули» по стакану крепкой горилки.

Перед тем, как уйти к себе, священник тихо шепнул Прокопию:

- Отсыпь мне к винтовке десяток патронов.

- Зачем? - так же тихо спросил Прокопий.

- Чертей пугать, атаман! - сказал он вслух и нервно рассмеялся.

...Не прошло и месяца, как в станице вновь восстановилась власть Советов. Вооруженные ЧОНовцы ежедневно увозили куда-то казаков-фронтовиков, даже раненых. И так целый месяц. Плач казачек и вой ребятишек их не останавливал. В соседнем хуторе казаки решили оказать сопротивление, но их всех порубали конники. Только это закончили, как приступили к подворной описи скота и имущества.

Особо старались при этом вчерашние «голодранцы» – людишки никчёмные.

К дому Назаровых подкатили к обеду. Всё перерыли, переписали. Даже ложки серебряные и атаманские кубки внесли в список. Шашку и драгунку забрали с собой. Глафира со слезами на глазах смотрела на всё это, моля Бога за то, что мужа не было дома. Уехал спозаранку проверять свои стога и нарубить черенков. Иначе – быть бы беде!

К поповскому дому подкатили на двух подводах с вооруженной охраной. Зачитали гражданину Ольховскому Решение Ревкома края об изъятии лично его и церковных ценностей. От подписи он отказался. Тогда его грубо оттолкнули, и начался грабёж. Вынесли из дома почти всё, что представляло хотя бы мало-мальскую ценность. Даже детскую коечку забрали. Всё увязали на одной телеге и направились к церкви. Отца Варлама вели туда под конвоем. И он, гордо подняв голову, шагал в этом окружении военных, повторяя одно и то же: «Не ведаете, что творите! Руку на Господа подняли! Скоро расплата наступит!». Его жёстко ударили прикладом между лопатками и он, хватая ртом воздух, всё же произнёс: «Скоро!».

Когда начали выносить из церкви иконы и небрежно бросать в повозку, видя, как сверкает золото окладов, засуетились. Все кинулись на грабёж, оставив без присмотра священника. Под общее ликование вынесли последнее и начали увязывать воз. С колоколами раз за разом прозвучали пять выстрелов. Каждый из них был смертельным приговором грабителям. И прозвучал ещё один у самого колокола. Разнёс он последний звон вдоль Дона, извещая о смерти верного защитника христианской веры.

Уже мёртвого отца Варлама яростно искололи штыками и сбросили вниз, не давая приблизиться прибежавшим станичникам. Выставили на ночь даже двух караульных. Нашли их утром с перерезанным горлом, а труп священника

исчез. Как ни искали ЧОНовцы, но так ничего и не обнаружили: ни трупа, ни убийцу. Подозрение пало на бывшего атамана, но оказалось, что он уже два дня, как уехал в город на базар. Только не был Прокопий ни на каком базаре. Отсиживался на заимке, где и похоронил отца Варлама, соблюдая все христианские обряды. Домой вернулся поздней ночью, когда уже все в доме спали, и с улицы была убрана охрана. Разбудил жену и, уведя её в баню, приказным, атаманским голосом объявил:

- Завтра в ночь уезжаем в Сибирь! Незаметно соберите в дорогу только необходимое и еду. Барахло не берите. Свинью одну я сейчас зарежу. Будет чем питаться. Всё остальное оставим. Пусть как можно дольше сельсоветчики ничего не будут знать. За это время мы будем уже далеко. И не хнычь же ты, не рви мне душу! Ты что, Глашенька, думаешь, мне легко всё нажитое оставлять? Нет! Нет! Но жизнь дороже!

4.

Разный люд заселял Сибирь. Разными путями судьбы сюда они прибывали. О несметных богатствах этого края за Зауральем рождались легенды. Край девственный и, похоже, хлебородный (земли не мерено) манил сюда людишек российских.

Ехали в Сибирь крестьяне, убягая от помещиков и голода, скрывались здесь разбойные головушки и старообрядцы. Сюда же отправлялись люди на льготных условиях по царскому Указу. Особенно много поселили в эти края ссыльных: восставших поляков, декабристов, политических. Но двигаться по таёжным тропкам на лошадях на Восток практически было невозможно. И тогда правительством

России было принято Решение построить до Иркутска Московско-Сибирский тракт.

Хлынул сюда люд государев, мастеровой, торговый, кандальный. Всех их нужно было содержать и накормить. С этого и начался конный извоз по тракту. Везли всё: строительные материалы, муку, сахар, керосин, водку, разную утварь.

Более массово стали прибывать на поселение крестьяне. Земель много, кругом лес строевой. Вначале выжигали для посева тайгу и корчевали эти места, а затем перешли на более продуманное земледелие.

Поселение формировалось, практически, по одному принципу: земля, строительный лес, вода, дороги. И всё же при этом единообразном начале каждое село, хутор, имели своё исторически национальное лицо, свои традиции и культуру.

Несут свои чистые воды с юга на север, с востока на запад малые и большие реки Сибири. Издавна селились люди вблизи этих рек не только ради рыбы и судоходства, а в основном, ради плодородной земли: богатой травами, лесом и зверьём. По воде и по суше добирался в эти края люд российский в поисках лучшей доли. Так и сформировались названия поселений – на мешанине тюркского, украинского, русского наречий. А места кругом вольготные: везде сосновый лес, заливные луга, озёра и не тронутая плугом земля.

...Последний год царствования отца Петра I – Алексея Михайловича ознаменовался усилением крепостного права и нарастанием церковного раскола. Те, кто не принимал новые церковные порядки (их назвали впоследствии староверами, раскольниками, кержаками), уходили из родных мест в надежде найти такие земли, где их не найдут «антихристы». Бежали в Сибирь и благополучно обживались.

...Когда гнёт царствующего Михаила Романова для крестьян Центральной России стал невыносим, началось бегство. Беглых ловили, заковывали в железо и возвращали владельцу. Возвращённых наказывали кнутами. Секли во имя Бога, пытаясь так исправить душу непокорных. Не выдерживавших побоев, забитых, опускали в могилу. Но от этого беглых меньше не стало. Убегали всё дальше и дальше вглубь Сибири.

Разные это были люди на дорогах бегства, но их объединяло одно: стремление к воле, свободе. Сколачивали они группы по 3-5 человек и отправлялись в глухие места. Люди несгибаемой воли и решимости пробивались в эту Сибирь, где нет помещиков, царских чиновников и везде земельная воля.

Дикими тропами шли они через горы, таёжные урочища и буреломы, переплывали реки. Шли изможденные, оборванные, обходя малые и большие поселения. Питались, чем Бог пошлёт: в охотничьих избушках забирали часть соли, спички, табак; в крестьянских избах крали хлеб, картошку, солонину. На ночь варили лёгкую похлёбку и, утолив голод, крепко засыпали. Затем опять в путь.

Очень часто останавливались в особо-приглядных местах для проживания. Как правило, это были земли старожилов. Если удавалось договориться на поселение, то и обосновывались. А если нет – шли дальше.

В это время самой яркой формой крестьянского землепользования являлся «захват», который в условиях относительной свободы земельных ресурсов, малочисленности населения был наиболее распространён. На основе захватного (пустующих земель) землевладения широкое развитие получила такая форма, как заимка – заимочное землепользование отдельных семей, дворов. Местная администрация пыталась организовать отвод земель через «приказные избы», но всеобщего распространения это не получило. За-

хватная система укоренилась, и власти вынуждены были с этим мириться.

Шли и ехали в эти края не только крестьяне, мастеровые и служивые. Ехали сюда и «фартовые» мужики за золотом, за наживой. Разбойничали повсеместно, отмечая свое пребывание могильными крестами.

... Вот в эту самую Сибирь второй месяц добирается Прокопий Романович Назаров со своим семейством: где поездом, где на подводах, а где и пешком. Поизносились, отощали, пораспродали вещи. Раза два останавливали поезд какие-то партизаны. Выискивали офицеров, отбирали провизию и исчезали в таёжной глухомани. Машеньку, вконец обессилившую, до станции «Узловая» несли по очереди на руках. Перед отбытием сюда Прокопий Романович по указанному адресу написал письмо и теперь надеялся, что их тут встретят сын и внук. Подходили к этой небольшой железнодорожной станции уже затемно и не сразу заметили подводу и двух ездовых. Только было отец семейства намерился пойти в пристанционный вокзальчик, как в полной тишине раздалось: «Батя! Мама! Мы здесь!». К большой радости признали они в этих ездовых своих чад. Обнимались, радовались, смеялись, плакали.

Павел и Андрей быстро подогнав телегу под святящееся окно вокзала, и так же быстро разложили еду и достали жбанчик медовухи. Не заметили голодные путешественники, как к ним подошёл рослый парень, ведя в поводе лошадь, и, несколько стесняясь, проговорил: «Рад вас видеть. Я Иван. Буду вашим проводником до нашей Сибири. В путь тронемся утром. А до этого отдыхайте». Сказал, и так же тихо ушёл в тень.

Машу после еды завернули в овечью доху, и она сразу же уснула. Взрослые до самого утра не могли наговориться.

Прокопий Романович слушал, слушал, да и клюнул носом, чуть не свалившись с телеги. Одолели его всё же

усталость и кружка медовухи. Уснул тут же рядом с внучкой. Глафира с Варей гнездились, гнездились рядом со спящими, но так и не уснули до самого утра.

Как только забрезжил рассвет, тронулись в путь. Впереди верхом ехал Иван, а остальные поочередно на телеге.

Тайга светлела с каждым часом, переходя от дремуче-тёмных великанов – сосен, к игриво-зелёным красавицам елям под пробивающимися лучами солнца. В воздухе чувствовалась ночная свежесть, которая заставляла степняков, ёжиться и застёгиваться на все пуговицы.

В скором времени углубились в самую гущу тайги. Варя, Маша и мама мужественно восседали на телеге, вздрагивая и охая при каждом скрипе деревьев, крике птиц, фырканье лошади. Не привыкли жители степных районов к такому пугающему могуществу великанов-деревьев. Мужчины разбились по парам. Впереди, ведя лошадь под уздцы, шли Иван с Андреем, немного поодаль – Павел с отцом. Иван втолковывал Андрею азы таёжной жизни и приметы ориентирования, изредка заливаясь смехом от нелепого, как ему казалось, вопроса Андрея. Павел степенно, будто уже коренной сибиряк, несколько растягивая слова, рассказывал:

- Добрались мы до этой станции через месяц разных мытарств. Начали расспрашивать о селе, а его никто не знает. И тут нам сам Бог послал железнодорожника. Мы к нему с расспросами, а он только плечами пожимает и уж очень хитро расспрашивает, кто мы, куда, к кому, зачем. Я эту улыбку его раскусил, а Андрюша всё ему выложил. Когда мы назвали фамилию, - служивый сразу оживился, заулыбался и повёл нас к себе домой. Оказывается, это зять Степана Георгиевича, куда мы едем. Как он в село шлёт вести – не знаю, но через четыре дня за нами приехали сыновья Степана Георгиевича. Они, батя, в тайге, как дома. Всё знают и умеют. А село богатое, зажиточно живут. Недавно по-

строили мельницу, школу, церковь. Когда я хозяину рассказал о вас и поведал, что Варя очень грамотная, так Степан Георгиевич сразу же Варю наметил учительницей.

В селе – он главный. Живут общиной. Дисциплина хоть и не военная, но железная. Когда я ему сказал, что ты долго был станичным атаманом, тут же задумал создать свою охранную бригаду под твоим руководством. Собрал в скором свой Совет, и приняли они решение поставить нам дом. Мужики уже вторую неделю над срубом колдуют.

- Что ж он так-то? Не поговорил со мной, не посоветовался и сразу дом! - начал ворчать отец. Но Павел то видел – отцу это сообщение по сердцу.

- Ничего, ничего! Вы с ним, батя, подружитесь. У вас у обоих одинаковая хватка.

- И всё же странно, сын, - отчего такая любовь к нашему семейству?

- Вначале я тоже над этим задумался, но затем понял причину.

- Ну и какая она?

- Причина в нашем зяте Степане.

- Почему?

- Подробности не знаю. Очень уж он Степана хвалил. Очень. Сказал, что только тебе всё о нём расскажет.

- Ну! Ну!

Долго шли, молча, устало переставляя ноги.

На телеге мать с дочерью сокрушались о нехватке одежды, обуви, денег. Вспомнили свой дом, бедную брошенную скотину, а вспомнив смерть своего священника, – расплакались.

- Ох, горюшко горькое! Что нас ждёт на чужбине в этой Сибири, в этой тайге? - сокрушалась мать.

- Обживёмся, мама! - успокаивала Варя. - Может, скоро Степан возвратится – всё легче будет.

При упоминании этого имени мать встрепенулась, выпрямилась и даже отодвинулась от дочери. До сих пор гложет её обида на Степана за дочерей. Не утихает эта обида.

Возможно, разговор мог принять и другой оборот, но вмешалась Маша. Прислонившись к уху матери, зашептала:

- Я, мама, в туалет хочу.

- Так иди.

- Я боюсь.

- Кого?

- Медведя.

- Где ты его видишь?

- Я слышала, как он сопел совсем рядом.

- Ладно, глупенькая моя, пойдем вместе! - смеясь, ответила Варя и тут же скрылись в кустах.

...Часа через три пути остановились на лесной полянке у говорливого ручейка. Иван распряг лошадь, напоил её и задал овса. На телеге разложили припасы и приступили к трапезе. Всем этим командовал Иван. Не успели покушать, как на костре закипел котелок, и по поляне потянуло ароматом каких-то трав. Это Иван успел заварить чай из набора таёжных трав.

- Для сна – по кружке медовушки, - улыбаясь, сказал хозяин пищеблока и добавил: - Два часа на отдых, затем до остановки на ночь!

Для женщин Иван расстелил под телегой овчинный тулуп, а сам с мужчинами устроился на сухой опавшей хвое около огромной лиственницы.

Путники, уставшие от пешего хода и страха, моментом уснули и не слышали, как к ним очень тихо вышли из тайги трое вооружённых мужиков. Иван их встретил, стоя за деревом, держа наготове ружьё.

Мужики внешне не выражали агрессии, и это успокаивало.

- Здравствуй, молодец! - приветствовал Ивана крутошей мужчина, вытянув упреждающе руку открытой ладонью. - Мы не разбойники! Не нужно бояться! Нам нужна ваша помощь! Подойдите к нам!

Судя по тону сказанного, по мирным жестам, Иван уверовал в их искренность и шагнул навстречу. Подойдя поближе, разглядел он пришельца-переговорщика.

-Разрешите представиться, молодой человек! Я бывший полковник Колчаковской армии Вяземский Константин Игнатьевич. В настоящее время служу в объединённом партизанском отряде. Мы заблудились. Направлялись в сторону Горелой гривы и потеряли своего проводника. Трое суток уже плутаем. Держимся из последних сил! Помогите нам! А если можно, дайте немного еды.

- Хорошо! Идите к тропе, чтобы не будить моих, я принесу покушать, попить чаю и всё расскажу.

Когда мужики с жадностью проглотили по доброму куску сала с хлебом и запили ещё горячим чаем, – заулыбались, оставив свои винтовки.

- Отсюда до Горелой гривы вёрст десять – начал Иван. Но вы не волнуйтесь. Дайте мне бумагу и карандаш, я нарисую короткий туда путь. К вечеру, пожалуй, доберётесь.

- А по карте сможешь показать?

- Не знаю. Не пробовал! Давайте!

Вяземский достал полевую сумку, вынул карту и расстелил пред Иваном. Долго всматривался он в непонятные для него обозначения, но всё же сообразил. Сориентировал карту по солнцу, нашёл ручей и начал водить по карте карандашом.

- Сейчас вы находитесь вот здесь: Иван поставил жирно точку, – Дальше вёрст пять пройдёте вдоль ручья и около трёх стоящих рядом на берегу сосен повернёте налево. Впереди увидите красную гору. Идите прямо на неё. Там есть тропа. За горой река. Вдоль берега реки пройдёте направо

версты две и увидите кедровый бор. Это и есть Горелая грива.

- Спасибо, таёжник! Извини, - не спросил твоего имени.

- Иваном меня кличут.

- Спасибо, Ваня! От всех нас спасибо. Даст Бог – свидимся. А за помощь и хлеб-соль вот тебе мой именной наган. Держи и применяй только по назначению!

Полковник по-военному откозырял, а Иван ещё долго стоял и смотрел вслед удаляющимся.

...После отдыха движение пошло более ходко. Маша успевала везде: посидеть на телеге с мамой и бабушкой, пройтись с дедом и дядей, прокатиться в седле на лошади. Угомонилась часа через три и блаженно уснула на тулупе.

А сзади опять пошёл разговор:

- Смотри-ко, какой этот Иван ловкий парень. И как он дорогу-то видит? И лошадь за ним смирно следует, - размышлял Прокопий Романович.

- Они же выросли в этих местах, господин атаман, - смеясь, ответил Павел.

- А семья-то у хозяина большая?

- Большая. Сам, жена Агафья Сидоровна, дочь старшая – Степанида; старший сын – Иван; младший – Коля и дочка – ровесница нашему Андрюше – Оля.

- А хозяйство у них крепкое?

- Крепкое, крепкое! Прибудем – всё сам и оценишь. У них, батя, всё не так, как у нас. Как-то покряжистей что ли!

...Ночевали опять под открытым небом между двух костров, которые запалили Иван с Андрюшей. После ужина улеглись на тканые дерюжки и в скором времени уснули, опьяненные хмельным запахом хвойных деревьев и разнотравья. Не спал только Иван. То огонь подправит, то Машеньку прикроет, то наган начинает рассматривать. Под самое утро прилёг недалеко от лошади и уснул. Снятся уму

красные цветы на поляне и в венечном платье его любовь – Наташа. Бежит он к ней, а она удаляется и удаляется. Испугался от прикосновения губ лошади. «Пить хочет», - окончательно присыпаясь, понял он и, схватив ведро, спустился, практически на ощупь, к небольшому озерку.

...Опять сборы, опять долгий изнуряющий путь: по такой же, как и вначале, могучей пугающей тайге.

Впереди фыркнула лошадь и остановилась. На их пути стоял красавец лось. Мотнул головой и величаво отошёл в сторону. Именно не побежал, а отошёл, как бы демонстрируя свою принадлежность к этой необъятной тайге.

...Варя, под тихий перестук лошадиных копыт всё чаще и чаще возвращалась к тому времени, когда она безрассудно влюбилась в мужа своей сестры и отдалась ему без страха и угрызений совести. Степан оказался очень нежным и ласковым. Даже сейчас её сердце начинает трепетать от воспоминаний бессонных ночей с ним и его сильных рук, до одури нежные поцелуи и неукротимой жизненной силы. С каждым днём она всё сильнее и сильнее ждала его близости без всякого стеснения, удовлетворяя невесть откуда взявшееся в ней наслаждение. Она трепетала в его объятиях и могла не спать до утра. Единственное, что тогда волновало её, – стыд признаться родителям, и неизвестность их действий.

Не обладая опытом взрослой женщины, беременность поняла месяца через два и, улучив момент, призналась матери. Для мамы, это был гром среди ясного неба. Даже сейчас Варя не хочет вспоминать все материны «страшилки» про неё и Степана. Мысли, мысли! Кружат Варину голову от одной жизненной картины до другой, от набегающих слёз до улыбки. Хмурые тени пробегали по её лицу. Она не умела спорить с собой, не умела приказывать себе, как делал отец. Она с рождением дочери перестала быть хозяйкой положения. Рядышком, весело переговариваясь с бабушкой,

ехала её «кровинушка», в которой соединилось всё: любовь, разлука, ожидание.

На смену взрывным чувствам пришли к Варе спокойствие, готовность к восприятию любых новых неожиданных ударов судьбы. И пусть это даже произойдёт сейчас, или чуть позже в этой глухомани Сибири. Возможно, даже будет она до конца дней своих ждать любимого в неведомом пока месте. Пусть! Она отдаст свою молодость, жизнелюбие своей мечте – этой одушевленной любви. С этой мыслью Варя ловко соскочила с телеги и, окинув всех своим искристым взглядом, почти прокричала: «Будем жить!». И разнесла тайга от вершинки к вершинке её молодой, задорный смех.

Павел, сильно прихрамывая от усталости на раненую ногу, думал о своём. Второй раз проделывает он этот путь по тайге и кажется ему, что здесь он впервые. С каждым разом природа совсем иная и деревья вокруг стоят другие. Неужели к этому можно привыкнуть и сжиться? Этот маршрут затмил в нем всё прошлое, заставляя думать о себе, о своём будущем. А есть ли у него – калеки своё будущее: с женой, с детьми, с любовью? Не шагает ли он сейчас по этому Сибирскому урману навстречу своей гибели?

Внезапно всплыла мысль: «А не вернуться ли назад? Собрать отчаянных ребят и отыскать захороненную в лесу казну армии. С деньгами то и раны все быстрее зарубцуются! О будущем, о хлебе насущном не нужно думать! Да и женщин для утехи можно купить!» А другая мысль – более утвердительная, говорила: «Дурень, ты дурень! Чужое добро никому ещё счастье не приносило! А золото, как утверждает отец, всегда ведёт за собой смерть! Пусть хоть такая жизнь, но она - моя! Жить, – значит жить! На войне не такое было! Какой ты всё же слабак, Павел! Распустил нюни! Тьфу, на тебя!».

Отец, похоже, понял размышления сына и не мешал ему со своими вопросами, да уточнениями, пока не остановились на короткий отдых: покушать, обиходить лошадей.

А в это время Маша уже допрашивала Ивана.

- Дядя Ваня! Один раз вы вот то большое дерево назвали сосной, а рядом такое же зелёное и большое назвали лиственницей?

- Они действительно, Маша, разные. Вот то, которое с длинными иголками это сосна, а с короткими – лиственница.

- А зачем они нужны?

- Из лиственницы строят дома, настилают полы, делают рамы для окон и двери. Это дерево не гниет. Оно почти как железное. Вот когда приедем в наше село я тебе покажу построенные из лиственницы церковь, школу, мельницу, большую запруду. Вам дом рубят тоже из лиственницы. Больше ста лет стоять будет.

- А как я узнаю, что он не сгниет?

- До ста лет доживешь и узнаешь, - смеясь, ответил Иван.

- Но это очень, очень долго, - многозначительно высказалась Маша.

- Ничего! Ты доживёшь! Вон, какая шустрая!

- Дядя Ваня! Давай я шустро на коняшке верхом поеду и на деревья смотреть буду.

- Вот покушаем, немного отдохнем, и я тебя посажу в седло.

Дальнейший путь сокращала своими вопросами Маша. Сидя в седле, гордо оглядывая всех сверху, вынимала из себя один вопрос за другим.

- Дядя Ваня! А из какого дерева сделано деревянное ведро?

- Это кедр. Это та же сосна, но по местному называют сибирским кедром. Живёт это дерево более 500 лет. Кедр нас кормит своими орехами. Из этого дерева изготавливают

кадушки, шайки, жбаны. Но главное – орех. Для человека он очень полезен. Из орешек масло выгоняют. Белочки на зиму его себе на прокорм собирают.

- А где эти белочки?

- Они очень любопытные и могут на дереве появиться в любое время. Смотри по сторонам. Если увидишь зверька с пушистым хвостиком – это белочка.

На какое-то время наступила тишина. Когда Маше надоело крутить головой в поисках белки, сверху лошади донеслись:

- А вот эти прутики на берегу я знаю. Из них корзинки делают и мордушки плетут.

- И мы это делаем.

- Мы что ж опять на Дон приехали?

Смеялись даже идущие сзади.

- Дядя Ваня! А я отсюда вижу белое большое и маленькое дерево!

- Это берёза, Маша! Она для человека очень полезна. Из неё делают лекарства. Пьют весной сок, а корой кроют крыши. Выгоняют дёготь, заготавливают на зиму дрова для печи.

- А дёготь – это то, что под телегой в ведерке?

- То, то.

- Я на язык уже попробовала. Очень невкусно. Только вся вымазалась.

От хохота даже лошади заводили ушами.

5.

Дорога начала петлять и подниматься на увал. Здесь было светлее и менее влажно. А вокруг могучая тёмная тайга. На увале и воздух был другим: светлее и ароматней.

Версты через три начался спуск, и в скором времени все оказались на берегу реки, спокойно уносящей свои воды куда-то на север.

Темнело. Иван начал подгонять лошадей.

- В тайге темнеет быстрее, чем на открытом месте. Надо до темноты успеть к луговине. А оттуда часа два езды к дому. Поторопимся! - громче обычного распорядился Иван.

Не проехали и половины намеченного пути, как вдруг зафыркали кони, начали прядать ушами и остановились. Иван выстрелил дуплетом и прислушался. Лошади успокоились и прибавили ход.

- Что это было, Иван? - оторопело спросил Андрей.

- Ничего серьезного! Старый знакомый проявил любопытство.

- Кто, кто?

- Так, хозяин и приходил.

- Кто?

- Хозяин. По-вашему – медведь.

- Ты его видел?

- Нет! Лошади почуяли.

- Ну и порядки в этой тайге! - не то с восхищением, не то с боязнью, заключил Андрей.

Иван даже по темноте уверенно вёл свой обоз, и, наконец, выехали они на обширный таежный луг вдоль убегающей реки. Дорога пошла более накатистой, и лошади, почуяв дом, ходко затрусили.

Деревня появилась неожиданно. Скорее всего, деревню никто и не увидел. Видны были только вразброд святающиеся окна домов. Не успели подкатить к большому дому, как тут же открылись ворота, и все въехали на обширный двор. Молодой парень ловко начал распрягать лошадей, складывать на крыльцо пожитки. На крыльце внезапно появился свет от фонаря и оттуда раздалось:

- Здравствуйте, дорогие гости! Мы вас заждались! Проходите в дом – будем знакомиться и посмотрим друг на друга. Хозяйка уже и стол накрыла.

Тёплый дружеский приём моментально снял напряженность у прибывших, а баня и богатый стол колдовски раскрыли души.

Разговоры разговорами, а усталость брала своё. В скором времени всех свалил крепкий сон. Только отцы семейства, присев на ступеньки крыльца, продолжили начатую за столом беседу.

- Наша школьная учительница Лиза Волкогонова всегда твердит мне: «Говорите по существу». Я так понимаю – это коротко о правде дела. Так вот, Прокопий Романович, если по существу, то я очень рад вашему прибытию и надеюсь на вашу помощь общине.

- А если ещё существеннее, - улыбаясь, вставил Прокопий.

- Живём мы общиной. Мы не сектанты и не старообрядцы. Есть церковь – там и молимся Христу. Личное подворье ведем каждый сам по себе. Есть общинские дела: выращивать хлеб, содержать школу, церковь, мельницу, торговать. В каждом этом деле свои толковые люди. Я Голова общины, но решения принимаем Советом. Получается у нас как бы большая семья, где каждый ведёт свою работу.

Но нам нужны новые головы. Мы ведь сами отреклись от остальных людишек. Не хотим души свои поганить разными соблазнами.

Вот поэтому я и надеюсь на помощь вашей семьи. А по первому моему взгляду – добрая она умная у тебя, Прокопий, семья. И Степан, твой зять, – умница и честный человек. Ты на него обиду за дочку не держи. То, что он сделал для нас – многократно снимает с него все прегрешения. Но о нём – разговор не сегодня.

- Паршивец он! - буркнул Прокопий.

Почувствовав, что зацепил больное место, Степан Георгиевич быстренько заскочил в дом и принёс жбанчик медухи и две деревянные кружки.

- Давай-ка, годок, выпьем за наших деток. Пусть у них будет всё лучше, чем у нас!

Долго в этот вечер раздавались с крыльца голоса двух отцов. Двух стареющих отцов семейств, за плечами которых была жизнь с её горечью и счастьем.

Утро начиналось с общих дел. Но каждый, как по расписанию, занимался своим делом. Мамы, разложив на большом столе материю, что-то кроили, шили, подгоняли под размер. Иван, Николай и Павел занимались скотиной и приводили в порядок поленицу. Оля и Андрюша носили в баню воду. Отцы, Варя, Маша пошли знакомиться с селом. Всё здесь было не так, как на Дону. Не было казачьего приветствия и мелькания лампас, не слышны характерные громкие голоса во дворах. Каждый дом – целая деревянная крепость. Но стоило только Степану Георгиевичу подвернуть к одному из домов, как тут же раскрылась калитка и опрятно одетая пожилая женщина скороговоркой отрапортовала: «Ччас, Георгиевич, открою» - и весьма спешно зашагала в сторону длинного здания в окружении огромных деревьев. «Никого на улице нет, а всё видят», - удивилась Варя.

Когда шагнули за порог школы, а это добротное сооружение в лесочке действительно была школа, Варя взгрустнула. Вспомнила свои школьные годы, учителей, подружек. Совсем ведь недавно это было! А теперь она мать! И кто знает, возможно, здесь и дожить придётся до старости без любимого, без крепкого и надёжного плеча. Опомнилась, когда Маша, дёргая её за рукав, сказала: «Не плачь, мама, я буду хорошо учиться».

Пока мужчины о чём-то говорили, удалившись по коридору, неслышно подошла учительница Лиза Волкогонова

и, приобняв за плечи Варю, утверждающе проговорила: «Не печалься, Варвара Прокопьевна, вместе нам будет легче обучать детишек. Пойдемте, покажу классы»». И Варя пошла, пошла следом, с каждым шагом убеждая себя в этой новой для нее роли.

Видя довольное лицо учительницы, сияющие глаза дочери и хитроватый прищур глаз Степана Георгиевича, Прокопий Романович, наклонившись к уху своего гида, произнес: «Ну и шельма же ты, Голова! Все по-своему сладил!» Сказал, и по-дружески толкнул его плечом. Оба разублались.

Варя с учительницей и с Машей остались в школе, а мужчины направились к церкви.

Стояло это деревянное сооружение рук человеческих, на возвышенности, рядом с ухоженным лесочком и чистым двориком. Основное помещение рублено «кругло», то есть восьмигранником. К основному помещению были свежеприрублены два помещения: для алтаря и для притвора. Шатровый верх венчала «луковка» с крестом. Колокольня, рубленная так же «восьмеркой», возвышалась рядом. Особо в нижнем ярусе выделялось крыльцо, отделанное виртуозной резьбой. Весь верх крыт был осиновою чешуей – «лемехом». Эти тонкие дощечки переливались в лучах солнца – от зеленоватого до серебристого цвета. Величие храма впечатляло.

Старенький батюшка встретил их внутри у алтаря. После благословения начал пояснять:

- По наличию церкви на Руси делили поселения. Есть церковь – значит, село, нет – то деревня. Строительство церкви – занятие древнее, особо почетное. Наши умельцы поставили этот христианский храм без единого гвоздя. Узоры алтаря выполнены тоже нашими сельскими умельцами. Основные иконы завезены сюда нашими предками. Им и поклоняемся.

Долго еще батюшка, радуясь новым прихожанам рассказывал о византийском стиле иконописи, о мастерах этого дела, золотых окладах и о многом другом. К удивлению Прокопия Романовича, этот умнейший старец произнес слова особой благодарности его зятю Степану.

- Опять Степан! Степан, Степан! Что же он такое особенное сделал?- бурчал атаман себе под нос. Степан Георгиевич делал вид, что бурчания этого не слышит.

Поход закончился посещением мельницы. Здесь уж Прокопий в поводеyre не нуждался. Водяные мельницы были ему знакомы в деталях. Оставив в одиночестве Голову, зашел вовнутрь, затем просмотрел устройство дамбы, сбросной «монах» для воды и, вернувшись назад, произнес: «Молодцы! ».

- Молодцы-то, может, и действительно молодцы, но есть загвоздка в этом деле, - не договаривая чего-то, сказал Степан Георгиевич.

- Какая?

- Да мельник у нас от старости ослеп и оглох. А замены нет. Как думаешь, Романыч, не поставить ли нам сюда твоего Павла? Хотя нет. Пожалуй, не справится.

- Кто не справится? Мой Павел? Да ты знаешь, какой он! Бьюсь об заклад – справится, - кипел Романович.

- Ну и чего кипятиться! Справится, значит, справится. Так и решим. Сам ему в обед и скажешь.

Долго сидели они после этого разговора молча на ошкуреном бревне, любясь переливами света водной глади.

- Скажи-ко мне, уважаемый Голова, - что это тут мой зятек сотворил, что вы все ему поклоны бьете?

- Спасли мы его от смерти в нашем лесу. Он нам в знак благодарности на общинские дела отдал два слитка царского золота. Не скрыл, не пожадничал. Геройский он у тебя! А как Варю любит! Гордись им и не сердись!

- Где же он мог это золотишко взять?

- Он мне так до конца и не рассказал, но думаю, что во время плутания по тайге наткнулся он на схрон золотого запаса колчаковской армии. Похоже, по следу грабителей идет. Боюсь я за него, Романович! Очень горяч. Если найдет это золото – погибнет! Точно погибнет!

- А вы?

- А мы на это золото школу достроили, мельницу соорудили, церковь возвели. Причал в двух верстах отсюда на реке организовали. Теперь вот дом твоей семье ставим. Школе учебников накупили. Семена для посева приобрели, лошадей, быка-производителя, обувь и одежду для сирот и вдов купили. Много чего на его дар сделали. Вот и кланяемся ему, и даже, пожалуй, не только за золото, а за его душу, за человечность. Расскажи все это Варе. Ждет ведь она его, ждет!

- Как это вы все из своей глуши проделываете?

- У нас есть свои купчики. В назначенное время они закупают наш товар: мед, масло, орехи, мясо, пушнину, а мы у них железо для кузницы, гвозди, краски, одежду, ткани, семена, бумагу, керосин, охотничьи припасы и другое. К себе в поселок мы их не допускаем, По воде прибывают они со своим товаром к нам на пристань, а зимой по санной дороге. Время прибытия сообщает им мой зять или посылаем Ваньшу. Мы друг другу доверяем. Обмана до сих пор между нами не было. Главным торговцем от нас – сын Иван. У него это хорошо получается. Он же и распределяет приобретения по заявке от каждого двора.

- Неужели к вам в поселок так никто и не навевывался?

- Были заплутавшие. Были беглые. Навевывались два раза партизаны.

- Вы их, неужели, убили?

- Экий ты срамник! За что ж убивать? Накормим, запасы дадим и с завязанными глазами выводим подальше от

поселка и отпускаем. Партизаны пробовали грозить оружием. Так мы их разоружили и выпроводили.

- Но ведь долго так не продержитесь!

- Боюсь я этого тоже.

- А что делать?

- Думаю, надо создать свой охранный отряд.

- Зачем?

- Охранять наши товары для торговли и подступы к нему.

- Это что ж – кордоны создавать?

- Не знаю пока. Вот и хочу с вами посоветоваться, Романыч. А еще было бы лучше, коль взялся бы сам за это дело, атаман! Оружием, людьми и лошадьми помогу!

После долгого раздумья, Прокопий Романович, несколько дерзко посмотрел в глаза Степану Георгиевичу, не меняя выражения лица, произнес: «Эх-ма, трягну стариной! Согласен!».

Не ожидал Степан Георгиевич столь легкой победы. Чуть не всплакнул от неожиданного согласия. Как же ему нравился этот решительный мужик! Очень нравился!

Не сразу, но с каждым днем все утвердительней налаживался быт атамановой семьи. Все определены, у всех свое дело. Только вот Андрюша беспокоит деда. Уж больно ласково они с Олей пересматриваются, да еще и пытаются уединиться. Не натворили бы беды!

6.

Опять не спится ночами Прокопию, мысли гоняет: «Наверное, нужно отправить Андрея на работу к зятю Георгиевичу на станцию». От такого решения несколько успокоился и под утро уснул. Снится старому казаку Дон, его

станция, церковь. Вдруг раздался удар колокола. Проснулся и опешил. Стоит в горнице его зять Степан и обнимает плачущую Варю, а на полу – осколки разбитой чашки.

Ох, не простыми были эти первые минуты встречи для Степана. Тесть, стараясь показать свою рассерженность, подошел к нему, и, глядя в глаза, спросил:

- С чем теперь пожаловал?

- С миром и с защитой! – отчеканил Степан.

- Это одобряю, - более ласково ответил тесть и обнял зятя.

На шум прибежали все. Степан обнимал всех и по его усам бежали крупные слезы. Шум потихоньку утих, и наступила кратковременная тишина. И в это время раздался голос Маши:

- Похоже, мама, появился мой геройский папа!

- Да, доченька! Это твой папа! Поздоровайся,- продолжая всхлипывать, голосом радости, ответила Варя.

И Маша, подражая взрослым, пытаясь чеканить шаг, подошла к Степану и громко произнесла:

- Здравия желаю, господин капитан! С благополучным прибытием в семью!

Грянул такой хохот, что даже кошка выскочила от испуга на улицу.

Все разместились за обеденным столом и украдкой посматривали на Степана.

- Скажу коротко так! Прибыл я сюда, но ненадолго: сутки, двое от силы. Предстоит всем серьезное испытание. Я постараюсь надвигающуюся на вас беду отворотить, либо сгладить ее последствия. Закончу кушать, и удалимся мы, взрослые мужчины, на совет.

Когда все собрались в новом атаманском доме, Степан встал, и, чеканя каждое слово, начал свой рассказ:

- Вкратце! Ситуация в России и особенно от Владивостока до Урала очень сложная. Повсюду войска Антанты и

интервентов: Японии, США, Италии, Франции, Китая, Чехословакии. Не Россию они защищают, а грабят ее, и каждый из них пытается урвать кусок пожирней. Особо интересуются они золотом, казной царской России.

Встретил я недавно своего сослуживца по колчаковской армии, и он мне на многое открыл глаза. Служит он при штабе Сибирской Добровольческой армии атамана Семенова. Объяснять, что это за армия не буду. На мой взгляд, – это грозная временная сила. Им нужны деньги для покупки оружия у японцев.

Так вот, узнал я от этого своего сослуживца, а теперь и доброго товарища, что из Читы сюда направлен отряд войск атамана Семенова на поиски бывшего хорунжего 10 армии Назарова, который знает, где хранится казна этой армии. Что и как – не ведаю. С надежными документами штабного офицера, опережая отряд, прибыл я сюда. Отряд ведет местный охотник, которого зовут Косых. Отряд надо уничтожить полностью! Если мы этого не сделаем – быть большой кровушке! – вытирая пот, закончил Степан.

Воцарилась такая тишина, что даже жужжание мухи слышно было.

- А что сам-то предлагаешь, паря? – задал вопрос Степан Георгиевич.

- Пока я сюда добирался, прикидывал и так и эдак: скорее всего, проводник поведет отряд по той дороге, на которую я в свое время вышел через болото. Хорошо было бы заставить их это болото форсировать. Освежить демонстративно мою гать и сделать засаду. Разведгруппу с проводником пропустить, а когда остальные выйдут на переход, спереди и сзади открыть огонь на поражение. Нужны для этого меткие стрелки-охотники.

- Ну, насчет стрелков не беспокойся, капитан! Найдем таких! А идея и план интересны. Как думаешь, атаман?

- Вот и пришла расплата за золото! Несчастье от него! Надо противостоять нашествию! План Степана стратегически верен, а для исполнения предлагаю следующее: на охрану села оставить Павла и Андриюху, пусть сформируют небольшой конный отряд из жителей. Степан Георгиевич срочно формирует наше воинство и через час с полной выкладкой и оружием – сюда. Мы со Степаном и Иваном выходим минут через двадцать. Ориентируемся по месту и выберем укрытие для засады. Там же и дождемся нашей дружины во главе со Степаном Георгиевичем. С Богом, друзья! Женщин в домах предупредить, чтобы не выли!

...Двое суток без сна и курева, лежат по обе стороны в засаде сельские ополченцы. Ветка не качнется на их месте. Десять их. Десять старых и молодых охотников, вооруженных винтовками и ружьями. Десять человек и каждый из них по полету птицы, по ее крику, по хрусту сухих веток, может определить на расстояние приближение зверя или человека. Десять человек, верящих в себя и в свою тайгу, которая не может их подвести в столь критическое время. Лежат: ни вздоха, ни шевеления.

Приближение людей почувствовали заранее. Взвели курки ружей, тихо клацнули затворы винтовок. План капитана оказался верным. Пятнадцать человек цепочкой подошли к болоту и остановились. Проводник, увидев обновленную гать, вначале в нерешительности потоптался на месте, изучая следы, а затем, взяв с собой двух вооруженных отрядников, осторожно двинулся на другой берег. Перейдя, опять потоптался на месте, внимательно осмотрелся и дал отмашку. Началась осторожная переправа. Как только задние ступили на гать и пошли, раздался залп, второй, третий. Похоже, что и понять никто ничего не успел. Все попадали в болото. Проводник с сопровождающими лежали на берегу, уткнувшись окровавленными головами в болотный мох.

- Оружие забрать! Трупы в болото! Гать разрушить! – прозвучала команда атамана.

Когда все было сделано, отошли версты две и сделали привал на берегу ручья. Молчуны-охотники долго мыли руки, лица, жадно пили. И только после того, когда с разрешения Степан Георгиевича выпили из кружек самогон и закусили, – пошли обыкновенные житейские разговоры. О сражении – никто ни слова. «Ну и характеры у этих сибиряков», - восторженно подумал атаман.

Степан сидел рядом с тестем, и когда пошел общий разговор, наклонился к нему и шепнул: «Отойдем!».

Встали около высокой ели и отец услышал:

-Узнал я, что в войсках Семенова служит наш Захар в чине офицера. Вроде даже собирается уйти к барону Унгерну в Монголию.

- Зачем? - только и смог выдать из себя отец.

- Не знаю! Не ведаю!

...Конный разъезд встретил победителей в трех верстах от села.

- Я вернусь, радость моя, - шептал Степан, страстно целуя Варю. А она, побуждаемая неутраченному, молодому, вновь открывшемуся желанию, прижималась к его телу, возбуждая себя и его. Так и не уснули до утра.

Опьяненные радостью и близостью, присели утром в круг родных им людей, обнялись и так и не разомкнули объятий до самого расставания.

Расцеловал Степан всех на прощание, шагнул на известную ему теперь тропу и исчез в чреве сибирской тайги.

...Прибавилась еще одна забота стареющему атаману – носить в школу на кормление трехмесячного внука Рому. «Степа-то и был всего двое суток, а надо же, сыночка успел сварганить. Крепок казачий род Еремеевых! До жизни жаден!» - рассуждал отец.

Беременность Варя почувствовала на второй месяц, как проводила Степана. Ей бы печалиться, а она обрадовалась, заулыбалась, лицом засияла. «Еще одна Степина кровинушка появится. Легче ждать возвращения любимого», - успокаивала она себя и уверовала в это.

Душой приросла к школе, к детишкам. А они такие разные. Такие милые, так откровенно смеются, что и самой хочется вместе с ними участвовать в их веселье. Но как можно? Она же учительница! До самых родов ходила в школу. Родила и через месяц опять к детям. А сыночек такой прожорливый: через каждые два часа титьку требует. Вот и носит папа его в школу на кормление. Иногда это делает старший брат Павел. Правда, каждый раз пытается он увидеть учительницу Елизавету Андреевну Волкогонову, поговорить с ней. И она, вроде, не против этих встреч. Порой ждет прихода его, а когда это случается: засуетится, покраснеет. «И нет тут ничего зазорного, что тянутся две одинокие души друг к другу, - рассуждала сама с собой Варя. - Братец, вон какой красавец. Умный, работающий. Да и Лизе после смерти мужа, надо подумать о себе, о семье. И дети-то у нее только в школе».

...Пришел как-то несколько пораньше в школу атаман с внуком, притих рядом с открытой дверью класса. Оттуда ровный, спокойный голос Вари:

- Посмотрите, дети, на глобус. Это уменьшенная форма нашей планеты – Земли. Видите, какие разные цвета на глобусе. Но какого цвета больше?

- Синего! Голубого! – ответили дети хором.

- Правильно, ребята! Синим цветом обозначена вода. Самую большую часть занимают так называемые океаны. Они омывают сушу с разных сторон. На Севере – Северный Ледовитый океан; на Востоке – Тихий океан. С Севера на Юг растянулся Атлантический океан и на самом юге – Индийский океан. Вода в океанах соленая. В океанах разная

глубина: от 3 до 11 километров. И температура воды в океанах разная. Выше, у Экватора, намного теплей, чем у Северного и Южного полюсов. О животном мире океанов поговорим завтра. А теперь на перемену!

«Ну, настоящая учительница! Ох, как говорит! А подход-то какой к детям! А!» - с гордостью подумал отец и тут же почувствовал, что с пеленок бежит водица. - Ну, Ромаха! Ну, паршивец! Все же обпрудил деда! - ворчал атаман, целуя внука.

...Три года живут Назаровы в новом доме. Вроде и все есть: скотина, одежда, дом для каждого, а атаманово сердце щемит. Нет весточки от сына, да и внук очень поздно возвращается. Оля ходит хмурая, глаза прячет. Все перепутала здесь Сибирь. Теперь она, с ее тайгой – вроде даже и роднее стала, но все равно: пугливая, могучая. А тут еще и думки о секретах золота и казны.

Потемну пошел Прокопий Романович к Степану Георгиевичу за советом. Присели на кухне за стол и разговорились.

- Оставил мне, уходя, Степан портсигар с надписями. Смысл там заложен. Вот смотри: Au – означает химическую формулу золота (Варя так объяснила). Значит Т-к, думаю Томск, Бай-л – Байкал. А вот этот знак (), похожий на скобки, понять не могу. Думаю, что в нем и зашифрована отгадка. И что делать? Не знаю! Тут еще и сынок принес с собой схему захоронения казны 10 царской армии. И все это навалилось разом на мою бедную голову!

- Есть идея, Романыч! - немного смущаясь, предложил Голова. - Запрячем все это в надежном месте от соблазна и глаз людских.

- Куда?

- В церковь! Под присмотр Христа. А если кто и обнаружит, значит, с его согласия!

Покрякали, порассуждали, и на том остановились.

Только вроде как успокоился после этого атаман, – ан новость к вечеру. Привел сын Павел в дом жену – учительницу Лизу Волкогонову. Под венец не повели: Лиза мужа не схоронила (ушел белковать три года назад и не вернулся). Больше всех радовалась этому Варя.

...После ночного ливневого дождя лес ожил и принял свой обычный чарующий наряд. Андрей ждал Олю в их условном месте, где они, скрываясь от всех, встречаются уже две недели ежедневно. Встречи желанные, долгожданные были настолько короткими, что нацеловаться, вдоволь не удавалось. Их сердца стремились друг к другу, и они из раза в раз, от встречи к встрече, каким-то внутренним инстинктом ощущали, что скоро, совсем, скоро их близость не ограничится только поцелуями.

Андрей, прислонившись щекой к прохладному стволу дерева, превратился весь в слух. Ох, быстрее бы уж прибежала Оля, иначе он не вытерпит и помчится к ней в деревню.

Но, вот она: запыхавшаяся, радостная, очаровательная. Он обнял ее и страстно припал к ее губам, сильнее и сильнее прижимая ее к себе. И от этих поцелуев, таких желанных и счастливых, все растаяло в груди Оли, и она прижалась трепетно к Андрею и почувствовала доселе незнакомое ей желание – принадлежать Андрею полностью, без оглядки назад. Андрей расстегнул кофточку и нежно поцеловал ее грудь, от чего дрожь пробежала по телу, и она, не сопротивляясь, обхватила руками его крепкую шею и замерла.

Все остальное осело в сознании через какое-то буйство желаний, страсти, ощущения нового, непознанного. Она разрешила ему все.

Вечерняя трава холодила. Они лежали рядом обнаженные, счастливые и радостные от произошедшего, от сладости выпитой чаши близости. Им хотелось продлить

это состояние. Торопила лишь ответственность перед родителями, перед семьями.

- Как теперь жить-то будем, Андрюша? - прощаясь, спросила Оля.

- В любви и радости, любушка моя! - утвердительно ответил Андрей и, подхватив Олю на руки, понес, понес, как драгоценный сосуд эликсира любви и верности.

Желание быть вместе кружило головы, горячило кровь и притупляло осторожность. От зоркого атаманского взора деда ничего не скроешь. Высмотрел он все же однажды встречу влюбленных, когда они за своими поцелуями были слепы и глухи.

Разговор деда с внуком состоялся под навесом в тот же день:

- А ну, выкладывай, внучек, что у тебя с Олей?

- Де...е...а, а что ты имеешь в виду? - заикаясь, выдавил из себя Андрей.

- Ты знаешь! И не виляй хвостом, как пакостливый кобель!

- Дедушка! Я люблю ее! Люблю очень!

- И далеко вы в своей любви зашли?

- Ну, это... как ..., - мямлил внук.

- Все ясно, паршивец! Испортил девку! - хватая через седельник, прокричал дед.

- Не нужно, дедушка меня бить! Лучше помоги нам быть вместе! Посватай за меня Олю!

- Какой же ты еще глупый, Андрюша. Конечно! Посватаю! Она нам очень нравится! - повесив назад через седельник, проворчал дед и, дав внуку подзатыльник, ушел в дом.

...Отшумела свадьба, затихли в селе голоса. С тайги потянуло прохладой и влажностью, заползшего с реки тумана.

- Вот она, сват, жизнь наша! Время торопит всех молодых и старых, - с грустью в голосе сказал Прокопий Романович, сидящему напротив, Степану Георгиевичу.

- Причем тут старые, Романыч?

- Чудной ты все же, Голова? Мы не вечные! Проходит и наше время! Проходит!

- Да и то верно, Романыч! Действительно ведь так!

...Долго еще говорили в этот вечер мудрые, седые отцы семейства, вспоминая свою молодость, прожитую жизнь и намечая на будущее большие и малые дела.

Жизнь продолжается. Продолжается в большом и в малом. И идет она – эта жизнь, далеко не по гладкой дороге судеб. Ох, далеко не гладкой!

*Добрые люди надобны звездам,
светилам того века, в котором
они живут, озаряя свои времена.*

Джонсон Бенджамин

Глава третья

АТАМАНЫ

1.

Даже старожилы станицы Забайкальской затруднялись назвать время появления в Сибири казаков. Самый древний из стариков – Ерофеич, рассказывал:

- Жил у нас тут декабрист один. Дюже грамотный был. Так он про казаков все знал. Рассказывал он, что само слово «казак» – ни дать, ни взять: татарское. А вот по-простому означает оно «вольный наездник», свободный человек. За свободой и за землей бежали на Волгу, на Дон, в Запорожье. По жизни приходилось им постоянно воевать, то с татарами, то со степняками. В конце концов, пришлось им создать свои вооруженные отряды. Так и разрасталось племя воинов-казаков. Когда все это дошло до царей, решили те, из казаков сделать охранителей своих границ. Дали казакам землю, пособия, денежное довольствие. Взамен же от казаков требовалось нести в любое время воинскую службу, защищать Россию на границах и в военных походах.

Столетний Ерофеич внезапно замолчал, потер лоб и с сожалением произнес:

- Вот, ведь, язви тя, хотел еще что-то вспомнить и забыл. Совсем дырявой башка стала! Надо же!

В разговор вклинился Егор Варфоломеевич Хрычѳв. Был он лет на десять моложе Ерофеича, но такой же согбенный и с палкой-ходулей. В станице все звали его Хрычѳм.

- Дед мой, Иван Савельевич, баил, что в Сибирь казаки пришли позже кубанских, астраханских и яицких. Те уже царям служили, а здесь по-прежнему размещалось Сибирское ханство. Главное городище у них было Чинги-Тура. Вообще-то жили тут сибирские татары. Всех их сильно побил в свое время отряд Ермака. Прибывшие за ним сюда русские войска добились войска хана Кучума, и Сибирь присоединилась к России. Прибрать-то прибрали, а кто охранять будет? Вот казаки тогда и понадобились.

Стоявший, несколько поодаль от говорящих китаец Ван решил внести свое уточнение:

- Моя миного живет в Сибирь. Казаки реку Амур у китайцев забирал: рыба, лодка, женщин. Ой, шипко плохо была. Мал, мала лучше потом.

- Извините, господа, что вмешиваюсь в ваш исторический экскурс по казачеству, - сказал подошедший попарасстрига, известный в станице выпивоха и драчун, - Мне доподлинно известно, что в начале XIX века служивые казаки на территории Даурии и Казахстана были объединены в Сибирское казачье войско, и оно состояло из 10 конных полков, 2 артиллерийских рот. Затем оно возросло до 12 конных полков, 3 пеших полубатальонов и конно-артиллерийской бригады. Совсем недавно Сибирское казачье войско насчитывало около 170 тысяч человек. Это огромная сила. Под умелым атаманом – сметет все на своем пути. Уверен, – это скоро произойдет!

На него зашикали, заворчали, а Хрыч даже своим багагом замахнулся.

- Изыди, богохульник! Ишь, чего надумал! Бунтовать! Крови что ли казацкой мало пролилось?

Долго еще рассуждали старики о нелегкой казацкой доле, о новом призыве на службу молодых парней, о искалеченных фронтовиках. А китайцу Вану напутствовали:

- Ты, Ваня, в наши казацкие разговоры со своими обидами не лезь! Если все обиды будем вспоминать, то и до шашек дело дойдет. Так что – иди своей дорогой, куда направлялся!

С незапамятных времен облюбовали станичники место перед Управой для ведения разговоров. Ближе к вечеру, после домашних хлопот, ковыляли сюда вначале старики, а за ними, потихоньку, подходили взрослые казаки. Начинался душевный разговор, переходящий иногда в спор. Арбитрами в таких случаях выступали старики. Говорили на разные темы: о сроках сева, о помощи вдовам, о политике. Да, мало ли о чем могут говорить люди единых забот? Присаживался к ним частенько и станичный атаман. Вслушивается в разговор, при необходимости вставит две - три реплики, и замолчит. А иногда прервет беседующих на полуслове, выложит необходимую для всех информацию, и уйдет. «Переварят» мужики его сообщение, выстроят все на свой «общественный» лад и разнесут по станице.

Любы для всех были эти собрания. Бывало, спросит жинка собирающегося мужика: «Куда это ты, Степан, прихорашиваешься»? «Схожу к старикам», - отвечает тот, и все сразу определялось.

К старшим постепенно подтягивались и молодые. Правда, держались они от всех поодаль. Девчата кучковались отдельно, парни – отдельно. Ближе к закату солнца, когда уже взрослым казакам трудно было подсматривать за молодыми, затевала молодежь танцы под гармонь. Слушая перебор гармони, топанье молодых ног, старшие разглаживали бороды, подкручивали усы и, улыбаясь, вспоминали свои годы. Нередко можно было из их круга слышать:

- Эх, как ладно отплясывают!

- В их годы и мы выдавали! Еще и покруче!
- Смотри, Назарыч, как твой Леха Агашу Митрофана, что с Нижней улицы, подгрёб к себе. Быть, однако, свадьбе!
- Какое там! Он и на службу-то не ходил ешо!
- Заявит, и женишь!
- Женилка еще не выросла!
- Ну, выросла, не выросла, а с круга-то они уже умыкнулись!

Зная, что за ними могут подглядывать, молодые казаки и казачки проявляли изумительную, как им казалось, галантность.

- Разрешите, Дарья Валерьевна, пригласить вас на танец, - улыбаясь, говорил казачек, кланяясь девушке.

- Вообще-то, я от этих плясок уже притомилась, но коль вы, Семен Артемьевич, настаиваете, то я согласна, - так же, лукаво улыбаясь, подыгрывала кавалеру казачка.

Когда солнце уходило за горизонт и становилось все темнее и темнее, заводили девчата песни. Песни разные: веселые, грустные, про любовь и разлуку, про жизнь с нелюбимым мужем.

Мужики в это время потихоньку расходились, восхищаясь:

- Это кто ж так выводит?

- Похоже, Машутка Маслова!

- Вот это голосок! Вся в мать! Ту тоже можно было слушать, не переслушать. Эх, рано ушла она из жизни!

- Ух, ты! На гармошке сегодня лихо паренек наяривает!

- Это атаманов старший лады перебирает!

- Ловок, шельма! Ловок!

Убедившись, что старшие разбрелись по домам, молодежь заводила частушки. Начинала всегда Машутка:

*- Ты играй, гармонист,
Шевели руками.*

*Разгони девичью грусть,
Побудь часочек с нами.*

Ее задушевный тон подхватывала подружка Вера:

*- Что-то парни присмирели,
Даже нам не верится –
Видно разом заболели:
Не мычат, не телятся.*

Не выдерживает кто-то из парней. И в ответ:

*- Вы, девчоночки-казнобы,
Словом чешете худым;
Мы ведь парни высшей пробы –
Уйдем к покладистым другим.
И более миролюбиво:
- Напоследок всем скажу –
Поцелуй не грех,
Как со службы то приду –
Зацелую всех.*

Частушечная перепалка заканчивалась какой-нибудь песней. Уходили молодые за околицу к реке и оттуда доносилось:

*- На лужке, лужке, лужке,
При широком поле.
В незнакомом табуне
Конь гулял на воле...*

И оттуда же слышен был печальный голос Маши Масловой:

*- Скучно, девушки, весною жить одной:
Не с кем сладко побеседовать молодой.
Сиротинушка на всей земле одна,
Пригорюнясь, вся в печалюшке она.*

...Задора и желанья быть вместе, радоваться улыбкам и шуткам, хватало молодым до первых петухов. Затем спешно разбегались по домам, а более разворотливые парни, успевали даже поцеловать своих девушек. И, не дай бог,

прибежать с гулянья домой, когда мать выйдет доить коров, – быть беде: отходит прямо подойником. Парней в таких случаях - отцы осаживали весомым вопросом:

- А может, оженить тебя? Ну, чего до утра-то кобелиться?

- Ах, не хочешь! Ну, тогда запрягай лошадей и айда целик ворочать!

...По воскресным дням, после церковной службы, приходили казаки на это общее собрание, послушать учителя школы Ивана Захаровича. Был он внуком, поселившегося в этих местах, после отбытия каторги, декабриста Оболенского. Видно, просветительство и ум передались ему от деду. Он мог часами говорить на интересующую казаков тему. А тем уж очень интересно было услышать от него что-либо про лихих казаков, бунтарей, героев народных.

- Прoshлый раз, вы просили меня рассказать про Степана Разина. Не могу с точностью назвать время событий в его жизни, но основные годы помню. О нем поются даже песни. Помните:

- Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные –
Стеньки Разина челны.

Как раз в этой песне говорится о его походе в Иран и Персию. Вообще-то, Степан Тимофеевич Разин, донской казак: отчаянная головушка, невероятной храбрости. Родился он где-то в 1630 году. В возрасте тридцати двух лет стал казацким атаманом. Всю тяжесть и несправедливость властей к казачеству испытал на себе. Пришлось ему повоевать и с крымскими татарами, и с турками. Пулями и саблями помечено его тело. Но военные заслуги казаков быстро забылись. Особо страдали, практически, нищие семьи погибших. Пытался атаман оказывать им помощь, да у самого «в кармане – вошь на аркане».

Взбунтовалась от этого и многого другого его душа. Собрал отряд казацкой гольтьбы и повел их на разбойный промысел для бедных на Волгу и Яик (Урал). Целый год отбирал он богатства у зажиточных и отправлял вдовам и старикам на Дон.

Послали на него царские войска, и был он крепко бит. Вернулся опять на Дон. Вновь, собрав под свое начало таких же, как он, казаков, равнодушных к людскому горю, двинулся по Каспийскому морю в Персию и в Иран. Много богатства привез он оттуда через год. Все поделил и раздал. Хлынули в его войска казаки.

Укрепил Степан свое войско и вновь двинулся к Москве по Волге. Летом 1670 года большие отряды Степана Разина, продвигаясь по Волге, заняли Царицын, Саратов, Самару, осадили Симбирск на пути к Новгороду и Арзамасу. Повелел тогда царь Алексей Михайлович превратить Арзамас в главную крепость для борьбы с мятежниками. Большое войско направил сюда под руководством князя Долгорукого. Опытный военачальник Долгорукий разбил войска Степана Разина и тот вынужден был бежать на Дон. Не смотря на внешнюю «грозность», слишком доверчив был атаман к «своим братьям». Червь жадности и стремление к богатству зародили у его доверенных лиц трусость за свою жизнь, боязнь лишиться награбленного золота. Разум захватило. Родилась в их неблагодарных головушках идея: откупиться от царских властей жизнью Разина. Его скрутили и передали военным. Долго возили распятого атамана на возу по Москве. А затем публично казнили четвертованием. Кстати, казнили и его предателей. Народным любимцем стал на века казак Степан Тимофеевич Разин. Вот народ песни о нем и слагает.

Учитель замолчал. Окинул своих притихших слушателей опытным взглядом и понял: нужно продолжение рассказа. - Геройским, отважным был атаман. Но не менее от-

важной в его войске была женщина Алена Старица. Во время сражения с царскими войсками, отряд численностью в семь тысяч человек, возглавила дочь крепостного крестьянина Алена. Долго бились повстанцы с царскими войсками за Арзамас, но не устояли и были разбиты. Алена попала в плен. По приказу князя Долгорукого, ее долго пытали, а затем казнили.

Три месяца, изо дня в день, казнили в городе повстанцев. Одиннадцать тысяч за это время убили. Кровь лилась рекой.

Думаю я, что пройдут годы и люди будут петь песни не только о Степане Разине, но и об Алене Арзамаской – Старице.

- В следующий раз расскажу вам о Емельяне Пугачеве, - прощаясь, пообещал Иван Захарович.

Слово свое учитель сдержал, но говорить начал не о Емельяне Пугачеве, а о предыстории этих событий.

- Россия - исторически постоянно воюет. До создания Московского государства сражались между собой княжества, а после объединения сил, бились с татарами-монголами, печенегами, шведами, поляками, тевтонскими рыцарями, турками. Да и внутри самой России шли постоянные междоусобные баталии. Менялись правители России, но при этом, обязательно эта смена происходила через кровавые стычки. Укрепляя свою власть, цари отшатнулись от своего народа, который бедствовал повсюду. Особенно страдали крестьяне. Они ведь, практически, были рабами помещиков. Помещик мог своего крестьянина наказать поркой розгами, затравить собаками, отправить на большой срок служить в армию, продать. Земля была собственностью помещика, и крестьяне получали ее для возделывания, как бы в аренду, под кабальные условия. В середине XVIII века крестьян еще и «приписывали» к горным заводам, где они несколько месяцев в году выполняли разные работы наравне с рабочими

этого завода. А на земле в это время работали женщины, старики и дети. Все это, естественно, озлобляло крестьян и они либо бунтовали, либо убегали от помещика. На усмирение бунтовщиков зачастую направляли военных.

К моменту крестьянского мятежа, под предводительством Пугачева, престол России заняла царица Екатерина II, свергнувшая с помощью молодых офицеров гвардии, дворян и знати царя Петра III. Не прошло и месяца, как царь Петр III был (якобы случайно) убит его охранником Алексеем Орловым. Крестьяне от новой, весьма решительной царицы, ждали волю и землю, жизненное послабление. Но царице нужно было укреплять свою власть, и ущемить приведших ее на престол – не могла.

Наиболее часто возмущения проявлялись у, так называемых, «монастырских крестьян». Земля и сами они принадлежали монастырям. При прежнем царе, земли эти были изъяты, что вызвало возмущение церковной власти. Новая царица решила этот конфликт «замять» и своим Указом монастырское имущество возвратила назад. Но это возмутило крестьянство, и они взбунтовались.

А в России в это время все слои населения были разобщены и «благо народа» каждое сословие понимало, как благо для себя: казаки для себя, служащие для себя, военные так же. Государственные же интересы оценивались, как интересы государыни.

Первый серьезный бунт крестьян проявился среди «приписных» на Урале. Войска, правда, его ликвидировали, но это комом покатило в Башкирию, в Поволжье, в Западную Сибирь. А тут еще и старание российского Правительства превратить казаков в регулярные воинские подразделения. Все это вместе создало основу для массового выступления против Правительства и Царя. В 1771 году в Москве вспыхнул «чумной бунт», а уже в 1772 году взбунтовались донские, волжские, яицкие казаки. Только через

год удалось правительству уговорить казаков сложить оружие. Но все же, выступления и бунты носили очаговый характер и стихийность. Для массового выступления нужен был организатор. И он появился в лице хорунжего – Емельяна Ивановича Пугачева.

Родился казак Пугачев где-то в 1740–1742 годах. Участвовал в Семилетней войне против турок. В военных действиях отличился храбростью и природной смекалкой. Дослужился до чина хорунжего, что давало ему возможность вращаться в среде офицеров армии. Вольнодумство многих из них подвигли его на размышления о происходящих событиях в стране и накрепко заронили в его душе гнев.

Впервые появился он тридцатилетним на Яике под именем Петра III. До этого, под видом купца, побывал во многих российских поселениях и даже за границей. Нищету и плачевность крестьянства увидел собственными глазами. Тогда-то и созрел у него план не на местный бунт, а на крестьянскую войну. Преследуемый властями, бежал он на Терек и тайно перебрался к яицким казакам, подговаривая их идти на Кубань. По доносу, его арестовали, но он ухитрился сбежать.

Как царь, распространил он Указ, по которому всем даровал волю, свободу. Казакам – реку Яик и уголья, кочевникам – земли, воды, леса. По этому же Указу отменялись все подати и пошлыны. Поселил он этим в мечтах многих надежду на лучшую жизнь. И хлынули к нему в войско голодные, забытые, озлобленные российские людишки.

Восстание началось осенью 1773 года с удачного захвата Оренбурга. Полетели пугачевские гонцы к калмыкам, башкирам, призывая их присоединиться к восставшим. А крестьян призывали они: грабить, жечь помещиков, добро их забирать себе. Заполыхала Россия, вздыбился народ. Уже к концу года в войсках Пугачева насчитывалось около 20

тысяч вооруженных человек. Во всех его армейских подразделениях были военные командиры. Отладили на Уральских заводах производство пушек и другого оружия. В подразделениях проводилась военная подготовка. Это была подготовленная военная организация со своим штабом, подразделениями: снабжения, лазаретами, военными судами. Попытки царских военачальников противостоять этому успеху не имели.

Восстанием были охвачены: Урал, Башкирия, Нижнее Поволжье. За год заняли: Казань, Саранск, Саратов, Оренбург, Самару, Екатеринбург, Челябинск.

По указу этого Петра III, истреблялись, без пощады, мужчины, женщины и дети «господ».

Екатерина II вынуждена была снять часть войск с турецкого фронта и направить на подавление мятежников. Зимой 1774 года 16-тысячная российская армия развернула крупномасштабное наступление. Под Оренбургом в результате длительного боя войска Пугачева были разбиты, а сам он с группой единомышленников бежал на Урал. Но война на этом не закончилась. Здесь, на Урале, в Башкирии, собрал он опять войско и двинулся на Казань. Город был взят. Царские войска опомнись, и войска полковника Михельсона разбили войска Пугачева. Тот опять бежал на Волгу. Это было последнее сражение войск восставших. Во всех населенных пунктах шла расправа над восставшими. Казнили всех подряд. Во многих деревнях вешали практически каждого третьего. Правительство мстило своему народу за его вольнодумство.

- А что с Пугачевым? - не выдержал кто-то.

- А Емельяна Пугачева, как и Разина, предали свои же. Казнили его в январе 1775 года на Болотной площади в Москве.

Иван Захарович присел на лавочку к старикам и, воспользовавшись тишиной, добавил:

- К подавлению Пугачевского мятежа был причастен и Александр Васильевич Суворов.

- Как? Суворов!

- Да, да! Суворов! Его сняли с турецкого фронта и он, используя свой опыт ведения военных действий, организовал победу над войсками Пугачева.

Наступила такая тишина, что даже махорочный дым курильщиков перестал виться.

...Надолго взбудоражил головы казаков своими рассказами учитель Иван Захарович. Обсуждали детали услышанного: в кругу семьи, с друзьями во время отдыха, на работе. И суть то была не в самих эпизодах происходящего когда-то, а в схожести ситуации с сегодняшним временем: та же неразбериха в Верхах, плачевное положение всех сословий, труженников на земле и на производстве, оторванность чиновников от фактической жизни населения. А тут еще и проигрыш в войне с немцами, искалеченные в боях солдаты. Нет! Нет! Правильно изложил учитель предбунтовскую ситуацию в России того времени. Сегодня она почти такая же!

Думают казаки, крепко задумываются и, на всякий случай, оружие свое содержат в исправном состоянии, да и провиант для длительного хранения заготавливают.

Не успела утихнуть взбудораженная станица, как прискакал к атаману нарочный с извещением, что царь Российский Николай II отрекся от престола и что в настоящее время отсутствует реальное руководство страной, кроме Совета министров.

Ничего не поняв из этой депеши, заспешил станичный атаман за разъяснениями в Округ. Долго ждали его возвращения станичники, а дождавшись – матерясь, расходились. Атаман до того был пьян, что «лыка не вязал». Так в пьяном угаре через неделю и скончался.

Похоронили атамана по христианскому обычаю со слезами, с поминальным обедом и немногословными речами.

Расходились по домам «разогретые» казаки и у каждого в голове невольная мысль: «Что дальше?».

Через два дня побежали к вечеру по станице огольцы-казачки приглашать всех на общий сход по решению Совета старейшин.

Побросали мужики свои дела и быстрее на площадь. Женщины, наскоро подоив коров, – следом за ними. А перед Управой стоял уже стол, застеленный зеленой скатертью, четыре керосиновых фонаря освещали круг. Когда площадь была заполнена людьми, за стол прошел всеми уважаемый седобородый Игнатий Андреевич Лоскутов и станичный писарь Егорыч. Поднял старик руку, и в наступившей тишине раздалось:

- Остались мы сегодня, казаки, без царя российского, без власти станичной. Вот и требуется нам всем миром поразмыслить: как быть, куда идти. Истина в этом деле проста: народ любой не может жить без поводыря. Вот и решайте сами! Но прежде чем начнем по вопросу гутарить и спорить, надобно нам изначально избрать председателя и протокольного секретаря. Прошу подумать и поднятием руки предлагать!

Без особого спора избрали председателем учителя Ивана Захаровича, а секретарем избрали писаря Егорыча.

Иван Захарович, под общий гул одобрения, прошел за стол и, откашлявшись, начал говорить:

- Низко кланяюсь вам, станичники, за оказанное мне доверие вести сход. Предупреждаю сразу: проводимое нами дело – весьма серьезное и ответственное для всех! Мне известны многие формы управления от диктатуры до парламентской республики. Но чтобы при самодержавии избирать орган народного самоуправления – предстоит впервые.

Мне кажется, что в этой, весьма «щекотливой» ситуации, можно было бы обговорить двухпалатную схему управления: это Совет старейшин и Совет станичных доверенных лиц, с избранием Председателя, т. е. Главы, по рекомендации Совета старейшин».

Наступило замешательство. Тишина и только вздохи. Неожиданно для всех, с задних рядов, раздвигая людей своим богатырским торсом, прошел к столу молчун-кузнец Вереньев. Развернулся ко всем и сверкнул на его груди полный бант Георгиевских Крестов.

- Башковитый ты все же, Иван Захарович! Не зря мои ребята от твоих уроков в восторге! Все за нас продумал! Молодец! Веди эту линию дальше!

...Долго шумел сход, аж керосин в фонаре выгорел. В конце концов сошлись на том, что предложение Ивана Захаровича – самое правильное и его нужно сходом утвердить. Затем решили Совет старейшин оставить в прежнем составе, а Совет представителей избрать в количестве 20-ти человек, включая женщин. После соблюдения всех протокольных записей и пофамильное голосование за состав Советов, приступили к выбору председателя Совета. Старики единогласно выдвинули на этот пост Ивана Захаровича. Члены Совета, после некоторых уточнений относительно принадлежности его к казачеству, поддержали эту кандидатуру.

Расходились станичники под самое утро с каким-то душевным облегчением и жизненным азартом.

В этот вечер молодежь была со всеми. Вместе расходились по домам с родителями. Возможно, впервые осознав величие и силу народной воли.

...В следующий вечер опять собрались молодые люди попеть, поплясать, но не было среди них голосистой Маши Масловой.

Решили подруги после вечера заглянуть к ней. А в доме темно и на стук никто не отвечает.

- Не могла она уйти, - растеряно проговорила одна.

- Родни у нее нет, а дружит только с нами, - поддерживала другая.

Постояли, погромче постучали в окно и дверь – тишина. Решили визит возобновить днем. Разошлись озабоченными.

А Маша вот уже вторые сутки не отходит от постели бабушки Агриппины. Слегла она, а слепой внук – плохой помощник в этом деле. Внука Романа сослуживцы привезли к бабушке месяцев пять тому назад. Красивый статный парень лишился зрения во время наступления. При артобстреле рвануло рядом, обожгло горячей волной лицо. Все цело, а глаза не видят. Почти год провалялся в госпиталях – никакого изменения. Выписали, как не пригодного к воинской службе. Родителей нет. Вот и оказался он в станице у бабушки. Помогал ей, как мог. А когда хворь бабушку положила, добрался по заборам до дома Маши и упросил ее оказать ему помощь.

Старушка умирала. Когда к ней возвращалось сознание, она ловила Машину руку и из последних сил выдавливала из себя: «Пожалей Ромочку! Не оставляй его одного! Богом молю тебя!»

...Хоронили бабушку Агриппину всей станцией. Но никто из селян и подумать не мог, что смерть этой уважаемой казачки проложит путь к другой жизни.

После похорон навалились на Машу заботы, о которых она и не предполагала. В собственном доме приберись, скотину накорми, Романа накорми и обстирай, в доме приберись. Неделю моталась она между двумя домами, а когда осознала, что скоро сама «окачурится», закрыла бабкин дом и увела Романа к себе.

Тяжело жить молоденькой девушке под одной крышей с мужчиной. Хоть и слепой, но все-таки мужик. Правда, он все пытается сделать самостоятельно, но редко что-то удавалось.

Ближе к обеду, когда в доме был наведен полный порядок, собрала Маша обед, и присели они с Романом за стол покушать. Пожалуй, впервые, Маша разглядывала своего жильца не глазами опекуныши, а оценивающим взглядом созревающей женщины. Кровь прилила к лицу от счастливой мысли. То ли Роман почувствовал какое-то замешательство в поведении Маши, то ли долгое нахождение рядом с заботливой девушкой, а может быть, крик раненой души подтолкнули его:

- Машенька! Прости меня за возможно глупое мое предложение, но сердце мое разрывается на части, когда ты куда-то отлучаешься. Без тебя нет у меня жизни. Да, я – слепой! Но у меня есть руки, ноги и, самое главное, – сердце, которое теперь принадлежит тебе, радость моя! Подойди ко мне и дай руку. По ней я пойму, насколько я убедителен в своем предложении.

Помолчал, нежно глядя руку девушки и, слегка заикаясь, произнес: «Машенька! Будь моей женой. Будь! Жизнь свою отдам за тебя! Поверь фронтовику!»

По тому, как дрогнула ее рука, как на руку упали крупные слезы девушки, почувствовал Роман тот шквал эмоций и мыслей, которые сейчас терзают Машу. Встал рядом, обнял ее за плечи и, прижав, голову к груди, шепнул на ухо:

- Соглашайся.

И в ответ – уверенно, от глубины сердца, как крик:

- Я согласна!

Машины подруги, пришедшие утром следующего дня, застали за праздничным столом счастливых и немного уставших новоявленных супругов. Видя счастливые лица и

нежные объятия, сообразили, что слова были излишними и присутствие посторонних также.

- Свадьбе быть! - в один голос заявили подруги и исчезли.

И была эта свадьба настолько яркой, теплой, что даже из соседних станиц приехали гости.

...Перед утром, в слегка морозном чутком воздухе было явственно слышно, как скрипнула неподалеку чья-то калитка, как в сторону поскотины проскакал верховой, и дробный ускоряющей бег лошади затих где-то за бугром и тут же раздался выстрел.

Роман, слегка отстранив от себя, закутанную в шаль Машу, шепнул: «С трехлинейки ударили! Пойдем в дом. Тревожно что-то. Пойдем, радость моя, а то ребеночка нашего напугают».

Не успело и солнце оторваться от горизонта, как зашумела станица. Куда-то скакали верховые, выли бабы и везде лаяли собаки. Наспех одевшись, поддерживая свой огромный живот, заспешила Маша на улицу, успев шепнуть Роману: «Я скоренько».

Доплелась до площади около Управы, когда ее догнало плачущие подруги. По их виду поняла Маша, что случилось в станице что-то ужасное, большое для всех.

- Ивана Захаровича убили! - сквозь слезы выдавили они и зарыдали в полный голос.

Закачалось, закружилось все вокруг, резанула боль внизу живота и Маша, ойкнув, начала падать. Подхватили, позвали на помощи и бережно отнесли домой. Не успели раздеть и уложить в постель, как начались родовые схватки.

Мечется по хате Роман, пытаясь хоть чем-то помочь колдующим над роженицей женщинам, но из всего этого только дополнительную помеху создает. Осознав свою никчемность в этой ситуации, опустился на стул в дальнем углу и заплакал. Слух резанул детский крик и чье-то слово:

«Мальчик!» Соскочил новоявленный отец со стула, и, вытирая слезы, побежал к жене... и только тогда, когда оказался у изголовья кровати, ничего на пути не задев, сообразил – начал видеть. Упал на колени перед Машей, поцеловал ее в искусанные губы и с уст его сорвалось: «Я вижу! Я вижу!»

Смерть и Жизнь – все вбирает Время!

2.

После бурных дней пребывания в Петрограде, с его невообразимым хаосом руководства армиями и населением, мысли и оставшееся от этого раздражение – не мог успокоить даже мерный перестук колес вагонов о стыки рельс. В вагоне трое: есаул Семенов, барон Унгерн и сотник Назаров. Именно он – виртуозный рубака Захар Назаров беззаботно спит, посапывая, перебирая порой пальцы, как бы удерживая эфес сабли. Удобно устроившись у столика на нижней полке, бренчит на гитаре отпрыск богатейшего прибалтийского немецкого рода, командир без страха – Роман Федорович Унгерн фон Штернберг, вполголоса напевая свой любимый романс:

*- Гори, гори – моя звезда,
Гори, звезда, приветная!
Ты у меня одна заветная.
Другой не будет никогда.*

Прервал пение. Налил себе и Семенову водку. Молча выпили. Зазвучала опять гитара и полилась мелодия:

*- Сойдет ли ночь на землю ясная –
Звезд много блещут в небесах,
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лугах.*

С особым ударением пропел барон последний куплет, закладывая свой, особый смысл в содержание:

*- Твоих лучей небесной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я – ты над могилою
Гори, гори, моя звезда!*

Пытаясь как-то собраться с мыслями, немного расслабиться от их тяжести, Григорий Михайлович взял отставленную гитару, сделал проигрыш и запел:

*- Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих.
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых! Эх, пара гнедых!*

Отложил гитару, выпил водки, не закусывая, улегся на полку, пытаясь уснуть. Не спится есаулу Семенову. Разная дурь в голову лезет. Вместо кровавых битв, походов, потерей друзей и однополчан, как в калейдоскопе мелькают лица женщин: любимых, случайных и таких, о которых никогда не вспоминал.

...Учась в Оренбургском казачьем училище, познакомился он во время увольнения с пышноволобой блондинкой Аней. Влюбчивый до одурения, «втрескался» он в Аню уже после второго свидания по «полные уши». Начались у него сильнейшие любовные переживания, которые невозможно было скрыть. При малейшей возможности летел он к ней, словно на крыльях: быстрее бы обнять, поцеловать, прижаться к ее дразнящей груди. Два месяца урывали они время на свидания.

Однажды, без предупреждения, вне всякого установившегося распорядка, подбежал к заветной двери и нажал

кнопку звонка. Ему показалось, что прошло много времени до того момента, как услышал он за дверью легкие шаги и клацанье внутреннего замка. Дверь резко распахнулась и перед ним восстал Аня. На улице было душно, такая же духота стояла в комнате, хотя и открыта была балконная дверь. По разбросанной постели и несколько помятому личику понял он, что своим приходом он «выудил» девушку из постели. Она, как была в прозрачном пеньюаре, так и встретила. Не отрываясь, немного даже смущаясь, разглядывал он через прозрачную ткань прелести женского тела, задерживая взгляд на темных сосках груди. Она же, несколько не смущаясь, заставила его срочно разоблачиться и начала страстно целовать, тихонечко отступая к раскрытой постели.

После длительной близости, когда он понял, что Анна весьма опытная в этих делах, возникло в душе какое-то чувство пустоты и явного обмана внешних манер, даже деланного жеманства и жадного проявления её полового азарта.

Нисколько не стесняясь его, она ходила голой по квартире, то наливая вино, то подавая ему в постель холодный чай. При этом она так выставляла свои прелести тела, что он от этого возбуждался и затягивал её в постель. Наконец-то она насытилась и пошла в ванную комнату одеваться. Воспользовавшись её отсутствием, быстро оделся, с жадностью выпил стакан уже теплого чая, подошел к двери. Расставание было коротким, даже холодным. Запомнились ее прощальные слова: «Приходи, когда захочешь». Уже на улице вызрела окончательно мысль: «Я не только не первый ее мужчина, но и не единственный».

На этом встречи их прекратились.

...В следующем кадре мелькнуло лицо Серафимы Николаевны. Аж до сих пор колет под сердцем. Вспомнил, как попал он в лазарет от пулевого ранения. Если уж оценивать честно, по-мужски, то ранение было не особо тяжким, если

учесть, что один сантиметр полета пули рядом с «мужским причиндалом», спас его от потери. Пуля засела на излете в мякоти ноги. Вынул ее хирург быстро, а вот залечивать рану пришлось долго. Все перевязки и обтирания ежедневно проделывала процедурная медсестра Серафима Николаевна. Хотел он этого или не хотел, но возня женщины рядом с мужским достоинством возбуждала его. Вначале Серафима на это не обращала внимания, но затем проделывала до процедуры простейшую вещь – набрасывала мокрую холодную салфетку и после этого обрабатывала рану. Наблюдая за уверенными движениями рук, за сосредоточенным взглядом голубых глаз из-под длинных ресниц, частое прикосновение их тел – влило в него уверенность в скором единении не только их сердец.

Когда перевязки пошли через два дня, он начинал мучиться по ее отсутствию. Он ждал ее, ждал ее обаятельную улыбку, со свойственной этой улыбке выражением утонченности чувств, загадочности, душевных волнений. Белая палата, гаснущие на небе звезды напоминали ему чем-то ее глаза, одежду, а проникающее дыхание весеннего воздуха приносило легкий аромат ее духов.

Время ожидания, время душевной тревоги удлиняла, как назло, выкатившаяся шаром луна, не давая ни покоя, ни сна.

Из раза в раз, Серафима все больше убеждалась, что она все сильнее и сильнее привязывается к своему раненому пациенту. Убедившись в том, что он ей не безразличен, махнула рукой на все плановые перевязки и стала навещать его по несколько раз в день. Они не разговаривали. За них говорили глаза и трепетные руки.

Постепенно рана начала затягиваться и ему разрешили вначале ненадолго садиться, а затем и ходить. Теперь он встречал Серафиму, сидя на кровати, и мог незаметно гладить ее руки, касаться груди. В некоторые дни она прихо-

дила за ним и, нырнув под его крепкую руку, уводила к себе в процедурную. Дальше горячих поцелуев и объятий дело не доходило, хотя это желание проявляли оба.

Момент этот наступил. В один из вечеров, когда потихоньку наступила в лазарете тишина, тихо вошла к нему в палату Серафима и увела его к себе домой. Благо жила совсем рядом. А когда он стал «хромающим ходячим», после вечернего обхода приходил к ней сам.

Все желанней и желанней были их встречи, и все горше становилось на душе от неминуемой разлуки.

Час этот настал, и она, тихо вытирая обильные слезы из глаз, печально помахала ему вслед платочком. Такой и осталась Серафима в его памяти.

...В его угасающем сознании поплыли лица, имена других женщин. Ясно увидел полячку Зосю, немочку Луизу, румынку Зару – вульгарную до предела; пучеглазую, толстозадую еврейку Цылю, казачку Аксинью. Многие лица женщин исчезли из его памяти, и он, зачастую, не мог даже вспомнить имя. Одного он правила со всеми придерживался: не юлить, не обманывать, лишнего не обещать, при необходимости оказывать помощь.

Сон все больше и глубже охватывал мозг Григория Михайловича. Отвернувшись от всех, уснул.

...Снился родительский дом, к которому бежал он по берегу реки Опок и спешащий к нему навстречу генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель. «Остановись, Семенов!» - говорит он ему. - Я ведь знаю, и не только я, что ты толковый, храбрый офицер с особой казацкой смекалкой, отличный строевик! Ты популярен среди казаков и офицеров, но ты, Семенов, авантюрист по характеру, интриган и к цели своей идешь по головам. Лишаю я тебя всех генеральских наград и даю тебе посох. С ним пойдешь от Сибири до Москвы. На пути этом оставайся преданным защитником России! Прощай, атаман!» Проговорил так Врангель и ис-

чез. А песок под посохом вязкий, не дает бежать. Вот уже и ноги ушли в его зыбь выше щиколоток, он падает и... рассыпается.

Сон вернул в прошлое, и он, не открывая глаз, начал вспоминать. Ясно увидел большой, богатый дом бабушки с многочисленной прислугой и пастухов-бурятов. Во всей округе и в Монголии был дед самым богатым скотоводом. На огромных степных просторах Забайкалья выпасались и нагуливались стада быков, телок, коров. Пастухи-буряты побаивались его: горяч «на руку» был. За провинность в работе мог и отстегать работника. В то же время почитали они его за честность и понимание их жизни. Брал дед и его частенько в дальние поездки на пастбища. Он еще и читать-то не умел, а на лошади держался, как клещ – не оторвать от седла. К этому времени свободно владел он разговорным монгольским языком и мог часами беседовать со степняками.

Наиболее суровой в доме была его бабушка, с характерными монгольскими чертами лица и вольным нравом. Ее даже дедушка побаивался. В ссоры не вступал. Уходил по-дальше, ворча: «Опять Чингис-хан разбушевался!»

Отца Гришкиного бабушка не любила и постоянно проявляла это: то ли за своенравие характера, то ли за женитьбу скоротечную, а может и за уход из-под опеки родителей. Однако деньгами она его обеспечивала щедро. Жил Гриша в довольно-таки обеспеченной семье. Мальчиком знаком был со многими буддийскими ламами и увлекся их учениями, находя, еще не осознанно, душевное и телесное спокойствие.

Когда учился уже в церковно-приходском училище, родители, весьма умело увели его от увлечения буддизмом и на его столе появились книги по русскому языку, по мировой истории, философии, теологии и даже по вопросам экологии. В более старшем возрасте увлекся он, как и многие

другие, стихосложением. Весьма успешно. Отец помог ему опубликовать два сборника стихов. До сих пор путешествуют они с ним по дорогам войны.

После местного училища отправили его родители в Читу сдавать экзамены за пятый класс гимназии. Экзамены сдал блестяще и, окрыленный этим, считал себя уже гимназистом. Но его не зачислили по причине отсутствия вакансий. Похоже, надо было отцу кому-то дать взятку. Обозленный, но не скисший, поступил он в Оренбургское казачье училище. И здесь бравый казак Семенов проявил огромное прилежание к обучению и поведению, что было отмечено во время построения при выпуске молодых офицеров. После училища направили его на службу в Первый Нерчинский полк. Однообразную службу в суровом Забайкалье прервала Первая мировая война. Нерчинский полк отправили на Кавказский фронт, где Семенов дослужился до чина есаула, а за особую храбрость и отвагу в боях получил четырнадцать боевых наград. Рядом с ним воевал храбрейший есаул – барон Унгерн, которого знал он еще по Первому Нерчинскому полку, где тот командовал сотней. Многие черты характера, поведения передались Семенову от барона.

В штабе фронта об этом «чокнутом немце» говорили часто и много. Наиболее часто обсуждали его поступок, когда после окончания войны с Японией добрался он верхом в одиночку до Харбина, чтобы помочь разрозненным монгольским племенам противостоять в войне с китайской императорской армией. Штабные офицеры «за глаза» называли Унгерна «чокнутым». Генералы же, характеристику его действиям давали более реальную: «В нашем общепринятом статусе звания офицера Унгерн не соответствует. Скорее всего, это особый тип партизана-любителя». Такого же мнения был и Главнокомандующий в то время войсками

Юга России генерал-лейтенант Врангель, под командованием которого в своё время тот служил.

Спит на соседней полке импульсивный барон, успевший допить бутылку водки, и, скорее всего, не представляет он всей опасности их вояжа в Забайкалье. А на верхней полке по-прежнему похрапывает поручик Захар Назаров. Это он обязан ему вызволением из австрийского плена.

Вспомнил, как в сентябре 1916 года особый отряд девятой армии германцев от Сегеда и первая Армия австро-венгров начали массированное наступление на Шегешвар и Сибиу. Несмотря на усилия первой и второй армий румын в этом направлении, успеха не имели. Войска спешно отступали в сторону Черновицы для соединения седьмой и девятой армиями. Во время этого спешного отступления наткнулся его отряд, уходящий от преследования, на охраняемых австрийцами группу окровавленных пленных солдат и офицеров. Молнией налетели казаки на охранников, всех до одного изрубили, а освобожденных забрали к себе на коней и поскакали дальше. Вот тогда-то и познакомился он с молодым Георгиевским кавалером – Захаром Назаровым – донским казаком. Понравился ему этот смельчак сотник за ум и находчивость. С тех пор они не расстаются.

К началу 1917 года российским и румынским войскам с трудом удавалось удерживать линию фронта от Риги до Черновиц. В армии, да и в целом по России в это время всю свирепствовали неразбериха и чехарда как в умах, так и в действиях.

Война четырнадцатого года для россиян была неожиданностью, да и войска выступили на фронты без опоры на организованный военный лад в стране. Уж очень медленно раскручивалось чиновничье колесо для принятия соответствующих мер, хотя в народе патриотизма – хоть отбавляй. К тому же успех русских войск в первый месяц войны – усыплял.

Однако, уже в августе начались для армии первые серьезные поражения. При Таненберге русские войска были атакованы, и в немецкий плен попали более 100 тысяч солдат и офицеров. С большой переоценкой своих возможностей Ставка планировала военные действия только на три месяца, чем оставила армию без боеприпасов и вооружения. В мае 1915 года германские и австро-венгерские войска прорвали фронт. Армия потеряла 150 тысяч убитыми, около 700 тысяч ранеными, а 900 тысяч попали в плен.

Семенов запомнил эти цифры из секретного донесения царю, которое изначально, но уже давно было не секретным. Незначительные успехи российских войск в Галиции существенно на ход военных действий не повлияли. Войска отступали, оставив немцам и австрийцам: Польшу, Голицию, Литву, часть Украины и Белоруссии. На оккупированных территориях направленно и резко возросло национальное движение против России. В этих местах формировалась своя власть и органы управления. Значительная часть военной промышленности оказалась на оккупированных территориях. Россию затрясло.

Пришлось царю передать на местах бразды правления военным. Но военные и гражданские структуры без четкого распределения функций мешали друг другу, усиливая хаос. По всем территориям европейской части России началось формирование народного Управления. По инициативе Председателя III Государственной Думы Гучкова, был создан Центральный военно-промышленный Комитет для регулирования оборонных заказов и снабжения армии. Доверие к царю рухнуло. Даже меняя министров, он ничего не добился, а противостояние ему Думы, военных, народа – усиливалось. Повсюду начались перебои с продовольствием. Даже в Петрограде перешли на карточную систему распределения продуктов. Революция назрела, и она свершилась в феврале 1917 года. Полностью всколыхнулся воору-

женный Петроград. Начались перестрелки. Вооруженные люди убивали полицейских, захватили тюрьму «Кресты». Восстали солдаты, находящиеся в Преображенских казармах. А тут еще и Николай II издал Указ о ликвидации неблагонадежной Думы. Те, естественно, не подчинились и приступили к формированию нового государственного управления и вынудили царя отказаться от российского престола.

Думцы образовали Временный комитет по управлению государственными учреждениями и направили туда своих комиссаров. В это же время делегаты от рабочих и солдат избрали свой Совет рабочих и солдатских депутатов. Возглавил этот Совет депутат Чхеидзе. Образовалось в Петрограде двоевластие. Понимая пагубность для страны и в первую очередь столицы, Временный комитет и Совет заключили соглашение о создании Временного правительства, которое возглавил князь Львов. Постепенно власть сосредоточилась в руках премьер-министра Александра Федоровича Керенского.

Новое Правительство незамедлительно провозгласило: амнистия всем политзаключенным; свобода слова; свобода вероисповедания; равенство всех народов без деления на сословия; разрешение собраний, митингов, забастовок; созыв Учредительного собрания путем прямых выборов. Когда все это стало гласным, то практически не было такого города, где бы ни приветствовали революцию.

На фронтах же положение было куда серьезней. Дисциплина в армейских подразделениях и частях падала. Солдаты устали воевать. Приказы зачастую не выполнялись. В мае Верховным главнокомандующим был назначен прославленный генерал А. А. Брусилов, а в июле его сменил Л. Г. Корнилов, который потребовал введения в армии смертной казни за дезертирство. Решительный Корнилов потребовал от Керенского более действенных решений в момент

германского наступления на Ригу, пообещав, в противном случае, вернуться с войсками в столицу. Керенский посчитал это ультиматумом и попыткой свержения власти. Он обратился с призывом к народу и его поддержали члены Совета, даже часть военных генералов, и Корнилова от должности освободили, а затем арестовали.

В один из таких критических для армии дней, на фронт в войска прибыл премьер-министр А. Ф. Керенский. Здесь он познакомился с героем-офицером Семеновым. Тот ему понравился, и Александр Федорович распорядился прибыть к нему за новыми назначениями Семенову, Унгерну, Назарову.

И ляжет для всех их путь от Петербурга до Читы. И понесет их время все дальше и дальше.

3.

Захар просыпался медленно, пребывая частично еще в своих снах. Ему хотелось еще немного побывать с приснившейся ему любимой Аксинышкой. В его душе от этого нарастала взволнованная светлость, точно там, где-то у самого сердца, звучала, не переставая, музыка. Это было то чувство, которое он однажды уже ощущал в той, давней станичной жизни, когда обнимал и целовал в черешнике свою любимую, и она не выдерживала этих ласк. Вроде, как и грех совершили в тот вечер, а душа пела, и он неистово целовал и целовал свою Аксинышку. Еще во сне ощутил Захар свое земное, неистраченное, не затертое военным временем чувство любви. Того огромного, всепоглощающего чувства, которое накапливало свою силу годами в потаенных уголках сердца и выплеснулось разом, утопив в этом потоке его и ее. И нет на Земле, а может быть, и на Небесах более сильного человеческого чувства, захватывающего

мозг, тело, волю. Влюбленные от этого уже и не ходят, а летают – околдованные, сияющие.

Внизу шел разговор.

- Если, конечно, это не секрет, Григорий Михайлович, то поясните, пожалуйста, длительность своего отсутствия после нашей встречи с генштабистом Мурановым у Керенского? - спросил Унгерн.

- Какой там секрет, Роман Федорович, - спокойно начал Семенов. Просто я понял в этой существующей властной неразберихе одну истину. Она на поверхности. Скоро, очень скоро, закончится многовластие и будет одна – Советы, где уже сейчас главенствуют смутьяны-большевики. А этот народец я знаю еще по Сибири – кровожадны и неукротимы в действиях. Вы ведь сами, Роман Федорович, видели, как своими стараниями большевики через агитаторов разваливают российскую, когда-то славную армию.

Мысль и предложение Керенского о создании Добровольческой армии мне понравилась. Прельстило меня не мое назначение возглавить ее, а уверенность, что формируя ее из сибирских, еще не тронутых большевистской плесенью частей, пойдем могучей силой на Москву и Петербург – убирая всю армейскую коросту.

- Заманчиво, Григорий Михайлович, но очень уж просто, вроде как до Вас никто об этом и не думал, - только заметил Унгерн.

- Есть еще одна деталь этого плана. А, именно, параллельно с Добровольческой армией сформировать еще одну армию из бурят и монголов. Вначале создать ее для противостояния китайцам и японцам, а затем, объединив все силы, очистить Русь на Востоке, в Сибири, и двинуться на Москву! Каково? - с вызовом закончил Семенов.

- Поднимаю руки перед гениальностью будущего атamana, - серьезно заявил Унгерн. Не мне ли выпадает роль

возглавить это дело? - с некоторой долей ехидства заметил Роман Федорович.

- Именно Вам, уважаемый Роман Федорович! Именно Вам! Нет человека сегодня в России, кто бы с этой задачей справился лучше Вас.

- Пафосно! Виртуозно, логично! Пожалуй, я за это дело возьмусь, - после незначительного молчания сказал Унгерн.

- Предлагаю это дело вспрыснуть! Не возражаете, господин барон? - довольным голосом заявил Семенов. - Да и Назарову пора пробудиться! Проговорил, постучал снизу по второй полке, одновременно разливая на троих водку.

Выпили. Смачно закусили любимыми бутербродами барона Унгерна с салом и сыром, и заказали всем крепкий чай.

Чаепитие началось с вопроса Унгерна:

- Григорий Михайлович! А ведь Вы так и не ответили на мой изначальный вопрос.

- Относительно длительной отлучки?

- Да!

- Видит Бог, не хотел об этом говорить, но тупость Генштаба меня до сих пор лихорадит!

- Нельзя ли более подробно?

- Можно! Двое суток просидел я над планом свержения Советов рабочих и солдатских депутатов. Предложил вариант внезапности свержения Советов силами юнкеров училищ в крупных городах. Эти же силы использовать в дальнейшем для круглосуточной охраны важнейших объектов: вокзалы, мосты, почта, телеграф, телефон.

- Авантюра, есаул!

- Почему?

- Не те силы! Это еще молокососы! Для этого дела нужна другая сила, такая, как наша!

От этих слов задергались усы Семенова, и он замолчал.

- И как на ваш план среагировали в Генштабе? - не обращая внимания на насупленность Семенова, спросил Унгерн.

- Никак, - буркнул Семенов.

- Причина?

- Они посчитали, что это вопрос серьезной политики. Армия, мол, вне политики, и этот вариант укрепления власти Временного правительства рассматриваться не будет, - с ноткой раздражения закончил Семенов.

- Ну и дураки! - резонно заметил Унгерн. - Власть все равно преподносится силами военных, но не мальчишками. Если Керенский и Генштаб этого не поймут, то они глупцы втройне! - уверенным голосом заметил барон и взяв гитару запел почти декламируя:

- На небе свет благих светил потух,

И жизнь былую форму потеряла...

...Тем паче должен ты стези держаться

Достойной, как держался до сих пор.

Отложил в сторону гитару, медленно повернулся в сторону Семенова и, глядя тому в глаза, произнес: «Что наша судьба, господин есаул!» После этого лег и сделал вид, что уснул.

Как все же трудно, а порой и невозможно управлять мыслями. Они, как ручейки от весеннего дождя, то бегут мелкими потоками, то объединяются в большой ручей и устремляются вниз, в лог, а дальше в реку. Перегороды хотя немного – покатится вода из запруды, либо прорвет ее. И потечет вбок, объединяясь с другим ручейком.

Стоило барону чуть-чуть задуматься о своем путешествии и о своей роли по защите интересов Правительства России, как тут же память отослала его в детство.

Вспомнил свое беззаботное, обеспеченное нахождение в усадьбе родителей на Рижском взморье. Огромный бело-снежный дом с колонами и огромным садом. Ухоженную лужайку вдоль парадного прохода, плеск воды фонтана и уютную беседку, куда он частенько убегал от гувернантки. Ох, и любили же его родители. Все для него: учителя разные, лошади от пони до скакунов, личный кучер. Баловал его отец – потомок богатого немецкого рода. Еще прапрадед – известный морской путешественник, поселился здесь при царе Петре Алексеевиче Романове по его приглашению. Имение свое прадедушка не расширял, а из года в год укреплял всевозможными новшествами. Петр Алексеевич частенько гостил у них, подолгу беседуя со старым Унгерном. Своим правом Царь ввел титул барона для высшего слоя прибалтийского дворянства немецкого происхождения. С тех пор перед фамилией Унгерн появилась приставка – барон.

Имение передавалось по наследству, как и банковские счета, а также все имущество старшим сыновьям. Те распоряжались этим наследством по своему усмотрению, не обижая выделившихся детей из общей семьи. Крепок был род баронов Унгерн. Все многочисленные представители этого рода по мужской линии служили в войсках Российской империи. Были среди этих военных и вольнодумцы. Один из братьев деда был сослан в Сибирь на каторгу за декабрьские выступления 1825 года на Сенатской площади Петербурга против царя Николая I. Фамилия Унгерн была известна среди офицеров армии России. Многие сложили свои головы за свое Отчество.

Еще запомнил он свои детские игры в Робин Гуда. Все деревья и кустарники сада служили ему укрытием для воображаемого нападения и надежным укрытием от гувернантки. Учеба давалась ему легко, даже очень легко а потому от скуки частенько «улепётывал» в сад. Нравилось ему

наблюдать с высоты какого-нибудь дерева за поисками его. Обычно спешно из дома выбегала гувернантка с громким криком, простирая к небу руки, и кричала:

- Wo ist das Kind? Richard! Wo ist das Kind? (Где ребенок? Рихард! Где ребенок?).

- Ich wais nicht! (Я не знаю!) - хитрил кучер Рихард. Так было не один раз, пока отец его не наказал: не взял на верховую прогулку. А это было для него самым страшным наказанием. Лошадей он обожал до безумия. Мог часами скакать в седле, не уставая, без воды и пищи.

Частым гостем в имении был пышнобородый поэт Афанасий Афанасьевич Фет (Шеншин). Его стихи и песни помнит он и сегодня, особенно врезавшийся стих Ave Maria (Привет тебе, Мария).

*Ave Maria – лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха:
Чистая дева, скорбящая мать,
Душу проникла твоя благодать.
Неба царица, не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!
Ave Maria – лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.*

А песню на его стихи:

*На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит,
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.*

частенько напевал он в кругу друзей.

Первый и последний раз Афанасия Афанасьевича видел он в возрасте около девяти лет. Художник Илья Ефимович Репин прекрасно запечатлел его образ в картине поэта. С Репиным встречался он весьма часто, вплоть до войны с Японией.

Заглядывал к ним в имение и молодой мореплаватель Александр Васильевич Колчак. В дальнейшем повязала их стезя военных дорог: на Дальнем Востоке – в битвах с японцами, в Сибири. Никогда не забыть ему храбреца – капитана Еремеева из казаков Дона. Частенько с ним на пару, а то и с десятком «отчаюг» проникали они в тыл к японцам, наводя своим вторжением в войсках страх и ужас. Теперь он где-то в Сибири.

В Тамбовской губернии было у отца еще одно имение. Разводил здесь он, в основном, лошадей для нужд армии и племенной немецкий скот. Имение давало существенные доходы и способствовало многочисленным знакомствам с военными чинами и с московской знатью.

Отца своего, с его обширными связями и знакомствами, понимал он по-своему. По-своему не принимал то, что не вписывалось в рамки его представления о жизни, о последовательности действий. Приобретя небольшой жизненный опыт, неоднократно пытался он провести черту между привычками, действиями отца и своими. Находил зачастую отцовские – предосудительными и отжившими, а свои – наполненные содержанием и нужными. Отец, к примеру, прежде чем принять решение, долго все обдумывал, взвешивал, прикидывал последствия от решения, и только после этого принимал его и то, если оно не усложняло будущее и не было разорительным. Удивляло его, а порой раздражало в поведении отца, его сверхпедантичная скрупулезность и чрезмерное подчинение себя обычаям своих предков. В его же закрепляющемся характере все было немного по-другому. Много в его действиях было от интуиции, от накопленного опыта: сиюминутно, решительно, с риском. Иногда, правда, ловил он себя на мысли, что подражает кому-то, копирует чужие действия и поступки.

Но сколько бы он не отгораживался от отца по действиям, как бы ни убеждал себя в том, что у отца чрезмер-

ное наслоение временем, и он продолжает этим жить, а он же живет в пользу сегодняшних реальностей, в конце концов, он все же понял и почувствовал, что есть у них с отцом одно общее, и оно снимает разные мелочи и расхождения во взглядах, – это служение общесемейному, служение во благо России.

Внезапно память перебросила его в далекое прошлое, когда отправил его отец в далекую Бухару к Эмиру Сид Алим-хану. Были они какими-то дальними родственниками с отцом по женской линии и поддерживали между собою связь перепиской. В одном из таких писем пообещал Эмир отцу подарить чистокровного жеребца арабской породы. Из истории коневодства он знал, что эта чистокровная порода лошадей была выведена бедуинами в центральной части Аравийского полуострова. В результате селекции, продолжавшейся в течение нескольких тысячелетий, появилось лошадь, обладающая силой, выносливостью, неприхотливостью, хорошим характером, способная к длительным переходам. Высококровная арабская лошадь ценна своим гармоничным телосложением, длинными, «косо» поставленными лопатками, мощным скакательным суставом, такими же сухожилиями, прочными копытами, грациозными, динамичными движениями. Масть, в основном серая или гнедая. Высота в холке от 148 до 158 см.

Вот за этим самым жеребцом и направил его отец. Было это за три месяца перед войной с Японией, когда в имение к отцу прибыл он на отдых в период своего офицерского отпуска. Отведен ему был на отдых ровно один месяц. Мечтал отдохнуть, развеяться с друзьями, женщинами, а тут, как ком снега на голову:

- Наша лошадь для кавалерии несколько тяжеловата и без отдыха не способна к длительным переходам. Да и резвостью особой не отличается. К тому же и копытом «сыровата». Надо «прилить» для улучшения кровь арабской ло-

шади. Хотя ты, сынок, знаток лошадей, но «прилитие крови» – дело заводчика.

Отбери из наших табунщиков пяток надежных мужчин, и собирайтесь в дальний путь. В Бухару пойдете через Казахстан. Там купите для себя монгольских малорослых, но удивительно выносливых лошадей, и двух верблюдов для перевозки запаса воды и поклажи. Из оружия возьмете две винтовки. Эмиру подарите дедовский золотой портсигар и такой же кинжал. В пути не расслабляйтесь. За арабской лошадью охотятся. Сегодня и завтра – отдых, а послезавтра – в путь. С командиром твоим, о продлении времени отпуска, договорюсь. Возвращайся быстрее, сынок, а то что-то уж слишком в мире неспокойно.

...Хотя и утомительным был путь до Бухары, однако проделали его с опережением расчетного времени. Особых приключений не было, если не считать утомительное продвижение по безлюдным казахским степям, без воды, с ночевками под открытым небом. Успокоились и расслабились, когда увидели оазис в низовье реки Заравшан.

Верст за десять встретили его конники Эмира. Переодевшись и отмывшись, предстали они пред очи его. Нарушая все параграфы этикета, родственники троекратно расцеловались и уединились для разговора.

- Надеюсь, что скакун тебе завтра понравится.
- В вашей компетентности я не сомневаюсь.
- Можешь не сомневаться.
- Скажи, родственник! Неужели не опасно оставаться в составе Российской империи?
- Опасно! Очень опасно!
- Где выход?
- В твоем прибытии!
- Как?
- Думаю, что скоро богатство предков моих попытаются россияне у меня забрать. А это немалые сокровища.

- Что делать? Как быть?

- Половину этого состояния доверю тебе и надеюсь, что употребишь ты его во благо Отечества своего. Вторую часть себе оставлю на случай надобности твоей родне и нашего народа, возможно, и России всей.

- Отчего такая уверенность во мне?

- Ты немец! Этим все определяется!

Замолчали. Начали посасывать кальян. Зазвучала музыка, и выплыли красавицы – девушки. Их бедра и грудь увлекли его и возбудили. Древний инстинкт к одной из них – увел его в спальню.

...Двенадцать выюков с драгоценностями везли они назад. За пятьдесят верст проводили их нукеры шаха. На вторые сутки, под вечер заметил он преследующих их всадников. Чтобы сразаться с десятком вооруженных бандитов, имея всего две винтовки и револьвер, было безумием. Нужна была особая тактика. И вот тут-то и пригодилась ему его военная выучка. Приказал табунщикам уложить жеребца и окружить его «монголками» с трех сторон, «завалить» верблюда и приготовиться к боевой встрече. От первых выстрелов «с упора» противник потерял сразу троих всадников. Второй залп – менее удачный, но все же – двое. Нападающие поняли, что перед ними далеко не новички и сменили тактику: решили подойти к каравану ночью. Прием этот он разгадал сразу. Применил и здесь хитрость. Отвел на значительное расстояние лошадей с выюками, разжег костер и выставил вокруг него верблюдов и чучела. Выстрелы прогремели на рассвете. В ответ разбойники - китайцы навсегда уткнулись головой в землю.

Остальной путь прошел без приключений.

Возможно, это нападение можно было бы отнести к случайности, но его острый взгляд военного профессионала расценил все это, как слежку.

...По прибытию в имение, посоветовавшись с отцом, захоронили они эмирские сокровища ночью под яблоней около фонтана, водрузив на этом месте обыкновенный камень – голыш. Знали об этом только двое: отец и сын.

Грустно, но теперь он единственный держатель этой тайны.

Удивительно, но вспомнил он и свое отчаянное решение к действиям, после перемирия с Японией, когда, как ему казалось, те были готовы к любым условиям, а его Правительство подписало унижительный Договор.

Оскорбленная душа взлетела до небес, и чтобы как-то удовлетвориться и противостоять «дуболомству» царя и его Генштабу, заседдал он своего верного буланчика и отправился в Харбин. Оттуда в Монголию – поднимать кочевников на борьбу с китайскими завоевателями.

Попытка сформировать боеспособное ополчение не удалось. Кочевники самостоятельно защищали свой клан. Общая беда была им пока неведома.

Через три месяца, так и не организовав ничего, вернулся на службу в свой Нерчинский полк.

Мысль о Нерчинске тут же вернула его в историю края.

Место это было главной сибирской каторгой России. Каторжные тюрьмы были расположены в трех районах: Алачинском, Зерентуйском, Карийском. В каждом из них было 3-4 тюрьмы. Отбывали здесь свои сроки декабристы, народники, социал-демократы, участники польских восстаний. В основном это была политическая каторга.

...Размышления прервал голос Семенова:

- До места нашего назначения, господа, остался один перегон. Сейчас я вооружу вас именными мандатами Петросовета. Условно каждый из нас прибывает в Читу с целью установления здесь власти Советов. Прошу, господа, это запомнить!

4.

На станции Ингода к составу прицепили еще два вагона с военными, и паровоз, натужено кряхтя, медленно начал выводить его на основной путь.

- Похоже, серьезные баталии предстоят в Чите, - глядя в вагонное окно, проговорил барон Унгерн.

- Не хотел бы я, чтобы оправдалось предостережение полковника Муравьева, - в тон ему задумчиво сказал Семенов.

- О чем же он поведал?- с ехидцей спросил Унгерн.

- Многое и мы с вами знаем, Роман Федорович, но полковник выложил мне все более глубоко и осмысленно.

Захар напряг слух, и каждое сказанное слово впрессовывал в свой мозг.

- Проблема опять-таки в Советах. Пожалуй, даже и не в самих Советах, как форме управления, а в проникновении туда большевиков с их идеей мировой революции, которая, по их мнению, в конечном итоге должна покончить с разными войнами.

Через свое большинство в Советах большевики намерены, ни в чем не поддерживая Временное Правительство, совершить государственный переворот и захватить власть, Взять курс на создание многонациональной Республики Советов с полной передачей власти выбранным представителям от населения. Именно, всю полноту власти на местах и в самом государстве, то есть, своеобразный орган народо-властия.

Правда, среди большевиков есть разногласия. Одни считают, что надо дожидаться революции на Западе, а другие настаивают на незамедлительном захвате власти. Пока они спорят – есть еще возможность эти Советы разогнать. Но большевики укрепляют там свои позиции обещаниями: землю отдать крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, войну

прекратить. Эти идеи прельщают многие слои населения, даже казачество, с которым нам предстоит встреча в ближайшее время.

Из вагона было видно, как вдоль железной дороги передвигаются пешие и конные отряды, со своим снаряжением и обозами. На рысях пылят и казачьи роты.

- И, тем не менее, - продолжил он разговор, - получили мы задание сформировать в Забайкалье Добровольческую армию, привлекая в нее бурят и монголов. На первых порах – не менее шестисот сабель.

- Но ведь есть еще один вариант.

- Какой?

- Наравне с формированием Добровольческой Армии в Забайкалье сформировать Армию в Монголии и действовать на всем пространстве от Востока до Урала двумя группировками.

- Мысль стратегически заманчива, - после долгого молчания произнес Семенов. Решим так! - утвердительно заявил он, - После начала организации здесь, вне зависимости от результатов, - отправитесь Вы, Роман Федорович, в Монголию для формирования второй Армии. Связным возьмете с собой сотника Назарова. Действовать будете согласовано!

Помолчал, покручивая ус, и добавил:

- В случае полной неудачи – встречаемся в Харбине. Все, господа! Пора на выход!

Не успели офицеры выйти из вагона, как тут же подбежал старший казачий урядник с докладом:

- Рота охраны и сопровождения в вашем распоряжении, господа офицеры! Возглавляет роту старший урядник Казначеев Иван Силантьевич!

Не успели прибывшие покинуть перрон вокзала, как тут же всех окружили решительные верховые, держа их под прицелом ручных пулеметов.

Вперед выступил интеллигентного вида молодой человек и громким голосом представился:

- Я, полномочный представитель Дальневосточного и Сибирского Совета народных представительств – Лазо Сергей Георгиевич! Вот мой мандат!

С этими словами подал документ Семенову и поднял для сигнала правую руку. Продолжил так же громко:

- Во избежание недоразумений, прошу господ офицеров предъявить свои документы и пояснить цель своего прибытия!

При этих словах глаза барона Унгерна метнули в сторону говорящего рысый взгляд, а рука потянулась к кобуре нагана. Со всех сторон дружно клацнули затворы винтовок, а пулеметчик поправил прицел.

Назревающую кровавую стычку предотвратил Семенов:

- Перед вами, господин Лазо, Георгиевские кавалеры: есаул Семенов Григорий Михайлович, есаул барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг и сотник Назаров Захар Прокопьевич. По заданию Петросовета прибыли мы в Забайкалье с намерением создать тут части Красной гвардии, - нагло врал Семенов и подал свои документы.

Лазо цепким взглядом прочитал документы Петросовета, просмотрел каждый на свет, и, возвращая, подал команду:

- Пропустить!

Уже садясь на лошадей, заметил Семенов, как спешно грузится в вагоны встречного состава вся команда Лазо.

Интеллигент Унгерн после этой встречи «крыл» всех на немецком языке, а Семенов извергал из себя брань, как испорченный пулемет. Назаров от этого только головой крутил во все стороны. Невозмутим был только старший урядник Казачеев.

...А Чита в этот день бурлила в спешном людском потоке. Похоже, только река Чита была спокойна, переливая свои воды в речку Ингоду.

От вокзала конники заспешили к центру города, мимо картинно-красивого дома купца Втарова, на площадь, где уже от коней и людей тесно было.

Для прибывших все оказалось – «с корабля на бал». Прибыли они как раз на Второй съезд казачьих депутатов. Офицеры понимали, что именно здесь, именно сейчас будет решаться судьба их доверия.

С присущей ему лихостью, Семенов сразу же ринулся в словесный бой выступающих. Оратором он был отменным, да и логикой мышления Бог не обидел:

- Казаки! Люди российские! Мы с испокон веку служили верой и правдой Отечеству нашему. Присягали царю-батюшке. Нет сегодня царя! Нет его! Отрекся от Престола! Но Отечество наше осталось! Осталась Россия! Правит сегодня Временное Правительство, но нужно создать Правительство постоянное. Путь самый правильный – Учредительное собрание и формирование всего управления с низов до верхов. Люди российские, люди избранные обществом, должны стоять у поводьев Власти. И сегодня мы, именно сегодня должны решить эту задачу!

Я задаю всем вопрос - какого рожна на Первом съезде вы приняли решение о самороспуске Забайкальского казачьего войска? Деда и прадеды наши охраняли рубежи и богатство нашей Сибири! Кому теперь отдадим это? Неужто кровь сибирского казачества вас не отрезвляет от такого решения? Нельзя в сегодняшней ситуации это делать! Войско забайкальское казачье нужно сохранять! Иначе позор нам, казаки! Предлагаю поставить на голосование вопрос об отмене решений Первого съезда казачьих депутатов о самороспуске Казачьего Забайкальского войска!

Неожиданно, расталкивая впереди стоящих, вышел дедок, выпятил грудь с тремя Георгиями и не по возрасту, громко заявил:

- Ты, Гришка, тут соловьем разливаешься. Что-то мы тебя в деле то и не видели. Небось, в граде то Петровом с бабенками развлекался? Знаем, что в ентом деле ты мастак!

Наступила тишина. Площадь замерла.

- Ты уж, дедок, относительно бабки своей будь спокоен. Не трону!

Над площадью: «Гы...гы! Ха...ха!»

- А баба моя у коновязи копытом бьет, а вторая – вот эта шашечка походная! Награды же свои кровью в боях заслужил!

Вперед выдвинулся гвардейского вида мужчина в косоротке и в брюках, заправленных в сапоги. Всех сразу насторожило: почему не в ичиги?

- Я рабочий Зерентуя! Отправлен сюда от партии социал-демократов! Казаки! Какое воинство призывает вас создавать Семенов? Воинство, которое будет защищать богатство его деда – рабовладельца? Может быть, богатство банкиров, где нет денег трудового накопления? Херню нам городит Семенов! Нам нужна межпартийная власть, которая возможна только через Советы всех уровней.

Раздались общие возгласы.

Невзирая на общепринятый порядок и громкие требования председательствующего, расталкивая ораторов, опять вырвался вперед Семенов:

- Казаки! Неужто мозгами вы застарели? Неужели не понимаете, что через Советы к власти рвутся вчерашние заключенные – большевики и эсеры. Они, ни хрена не зная о жизни, разглагольствуют о социальной несправедливости, то есть поделить все между добытое горбом своим и бесштаннами халдеями. Возможно ли такое? Мало этого – хо-

тят и веру нашу в Христа-спасителя ликвидировать! Одумайтесь, казаки! Завтра будет поздно!

Долго, ох долго выговаривались казаки и приглашенные. Дважды сходились в «мордобой», доказывая свою «правду».

Сошлись в резолюции Съезда на том, что решение Первого Съезда казачьих депутатов Забайкалья о самороспуске Забайкальского казачьего войска считать аннулированным, как не подтвержденное условиями.

Втрое решение резануло Семенова по самому сердцу, и он из раза в раз вспоминал своими горячими мозгами предшествующую перепалку:

- Нам, казаки, нужна во имя спасения России, Добровольческая армия!

- Навоевались! Хватит! Пошел к черту!

- Ох, всплакнете, станишники!

- Не страшай! Пуганы!

- Эх, дураки, - кровушкой вам отольется!

Вздыбилось казачье самолюбие, заиграла, забурлила бабкина чингизовская кровь, обухом по голове ударило поражение. Семенов этого вытерпеть не смог. Целый месяц шастал он от двора ко двору, от одной станицы до другой, от хутора к хутору, собирая свою Добровольческую армию. Всем согласившимся - деньги выдавал на военную амуницию. Дедовы сбережения и отцовскую «заначку» на это дело спустил и кое-как набрал только триста человек.

Провожая перед этим в Монголию барона Унгерна и сотника Назарова, напутствовал:

- Формируйте отряды и полки из обзленных и полунитищих бурятов и монголов! Забирайте все имущество у их баев и раздавайте бедным! Это поднимет в глазах остальных веру в вас и в ваше справедливое дело! Устраивайте, при необходимости, публичные суды во имя справедливости. Подружитесь со всеми буддийскими служителями. Де-

монстрируйте эту дружбу. Формируйте армейскую казну! Особое внимание обращайтесь на КВЖД! Там наш успех и наше поражение! С богом, братцы!

С большими трудностями, но все же через Генштаб удалось для армии открыть в Читинском банке свой счет и профинансировать часть затрат.

Каких-либо серьезных карательных мер по разгону Советов, с такой воинской силой Семенов не посмел и сосредоточенно готовился к расстановке сил предстоящих действий. Но события октября и ноября 1917 года спутали все карты.

Ранним октябрьским утром отстучал телеграф сообщение, что в Петрограде совершен переворот, и Временное правительство с его министрами арестовано. Керенский скрывается в посольстве стран Антанты. К власти полностью пришли Советы, в основном – большевистские.

Повторно больно ударило Семенову по сердцу и самолюбию, когда узнал подробности Петроградского переворота. Все произошло так, как он предусматривал в своем плане и предлагал Генштабу. Похоже, большевики воспользовались быстрее генштабистов его разработкой, только не против Советов, а против Временного Правительства.

- Поделом вам, дураки!- адресовал он свой гнев бывшим генштабистам. – Так вам и надо, придурки! Я ведь все вам разжевал, в рот положил – только глотайте! Ан, нет! Решили, что чернь генералов дурней! Вот и хлебайте теперь!

В моменты особого гнева, когда не было возможности поделиться с кем-то, или, того хуже, обрушить лавину гнева на кого-то, делал Семенов записи.

...Новому Советскому Правительству сейчас не до Сибири. Кто они – эти новые властелины? Что они умеют? Это же многолетние, злые заключенные, каторжники, ссыльные:

1. Глава Правительства Ульянов-Ленин – вечный эмигрант и ссыльный.

2. Нарком земледелия Милютин – семь лет тюрьмы и ссылки.

3. Нарком по внутренним делам Рыков – пятнадцать лет после арестов и побегов на нелегальном положении.

4. По делам военным и морским Антонов-Овсеенко – приговорен к смертной казни.

5. Крыленко, Дыбенко – пять, шесть арестов у каждого.

6. Нарком торговли и промышленности Ногин – семь «ходовок» в Сибирь.

7. Нарком просвещения Луначарский – выслан из России.

8. Нарком финансов Скворцов-Степанов – восемь лет тюрьмы и ссылок.

9. Нарком по иностранным делам Бронштейн (Троцкий) – ссыльный, эмигрант и гражданин Америки.

10. Нарком по делам продовольствия Теодорович – тюрьма в Якутске, каторга в Сибири.

11. Нарком почты, телеграфа Авилов (Глебов) – тюрьма, ссылка.

12. Нарком по делам национальностей Джугашвили (Сталин) – боевик, шесть «ходовок» в ссылку.

13. Петровский – ссыльный пожизненно.

14. Коллонтай – участница всех революционных движений за рубежом, арестована по прибытию в Россию.

15. Чичерин – тринадцать лет эмиграции.

16. Дзержинский – двенадцать лет тюрьмы и ссылок.

Они ни хрена не знают забот народа российского!

Месть будет всем и вся!!!

Пополнение Добровольческой армии продвигалось настолько сложно, что руки порой опускались. В такие минуты успокаивал Семенов себя в объятиях отчаянной казач-

ки Акулины. И не красавица вроде, но так себя умела преподать, что дыхание перехватывало. В доме всегда идеальный порядок, аж все светится. А коль за стол усадит – от обилия и разнообразия еды не оторваться. И в постели такая же: так приласкает, так «разогреет», что до утра не уснешь.

Акулина была из касты особенных российских женщин, кои рождаются десять-двадцать на тысячу, и которых называют издревле ласкательно «лебедушкой». Какие Боги колдуют над ними? Кто вкладывает в них изумительный стан, походку, манеры, сердечность и ласку? Ведь не гувернантки их этому учили! А вот пройдетя, поведет бровью, ступит красивой ножкой на пол, взмахнет игриво рученькой, заворкует голосом обволакивающим – и нет мужчины. Даже самый стойкий, возможно, и таящий обиду на женщин, - не устоит, захмелеет. И бросится к ногам ее, и будет, заикаясь, что-то бормотать о любви, об одиночестве, о руке и сердце. А она, даже зная власть свою над ним, – не оттолкнет, словом обидным не обмолвится, а найдет такой жест и одно единственное слово, которое отрезвит и целенаправит. В каких таких университетах научили их этому? Как Природа и Бог это соединили в них? А ведь это не наружишь в женщинах Европы! Они только в России и только в ней! И любят они по-особому – без красочных речей, картинности, а душевно, всем сердцем и навсегда. Любви своей не чураются, словами о ней не разбрасываются, перед подружками не бахвалятся. От любви своей светятся! Мужчина от этого загорается и не гаснет, точнее ему погаснуть не дает она: своим естественным проявлением в большом и малом.

Однако Бог и Природа своими щедротами не разбрасываются – не дают детей. Вот и наползает из-за этого черная тень на прекрасное чело женщины.

Все делала Акулина, чтобы зачать от Гришеньки, но безрезультатно. Печально ей, но виду не подает. А Григорию не до этого. Он весь в войне, в походах.

... Не успел Семенов позавтракать, как прискакал из штаба с пакетом вестовой. Быстро вскрыл пакет и начал читать:

... Все страны Антанты приняли решение – согласно «Тройственному согласию» выдвинуть свои войска в помощь России против Германии. Американцы и Японцы начинают с Владивостока. Французы с Юга, Англичане с Мурманска. К осени 1918 года планируется иметь на Дальнем Востоке и в Сибири войск: Японии – 60 тысяч человек, Чехословакии – 60 тысяч, Англии – 45 тысяч, США – 9 тысяч, всех остальных, включая Китай, – 4, 5 тысячи.

Незамедлительно примите меры по установлению контактов с представителями этих государств с целью общих военных действий против большевистской власти. Ваши войска должны стать составной частью общей Добровольческой Армии, которая очистила от Советов Дон и Кубань.

Связь с моим штабом – постоянно.

С Богом за Россию.

*Командующий Добровольческой Армией
генерал А.И. Деникин*

- Вот это дело! - вслух произнес Семенов и, дожевывая на ходу бутерброд, заспешил в свой штаб.

- Сегодня мой день, - вполголоса произнес Семенов, читая донесение барона Унгерна: *«Все идет по плану. Аборигены мне верят и пополняют войска. Беспокоит КВЖД. Там подняли голову профсоюзы. Точнее – большевики. Нужно внедриться. Подробно нарочным Назаровым.*

Командующий Азиатской дивизией Унгерн

Прочитав сообщение, покручивая по привычке усы, Семенов задумался и ... и поймал себя на закрепившейся за

ним привычке – взвешивать свои решения через взгляд главкома Петра Николаевича Врангеля, которого боготворил, как своего командира и как интеллигента, по рассказам Унгерна. Да и как можно было не восхищаться и не подражать своему бывшему командиру? Всего-то и разнил их возраст в двенадцать лет, но сколько в его действиях было мужества, продуманности, полнейшая преданность служению Отечеству. Его красивое, немного продолговатое смуглое лицо всегда и для всех, в любом состоянии излучало тепло и уверенность в принятом решении. Генерал-лейтенант барон Врангель был стратегом во многих воинских подразделениях российской армии. Вольно или невольно Семенов подражал ему. Но ему всегда не хватало его выдержки, продуманности действий в деталях, умения стратегически мыслить с опережением событий.

...Захар Назаров прибыл в Читу в штаб Семенова через месяц после сообщения Унгерна. Семенов после дружеского приветствия, сосредоточено-внимательно слушал его доклад.

- Роман Федорович просил меня проинформировать Вас, Григорий Михайлович, обобщенно по основным моментам, а все остальное в этом пакете. Ловко расстегнул мундир (одним движением) и так же ловко выудил оттуда объемный пакет и передал Семенову.

- Докладывайте, сотник, - отодвинув в сторону пакет, сказал Семенов и опять напряг свое внимание.

- Формирование дивизии, так просил озаглавить собранное войско Роман Федорович, идет успешно. В основном это скотоводы - араты. Унгерну удалось использовать деление Монголии на Внешнюю и Внутреннюю. Во Внутренней Монголии хозяйничают китайцы, весьма жестко эксплуатируя жителей. Внутренняя Монголия разбита по семейным и другим кланам. Эксплуатация скотоводов богатыми скотопромышленниками здесь повсеместна. Народ

озлоблен, но напуган и унижен. Роман Федорович придерживается мобилизующей политики Чингис-хана: у богатых отбирать, бедным помогать. А для того, чтобы ему было больше веры: принял он веру – буддизм.

При этих словах у Семенова дернулся ус и сжались кулаки.

- Продолжайте, - гася гнев, выдавил из себя Семенов.

- Такая активность с нашей стороны, естественно, вызывает раздражение и ненависть китайцев во Внутренней Монголии и богатых скотоводов во Внешней. За нами охотятся. Трижды обстреливали. Спасает то, что у нас нет постоянного места дислокации штаба, а воинский контингент расположен в надежных местах суточного перехода для объединения.

- Хитер барон! – проворчал Семенов и что-то пометил на бумаге.

- Роман Федорович озабочен стремлением Японии подчинить себе Внутреннюю Монголию и отнять у России Китайскую Восточную железную дорогу. А вообще, барон Унгерн просил передать Вам, Григорий Михайлович, что вполне возможно, уже скоро станет он полным Правителем Монголии – Ваном. И если уж совсем честно, Григорий Михайлович, то это реально. Монголы верят ему!

- Что я должен сделать? - спросил Семенов.

- Нужно оказать помощь для формирования внешней разведки. На всех ключевых направлениях нужны свои люди: лазутчики, агенты, информаторы. Опыта никакого. Надо у кого-то поучиться.

- Кого барон видит начальником этой сети?

- Меня!

- Неплохо, неплохо! - что-то обдумывая, пробормотал Семенов.

Долго молчал, покачивая головой в разные стороны, а затем выпалил:

- Отправлю я тебя, дорогой мой Захарушка, к умнейшему военспецу – генералу Врангелю. Петр Николаевич сейчас, по всей видимости, командует войсками Юга. Разыщешь его через штаб войск Добровольческой Армии под командованием генерала Деникина. В настоящее время они базируются в Ростове-на-Дону! Сообщение о тебе главному я сделаю сегодня же. Все бумаги и биографию-легенду мои штабисты к вечеру «сработают».

Согласно специальному приказу, вне принятого ранга, произведен ты в чин капитана. Поздравляю!

Завтра, без каких-либо проволочек, отбудешь назад к Унгерну, и пусть он тебя через Харбин отправляет по назначению. Передай Роману Федоровичу, что обстановка на фронтах юга России и в центральной ее части меняется с каждым днем. Кругом террор! Надо поспешить с твоей отправкой. Оружие в дорогу не бери. Возьми для защиты и нападения только нож. Я надеюсь, Захар, что этим видом оружия ты по-прежнему владеешь превосходно.

Семенов по-отечески обнял Захара, троекратно поцеловал и, отстранив от себя, с печалью в голосе, напутствовал:

- С Богом, капитан! Да хранит тебя Христос!

5.

Весь 1918 год Россию можно было бы назвать страной абсурдных кровавых спектаклей. Захватив власть, и совершенно ничего не зная об управлении государством, большевики строчили один Декрет за другим. К удивлению даже большевистского лидера Владимира Ленина, все их Декреты никто не собирался выполнять. Против большевиков-утопистов выступили служащие, специалисты заводов, ин-

теллигенция, военные. Все требовали созыва Учредительного собрания. А страна находилась в состоянии войны. Под давлением большинства слоев населения, выборы в Учредительное собрание состоялись и победили эсеры. Большевики вынуждены были делиться властью и уступать по многим позициям, допуская при этом ошибки глобального масштаба. Власть Советов сжималась территориально ежедневно. На фронтах в это время творилась «буза»: солдаты покидали позиции и отправлялись по домам. Офицеров, пытавшихся остановить их, расстреливали. Армия российская стала недееспособной

Взамен старой царской армии нужна была другая армия под знамена большевиков. В феврале началось формирование Рабоче-крестьянской Красной Армии. Руководил всем этим нарком Троцкий. Добровольцам – рабочим, отрядникам Красной гвардии, военным царским специалистам было гарантировано питание, жалование, обмундирование. В разоренной войной, неурожаем, голодом стране эти условия возымели действие, и весьма успешно началась запись в армию.

Но для отражения наступающих германских и турецких войск, после подписания договора с украинской Радой, нужна была более масштабная армия. Понимая это, большевики издали декрет о всеобщей мобилизации в Красную Армию. С этого момента противостояние большевистской власти переросло в Гражданскую войну...

Именно так рассуждал Антон Иванович Деникин, раскладывая прочитанные донесения и аналитические справки штабистов. Все остальное и настоящее впитало его сознание: без прикрас событий и возможного исхода их. В этой общей чередой событий сразу же возник генерал Корнилов – командующий Добровольческой армией, с его идеей создать сильную верховную власть из государственно мыслящих людей, восстановить частную собственность и пресечь

стихийный раздел земли. Нет Корнилова, как и Каледина. Геройски для обоих закончилась жизнь, без остатка отданная Отечеству. Их Отечеству!

Антон Иванович, по привычке потирая раненую левую руку, подошел к оперативной карте и, заглядывая в очередную сводку боевых действий противоборствующих сил, начал цветными карандашами делать на ней отметки.

Минут через двадцать работа была закончена, и генерал, отойдя от карты, начал вслух комментировать изображенное:

- Итак, реальное безвластие заставило на местах действовать по своему разумению. Волга и Дон восстали против Советов и разогнали их. В Самаре образован Комитет членов Учредительного собрания без большевиков. В Омске сформировано монархическое правительство. В Уфе сформирована директория во главе с эсером Авксентьевым, с опорой на чехословацкий корпус. Директория приказала долго жить с появлением адмирала Колчака. Омское и Уфимское правительство он разогнал и провозгласил себя Верховным правителем России. Ох, и шустрый этот адмирал! Однако с ним нужно считаться, ибо под его войсками практически вся Сибирь и Урал. Сейчас он «подтягивает» к себе атамана Семенова, сумевшего сформировать Сибирскую Добровольческую армию. Финансирует не только Семенова, но и барона Унгерна для создания монгольской дивизии. Крупные выступления против большевиков прошли в Киеве, Москве, Рыбинске, в Ростове-на-Дону, Симбирске, Томске, Ярославле. Сформировались контрреволюционные правительства в Самаре, Ашхабаде, Баку, Тифлисе, Эриване, Омске, Екатеринбурге, Томске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке. Под большевиками с их Советами осталась небольшая часть центра России.

Понимая свое крайне критическое положение и угрозу полного поражения, большевики приняли решение о пре-

вращении Республики в военный лагерь. Для борьбы с несогласными срочно сформировали ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия), которая ни с кем не церемонится. Везде и всегда – расстрел, расстрел, казнь. Возглавляет эту борьбу некто Дзержинский – человек без нервов и эмоций. Теперь наш путь на Царицын и объединенными силами на Москву, куда перебралось из Петрограда правительство Ленина. Башковитый все же этот Ленин! Останься он в Питере – прихлопнули бы в скором времени!

Генерал Деникин долго рассматривал свои пометки на карте и, прихлебывая крепкий чай, продолжил свои рассуждения.

- Для того чтобы покончить с этой опереточной властью большевиков, надо объединить все войсковые соединения, договориться с союзниками о невмешательстве и со всех сторон двинуться к Москве. После ликвидации большевизма – созвать Учредительный Съезд и избрать Правительство Парламентской Республики. Хватит нам царизма! Нам решать судьбу России!

Помолчал. Долго на карте ставил какие-то черные квадратики и стрелочки. Подлил себе в стакан горячего чаю и, отхлебывая, продолжил:

- Но есть в этом деле серьезная проблема – большое скопление чехословаков. Много из их корпуса сосредоточено в Тамбове, Пензе, Самаре, Уфе, Челябинске, Кургане, Петропавловске, Омске, Николаевске. Будут ли они до конца на нашей стороне? А если нет? Тогда все усложнится!

... Следующее донесение гласило о том, что в стране, особенно в городах нет продуктов питания. Рабочие покидают заводы, фабрики и отправляются для пропитания в деревни. Чтобы как-то удержать рабочих на местах производства, ВЦИК поручил Наркомпроду отправлять в села специальные отряды для изъятия у крестьян «излишков». Вооруженные продотряды рабочих города - беззастенчиво

грабят мужиков. Голодное существование перекинулось из города в деревню. Повсюду началось противостояние. В ответ на это – большевики усилили террор. Продотрядникам разрешается применять оружие. Хаос в умах и действиях.

- Как же мы допустили такое? Позор нам всем! – не сдержался генерал.

Вошел дежурный офицер с донесением по телеграфу.

- *В Москве подруга сестры Свердлова – Фаина Каплан стреляла в Ленина. Тяжело ранен.*

- *В Петрограде убит председатель ЦК Урицкий.*

- *ВЦИК объявил красный террор. За неделю расстреляли около 500 заложников.*

- *По всей Сибирской магистрали железной дороги начался мятеж Чехословацкого корпуса.*

- *Войска генерала Краснова успешно продвигаются к Царицыну.*

- *Много пленных и перебежчиков на всех фронтах. Нужны меры.*

По звонку вошел дежурный офицер.

- Через трое суток штаб армии расположить в Борисоглебске! - отдал приказ генерал.

- Слушаюсь, ваше превосходительство! Будет исполнено! – пожалуй, даже торжественно, ответил офицер и гордо покинул кабинет.

От обилия информации начались головные боли, и страшно ломило в висках. Антон Иванович достал коньяк, налил добрую рюмку и по фронтовой привычке выпил одним глотком. Прихлебнул глотком чая и задумался. Боль стала затухать и вместе с ней уходили куда-то ежедневные дела, решения, людские судьбы и замелькала в памяти его прошлое: родители, семья, учеба, служба, боевые действия.

Он был из тех российских офицеров, которые не имели дворянского происхождения. Вспомнил свой городок Вроцловск под Варшавой и семью в постоянной бедности.

Однако, это не сказались на его образовании. Блестяще закончил Варшавскую гимназию и тут же поступил в Киевское училище, где и получил, после окончания, офицерское звание. Обыденность и серость войсковой жизни не сломили его стремление к литературе, к писательству. В 1891 году опубликовал рассказ, который послужил толчком для дальнейших публикаций. В 27 лет закончил Академию Генштаба, но остался в войсках. Весьма медленный служебный рост, и только в возрасте 37 лет стал командовать полком. Генеральское звание получил в войну. Командовал стрелковой бригадой, а затем дивизией, получившей впоследствии за храбрость название «Железная».

За взятие города Луцк и пленение 10 тысяч солдат противника, награжден Георгиевским крестом и оружием с бриллиантами. Сразу же в феврале 1917 года началась для него и черная жизненная полоса». Заступился за генерала Корнилова – стал неугоден Временному правительству. Заявил Керенскому, что не желает принимать участие в разрушении российской армии – сняли с поста командующего Западным фронтом и заключили в тюрьму. От суда спасли большевики своим безразличием. Из-под стражи сбежал на Дон. Здесь в Новочеркасске формировалась Добровольческая армия, к которой он и примкнул. После нелепой гибели генерала Корнилова и такой ж нелепой – генерала Каледина принял на себя командование всеми вооруженными силами юга России.

Кровь лилась днем и ночью. Как тут не иметь головную боль? Размышления главнокомандующего прервал дежурный офицер.

- Ваше превосходительство! В штаб привели военнопленного красногвардейца, который утверждает, что послан к Вам атаманом Семеновым. Что делать, Антон Иванович?

- Введите!

Два дюжих казака ввели в кабинет не менее дюжего красноармейца в обмотках с добрым синяком под глазом.

- Кто таков?- всматриваясь в лицо красноармейца, спросил мягким голосом Деникин.

- Капитан Назаров к командующему Деникину от Командующего Сибирской Дальневосточной армией атамана Семенова и командующего Азиатской дивизией барона Унгерна, с поручением.

- Главком Деникин - это я. Предъявите ваши верительные грамоты!

- Господин генерал! Для этого мне придется снять штаны.

- Что? Что за клоунада?

- Я говорю правду, - спокойно ответил красноармеец и начал разоблачаться. Оставшись в одних кальсонах, попросил оторвать задний хлястик. Когда казаки одним взмахом ножа отделили от белья хлястик, из него выпала тряпица.

Деникин медленно растянул на своем столе ткань и начал читать вышитый вручную текст.

...Предъявителю Назарову оказывать содействие выполнения поручения. Семенов, Унгерн...

- Да оденьте же вы свои штаны, капитан, - смеясь, сказал главком и попросил офицера и казаков оставить их одних для приватной беседы. Когда все удалились, Антон Иванович по-хозяйски налил гостю стакан чая и, усевшись напротив, произнес:

- Рассказывайте, капитан Назаров!

- Все мы Назаровы – казаки с Дона. Отец мой, сколько помню, был атаманом станицы Нижняя. У родителей нас четверо: старший – Павел, затем сестра – Прасковья (умерла), после этого – я и младшая сестра – Варя. Павел дослужился до есаула и весь искалеченный вернулся домой. Сестра старшая вышла замуж за капитана Еремеева, родила сына, и в скором времени умерла. С родителями осталась

сестра Варя, да сын Еремеева – Андрюша. Я же, с призыва до сего дня, воюю. Произведен на днях в капитаны. Из действующей армии по решению Керенского отбыл с Семеновым и Унгерном в ставку в Читу формировать Сибирскую Добровольческую армию.

- Как оказались краногвардейцем?

- Бесхозная железная дорога на сегодняшний день работает по старым канонам и по решению региональных властей. Ехать или не ехать – зависит от случая. Мне вначале фартило. Худо ли бедно, но с Харбина до Бугульмы добрался через двадцать дней. В Бугульме не повезло. Не успел наш состав покинуть последнюю станционную стрелку, как тут же экстренная остановка. Красногвардейцы окружили поезд с двух сторон, и началась зачистка мужчин. В вагон заходил красный комиссар в сопровождении четырех-пяти солдат и зачитывал Решение ВЦИКа о всеобщей воинской мобилизации. Паника, крики, вой женщин, возмущение мужчин останавливали выстрелами в потолок. Мужчин, кроме стариков, вывели наружу и построили в колонну. Всех переписали и объявили, что они бойцы Народно-революционной Красной Армии и подчиняются законам военного времени.

Несколько человек пытались бежать, но тут же были застрелены.

За станцией рассадили нас по конным телегам и сутки везли куда-то на сборный пункт. Там нас и наше белье прожарили в бане и всех переодели. Целую неделю обучали стрельбе, перебежке, штыковой атаке. И все это происходило под неусыпным взглядом комиссаров.

Ранним утром выдали всем по винтовке, обойму патронов, пару обмоток, буханку ржаного хлеба, котелок и на подводах повезли в сторону занимаемой позиции. Часов через десять ссадили нас с телег и колонной прибыли к месту назначения. Оказались мы где-то в районе Чистополя. Не

успели путем разместиться и осмотреться, как начался массированный артобстрел. Наше воинство сразу в бега назад, а я под взрывы – сюда. Так я и оказался пленным красноармейцем.

- Брата-то как звали, капитан? - думая о своем, спросил Деникин.

- Павлом, Ваше благородие!

- Не служил ли он в десятой армии под командованием генерала Сиверса?

- Да! Служил!

- Но он же числится погибшим!

- Нет! Он жив! Только сильно покалечен.

- Не рассказывал ли он домочадцам о запрятанной казне?

- Нет!

- Ох, как бы эта казна нам пригодилась сейчас! – мечтательно проговорил генерал и, резко встав из-за стола, предложил:

- А не поехать ли вам, капитан, в свою станицу попроведать родителей? А? И у брата расспросить о месте захоронения казны!

Захар от этого предложения даже опешил. Он и сам хотел отпроситься проведать родителей. Приходя постепенно в себя, смущаясь, и от волнения слегка заикаясь, произнес:

- Буду рад сослужить, ваше благородие!

- Вот и славненько! - хлопнув по плечу Захара, с легкой улыбкой проговорил Деникин! Присел опять за стол и предложил:

- Продолжайте, капитан!

- Основная моя задача - получить через вас и генерала Врангеля опыт организации контрразведки.

- Что за проблемы там у них?

- На Востоке, в Сибири, в Монголии образовался клубок интересов Японии, Америки, Китая, большевиков - по завладению этими территориями. Особый интерес проявляют японцы по захвату КВЖД и природных богатств Востока России. Большевики действуют весьма успешно не только на КВЖД, но и создают партизанские отряды сопротивления. Без своей контрразведки, без своих агентов мы слепы. Опыта у нас нет. Вот и просим у вас помощи по обучению меня этому делу.

Антон Иванович подошел к книжному шкафу, достал оттуда две книги в потрепанном переплете, положил их на край стола и, прихлопнув, произнес:

- Вот в этих двух книгах – основа основ всех разведок государств, начиная с Древнего Рима. Все всегда, во все времена, во всех государствах вращается и совершенствуется на этой основе. Для начала эти книги будут для тебя, капитан, букварем разведки. Генерала Петра Николаевича Врангеля от вашего обучения мы освободим. У него сейчас много других проблем. У меня для этих дел есть в штабе прекрасный контрразведчик – генерал Кутайсов Павел Алексеевич, и он будет для вас прекрасным учителем. Завтра я вас с ним познакомлю, а встретимся же через две недели в Борисоглебске. Вам двух недель для посещения родителей достаточно?

- Вполне!

- Тогда последнее, капитан! В сопровождение, выделю вам двух молодцов. Люди надежные. Переоденетесь в обмундирование рядовых казаков и после обеда аллюром айда. На этом я с вами, Захар Прокопьевич, прощаюсь и жду в условленном месте!

Вошел по вызову офицер.

- Препроводите капитана к интендантам для обмундирования. Туда же отправьте старослужащих Бегезу и Кош-

кина. Подготовьте для всех пропуска на Дон. Фамилии измените, чины тоже.

- Все ясно?

- Так точно!

С Богом, господа!

...Следующий день для Захара Назарова начался с вызова в штаб в отдел контрразведки. Молодой офицер, приветливо улыбаясь, пригласил его пройти в кабинет начальника – генерала Кутайсова Павла Алексеевича. В кабинете пахло сигаретным дымом и чем-то знакомым Захару с детства. Однако с ходу вспомнить, что это он не смог. Но запах этот преследовал его на протяжении всего времени беседы с генералом.

Генерал Кутайсов пребывал в таком возрасте, когда говорят: «Годы и ум соединились». Внешне на красавца он «не тянул». Однако был он все же привлекателен. Высокий лоб, большие серые глаза за щеточкой ресниц, аккуратная бородка и слегка вдернутый нос – предрасполагали к открытию.

- Главнокомандующий вкратце передал мне цель вашего прибытия сюда и оказания помощи с моей стороны, после представления сразу начал генерал.

Не уверен, что я отменный педагог, но мой опыт в этой сфере деятельности – компенсирует возможные педагогические промахи. Задача обучения проста и сложна. Проста по схемам действий, а сложна по методам осуществления, под лавиной непредсказуемых обстоятельств.

Через две недели мы с вами, капитан, начнем занятия по теории. Разумеется, в походных условиях войны, нет у меня возможности представить для прочтения многие материалы из опыта разведок других стран, но основное, ценное – хранится в моей памяти.

После теории приступим к практике. Вы будете присутствовать при допросах военнопленных и явных шпио-

нов. Там для вас, капитан, наступит настоящее обучение! На сим мы с вами и попрощаемся, Захар Прокопьевич!

Откозыряв, Захар сделал шаг к выходу, но тут же резко развернулся и обратился к генералу:

- Могу ли я выполнить просьбу барона Унгерна: захватить в его отцовское имение под Тамбовом и забрать запертые большие семейные ценности, с целью частичного разделения для казны Добровольческой армии, Сибирской армии Семенова и Азиатской дивизии Унгерна?

Генерал задумался, что-то взвешивая в уме, и почему-то тихо сказал:

- Разрешаю, но будьте предельно осторожны. Наши позиции там весьма неустойчивы! А на золото – охотников много!

6.

Миновав заставу, пошли крупной рысью. Застоявшийся жеребец под Захаром фыркал, требуя от всадника возможность порезвиться. Азарт лошади передался Захару, и он слегка отпустил поводья. Жеребец этого и ждал. Рванул так, что у Захара в ушах засвистело. Версты через две угмонился и перешел на более спокойную рысь. «Вот и человек такой же. Летит в молодости навстречу свободе, даже, невзирая на ухабы дороги. Выпустит дух, освободиться от будоражающей энергии, переведет дыхание и, успокоившись, начинает думать. Но за это время столько шишек себе набьет, столько сотворит глупостей», - думал Захар. «А может быть, я все усложняю, и жить нужно вот таким рывком, как этот конь? Рванул по жизни, взял свое, удовлетворился и... все! – продолжил гонять свои мысли Захар. Но ты же причинить можешь несчастье другим, даже не заметив этого в

своим полете. А если увидел, то как исправить? Как не повториться? А может, от этого несчастья собственное счастье будет вдвойне?»

Туманятся мысли, жжет где-то под сердцем Захара печаль от долгой разлуки с родителями, с любимой. И, самое печальное, нет от них вестей. Чтобы как-то разогнать хмурые мысли: остановил воронка и повел его в поводу. Через некоторое время прискакали сопровождающие, и теперь они более спокойно продолжили свой путь. Под медленный стук копыт и объединяющее молчание седоков мелькнуло в памяти Захара, как итог его прежних размышлений:

*- Забудем клятвы, данные другим,
Запомним клятвы, данные друг другу.*

.....
*И творцу творить не надо,
Ибо мы теперь творим.*

...Как и было намечено, сто верст прошли они за двое суток. Лошади шли шагом, что подвигло путников на разговор.

Самым словоохотливым в этой троице был Бегеза. Звали его Станислав Борисович. Если его имя произносили с ударением на последний слог, он тут же поправлял собеседника и просил впредь имя произносить с ударением на букву «и». Тогда имя звучало на польский манер: Станислав. Имел ли на самом деле Бегеза какое-то родство к шляхте – сомнительно. Его лицо, особенно борода и усы, скорее всего, напоминали лихого Степана Разина, но только не степенного шляхтича. Где-то по жизни «набрался» он высокопарных фраз, выражений и так лихо и к месту применял их, что зачастую сходил он за большого эрудита по всем вопросам. Все его повадки, осанка, жесты рук напоминали кошку, которая могла в любое время, с любого места совершить для достижения своей цели самый головокружительный прыжок. Словоохотливость Бегезы прельщала его

сослуживцев, а особое вранье – нейтрализовало его известное геройство в бою.

- Мне вот, капитан, странно не везет с младенчества. Мало того, что мамулечка родила сразу тройню, так ведь поп во время крещения, уронил меня в купель. Хорошо, что дети умеют плавать, а то бы утонул.

Не смеяться от этого начала рассказа было невозможно. Даже, всегда молчаливый Петр Назарович Кошкин ухмыльнулся, поправил свои пышные усы и, ласково стрельнув взглядом в сторону Бегезы, проворчал: «Запел, соловушка!» А тот, увидев, что его начало разговора достигло цели, и слушатели реагируют, продолжил:

- Отец-то умер, когда нашей тройне и пяти годков не было. Мамка, хотя и знатного рода была по линии адмирала Головина, но сбережений особых не имела, а под конец и остатки истратила. Как покойница, царство ей небесное, ни старалась быть на людях светской, а нищета уже стучалась во все окна. И решила моя мама на отчаянный шаг – женить меня на богатой, но уже «пересидке», здоровой телом полячке. А мне в то время было только шестнадцать годочков. Я и девок-то еще не целовал – а тут уже жена. Как я ни упирался, все же женила меня. Со страхом ожидал я первую брачную ночь. Боюсь. Не знаю что делать.

- А в штанах-то хотя бы что-то было? - не вытерпел Кошкин и впервые захохотал. Захар от смеха чуть с седла не вывалился.

- Что-то там болталось, но, естественно, не такое, как сейчас, - не смущаясь, продолжил Бегеза. - Легли. Лежу рядом на спине, и жуть берет. В голове одно и то же: «Делай! Делай!». Повернулся я к жене и чувствую, что возбужден до ломоты. А она хватить меня и на себя. Нашупала, что у меня вздыбилось и, куда надо, вставила. Прожили мы с ней бурную неделю и почувствовал я, что силы меня покидают. А жене все чаще и дольше надо. Не выдержал я – сбег. С тех

пор домой не появлялся. А скажу я вам, братцы, так: женитьба – дело серьезное. Есть по женской линии опыт – женись! Нет его – приобретай! А где его приобрести, когда все время походы, сражения?

Замолчал. Повернувшись к Захару, ехидненько спросил:

- А вы, господин капитан, успели этот опыт приобрести?

От услышанного Захар даже поперхнулся; не ждал этой каверзы. Кровь прильнула к лицу, бросило в жар. Большим усилием погасил волнение и ответил:

- Такого опыта, как у вас, Станислав Борисович, у меня нет и, надеюсь, не будет. А вот любовь – была. Она и сейчас меня греет! Если женюсь, то от жены не сбегу!

- Схватил, брехун! Глотай! - хохоча, прокричал Петр Назарович. Раскатился по степи откровенный, дружный хохот в три горла.

В южных широтах России темнеет мгновенно. Не успеет солнце коснуться горизонта, как тут же темень. Всадники спешно выбрали для ночлега небольшой колок у говорливого ручейка и начали готовиться к отдыху. Расседлали коней, напоили, засыпали в торбы овса и разожгли костер. Миссию приготовления ужина взял на себя Петр Назарович. Почти впотьмах вырезал две рогулины, вставил их в землю, пристроил на перекладину котелок, поправил костер и в скором времени там зачмокало. Вооружившись ошкуренной рогатиной, повар что-то засыпал в кипящую воду, перемешивал, приносил из темноты еще что-то, опять перемешивал и вот уже поплыл над ручьем дурманящий запах съестного.

Пока Станислав и Захар треножили коней для выпаса, мылись в ручье, Петр Назарович расстелил чистую холстину, нарезал хлеба, большими шматками сало и наполнил котелки кашей. Быстро сбегал к ручью, отмыл котелок и,

зачерпнув воды, опять водрузил его под перекладину. К этому времени подошли Захар и Станислав.

- Кушать подано, господа, - улыбаясь, сказал кашевар и первым приступил к еде. Ели молча, с наслаждением. Закипела в котелке вода, брызгая на угли костра. Проворно поднявшись, Петр Назарович, нырнул в темноту, что-то там у седел перебрал, а затем сыпанул в кипящую воду какие-то травы и тут же снял с перекладки котелок. Поставил его в круг и поплыл от него по степи запах миндаля с чабрецом.

- Пить же эту заварку нужно остуженной. Крепкий сон будет и усталость снимется, - напутствовал он и, собрав котелки, ложки, ушел к ручью.

Бегеза не выдержал и отлил себе в походную кружку этот приятно пахнущий напиток. Сделал глоток, другой и с жадностью начал глотать, приговаривая:

- Эх, угодил! Как пропекает! Слава тебе, Назарыч!

- Я так и знал. Станислав, что ты не выдержишь и без нас напешься. А я хотел продемонстрировать обряд чаепития по-уссурийски: с прихлебом, с протяжкой и мелкими-мелкими глотками. Вот в чем цимус!

- А ты повтори сказанное натурально! - хитрил Станислав.

- А мы с удовольствием будем учиться.

- Только без тебя.

- Почему, братуха?

- Пойдешь первым в дозор! Часа через два замену. Шагай без своих разговоров!

- Вот так всегда. Как только что-то хорошее – так без меня. А в наряд всегда первым Бегеза, - проворчал Станислав и ушел в темноту.

Прибрали остатки еды и начали укладываться. Петр Назарович засопел сразу, а Захару не спалось. Ворочался, ворочался, но сон не брал. Встал, ушел к ручью, умыл лицо прохладной водицей и присел рядом. Под мерное журчание

воды вроде даже начал дремать. А перед глазами отчий дом. Вот он стоит в цветении сада: крепкий, добротный, с цветными узорчатыми наличниками окон, а за ним высовывается журавль колодца и видна тропинка к Дону. По этой тропке бегал он по утрам, перед восходом солнца, удить с ребятами рыбу. По этой тропке увел он в ту ночь свою Аксинию. Как она его встретит? Что скажут родители?

Из состояния дремоты вывел его шорох шагов. Тихо подошел Петр Назарович и, присев рядом, спросил, как мысли прочитал:

- Не спится, капитан? Небось, встречу свою представляешь?

- Вы угадали, Петр Назарович! В точку попали!

- А вы успокойтесь. Теперь уже скоро.

- А почему вы не спите?

- Служба у меня такая, Захар Прокопьевич!

- Какая?

- Нельзя разведчику спать! Никак нельзя!

- А как там в скрадке наш Станислав?

- Бодрствует. За десять шагов меня услышал. Он разведчик от бога.

- Вы давно с ним служите?

- Так, с Китая от 1912-го и не расстаемся.

- Каков он?

- Надежней товарища не бывает! За своей болтовней - хитрость скрывает. А в деле – профессионал! Сколько мы с ним по тылам пошастали – один Бог знает, кроме начальства. В переделках бывали разных, но выжили. У нас и начальник очень надежный. Без крика, без суеты, все растолкует, укажет на ошибки, а за хорошие дела похвалит. Вот когда познакомитесь с ним поближе – поймете насколько это грамотный, трезвомыслящий человек. Он события предугадывает намного вперед. У Главкома он на особом счету. Друзья они давние!

- А вы-то, Петр Назарович, как оказались здесь, в контрразведке?

- В недавнем прошлом адмирал Невельской Геннадий Иванович исследовал дальний Восток и реку Амур. На Амуре основал пост и оставил там для охраны десятков матросов и офицера. Офицер в скором времени женился на местной охотнице. С этой поры и пошел наш род – Кошкиных. Сейчас там огромное поселение. Мужчины нашего рода все казаковали. Как только с японцами завоевались, меня сразу на фронт. Там определили меня в разведку. Хватил там лиха. Хорошо еще, что я по-японски и по-китайски мало-мало толмачу. За верность службе и проявленную, якобы, особую храбрость наградили Георгием и отправили домой. Только ненадолго. В 1912 году мобилизовали опять и отправили в Китай на подавление мятежа. Там со Станиславом и подружился. А потом пошло-поехало: то война с Германией, то революция одна, затем другая, то власть Советов. В конце концов, попали мы сюда под командование генерала Антона Ивановича Деникина. А с нашим генералом нам просто повезло! Разоткровенничался я что-то! Пойду Бегезу сменю!

Сказал, и растаял в ночной мгле.

Утро, с холодным дуновением ветерка, предвещало хорошую ясную погоду. Ободренные этим, путники, наскоро попив чая, поскакали в сторону Дона. Ехали молча, более внимательней просматривали округу. По имеющейся у них информации, советчиков ликвидировали в этих местах относительно недавно. Разрозненные группы красногвардейцев еще шастали по тылам. Встреча с ними для всадников была нежелательна.

Вот уже и берег Дона, наезженный шлях, а вот с того бугра видна будет станица. Сердце Захара затрепетало, забилось птицей в клетке, и он не выдержал – прищпорил своего воронка. Подлетел к дому со стороны переулка, и...

дома-то нет. Торчат обгоревшие стволы яблонь и груш, да отвечивают на солнце осколки стекла из окон. Бродит казачина по когда-то ухоженной усадьбе родительского дома, спотыкается о крупные головешки и плачет. Плачет навзрыд, не сдерживаясь, переходя часто на грудной стон. Оглушенный увиденным, не в силах совладать с собой, подошел к уцелевшему журавлю колодца и упал. Упал вниз лицом, уткнувшись лицом в землю, и, рыдая, загребал и загребал руками.

Оторвали его от земли сильные руки подскакавших Кошкина и Бегезы. Поставили на ноги и влили ему в рот из фляжки добрую порцию спирта.

- Крепись, капитан! Крепись! И не такое было! Сейчас расспросим соседей!

Пока Бегеза уже на улице отпаивал Захара прохладной водицей да протер ему лицо, появился Петр Назарович с какой-то согнутой от старости женщиной. Присмотревшись, признал Захар в ней соседку Пелагею Ниловну.

- Чавой-то вы, касатики, на Назаровом пепелище ищите? Чаво потеряли то тут? Али строиться будете?

- Пелагея Ниловна, здравствуйте! Я Назаров!

- По голосу вроде сам Прокопий, а вот обличие то и не угадаю. А не Захарка ли ты?

- Захар! Захар, бабушка!

- Ну, а если Захар, то и нечего тут топтаться. Пошли ко мне в курень и потолкуем.

В домике Пелагеи Ниловны было все идеально чисто и уютно. Казаков усадила за стол. Принесла из чуланчика бутылку горилки с перцем. Поставила хлеб, соль, помидоры.

- Выпейте вначале по стаканчику горилки с дороги, а потом я все вам и поведаю. Ты, Захарушка, тоже выпей и покушай! Ишь, как лицом-то почернел на родительском пепелище. Не печалься – все твои живы!

Захар и не заметил, как Бегеза налил всем еще по стакану горилки. Выпили, закусили, и все повернулись слушать рассказ.

- После того, как отец Варлам из винтовки порешил за грабеж церкви пятерых чоновцев, церковь спалили. Похоже, твои покинули станицу этой же ночью. Все оставили в доме. Даже скотину впрок накормили, чтобы молчала. Обнаружила я их отсутствие по визгу свиней и мычанию коров. Отродясь у твоих такого не было. Зашла с огорода и ахнула. Свиньи уже корыта догрызают, а у коров фонтаном молоко из вымени. Зашла в дом, а там идеально чисто, даже пол помыт и лампадка горит. Потрогала печь, а она холодная. Смекнула, что не топили уже дня три. Накормила скотину, с трудом выдоила коров и растерялась. Не могу сообразить, что делать. Выручила меня моя двенадцатилетняя внучка. Прибежала ко мне и подает письмецо:

- Бабушка Глаша просила меня отдать тебе это письмо только в воскресенье. Вот ведь егоза – как сказали, так и сделала.

-Я, Захарушка, его сохранила и чичас добуду.

Пелагея Ниловна перешла в другую комнату и тут же вернулась с бумажкой.

Захар трясущимися руками взял протянутый листок, развернул и начал читать.

... Пелагеюшка! Все хозяйство и дом оставляем тебе. Пользуйся полностью. Письмо это пишу крадучи от Прокотия. Мы убегаем от смерти. Если появится Захарушка, то передай, что нас нужно искать в Сибири в ста километрах от станции Узловая в селе Сибирка. Передай сыночку моему, что невеста его Аксиния родила мальчика. Назвали Евгением. Они с матушкой уехали в Крым.

Письмо это, Пелагеюшка, покажешь только Захарушке.

Целую. Глафура...

Прочитал раз. Прочитал два раза. А когда содержание полностью дошло до сознания – от радости заплакал. Сидит за столом детина-казак и плачет, улыбаясь. Плачет и смеется, бережно держа двумя руками письмо, будто оно может улететь или испариться.

За столом все сделали вид, что не замечают этого.

- Вовремя успели, Захар, твои сбежать. Я только и успела скотину да кур к себе переселить, как налетел отряд красноармейцев и давай рыскать в поисках твоих. Многих перепороли, дознаваясь. Но если уж я не знала о побеге, то в станице и подавно. Попало нагайкой и мне. Внучку же отправила к сестре в соседний хутор.

А не найдя никого и ничего не добившись у станичников – подожгли со всех сторон усадьбу. Сгорело все дотла. Хорошо, что ветер дул от моей усадьбы, а то бы и я сгорела.

Вот и весь мой сказ, казачки! Я тут с вами немного притомилась – пойду отдыхать. А вы, касатики, погутарьте, выпейте, покушайте. Завтра утром все и решите!

Захар все слышал, сознание фиксировало каждое слово, но над всем этим витало: «У меня сын! Сын родился! Господи, какое это счастье!»

- Сын родился! Сын у меня! - сорвавшись с места, закричал он и начал азартно обнимать своих спутников.

Сына обмывали до первых петухов.

Недаром в народе говорят: «Чем больше вечером, тем хуже утром».

Долго кряхтели казаки, обливаясь холодной водой и растирая помятые лица. И все равно: в голове шум, во рту – «медведь ночевал».

Пеллагее Ниловна, видя муки казаков, улыбнулась и усадила всех завтракать. Налила каждому по тарелке горячего украинского борща со свининкой и сама налила по половинке стакана самогона-первача.

- Выпейте, поешьте и все разом пройдет, - смеясь, проговорила старая женщина и удалилась.

Борщ хлебали молча, крякая и отдуваясь. Выпили по кружечке холодного с хреном кваса и начали собираться в дорогу.

Захар разыскал соседку за работой в клуне.

- Пелагея Ниловна! Большое вам спасибо за добрую весть, за гостеприимство, за вашу доброту! Спасибо! - обняв старушку, проговорил Захар. Пошел на выход, но резко повернувшись, спросил: - Где похоронили батюшку Варлама?

- Не знаю, сынок.

- Кто знает?

- Умишком своим прикидываю, что это знает только твой отец.

- Еще раз за все спасибо и прощайте! - с хрипотцой в голосе проговорил уже от двери Захар.

... Летят кони. Стучат в такт копыта. Роятся у каждого казака в голове мысли одна тяжелее другой. И нет этим мыслям укорота.

Трое суток перехода утомили. Приободрились, когда завиднелась река Цна.

- К имению подойдем ближе к ночи! - подал команду капитан. Сейчас спешиться и отдыхать! Уезжать будем с грузом! От всего лишнего освободиться! Проверить оружие!

Когда уже кругом засерело, тихо въехали в бывший сад имения и, привязав лошадей, бесшумно пошли за Захаром. Большое, когда-то красивое имение сгорело. Сгорели, а местами и вырублены были фруктовые деревья. Держа в памяти схему, которую дал ему барон, Захар без труда обнаружил в зарослях крапивы огромный камень. С трудом отодвинули его в сторону и начали копать. Минут через десять наткнулись на большой окованный сундук. С замком провозились довольно таки долго, пока под общий вздох не

скрипнула открываемая крышка сундука. Чего тут только не было? Все серебряное, золотое. На самом дне в аккуратной упаковке лежали бриллианты, золотые монеты и множество драгоценных украшений.

- Снять рубахи! Рукава и подол завязать! Грузимся быстро! - тихо прозвучала команда Захара.

Работали, как часовой механизм. Перенесли все к лошадям, забили переметные сумы. Даже котелки повыбрасывали. Жалко было Петру Назаровичу расставаться с едой – сунул краюху хлеба и шматок сала за пазуху к сумочке с бриллиантами.

Версты две уходили шагом, а затем поскакали в строну лесочка, что виднелся на пригорке.

- Лошадей не расседлывать! Задать овса! Огня не разжигать и не курить! Я заступаю в караул первым! За мной Бегеза! – опять скомандовал Захар и удалился. Пока еще было видно, прошелся вдоль лесочка и чертыхнулся. Уж очень неудачно было выбрано место стоянки: кругом глубокий лог и кустарник. Подобраться можно скрытно в любое время.

- Ох, и ночь будет! – вслух проговорил Захар и прилег между пнем и березой, держа взведенный маузер.

Несмотря на все предосторожности, их все же выследили.

На самом рассвете чуткое ухо бывшего охотника уловило шорох в стороне леса. Кошкин толкнул Захара и указал в сторону лога. Молниеносно заняли защищенные позиции и приготовились к бою. Из лога разом показались три головы, затем еще одна и еще. Захар вынул свой нож и показал на двоих справа. Бросок, и крайний справа, хрипя, хватаясь за горло, валится в кусты. Следующего уговорила навсегда пуля из маузера. Глухо прозвучало еще три выстрела. Со стороны нападающих ни одного.

- Замереть и ждать! - шепотом подал команду Захар. Через полчаса, когда уже все было вокруг различимо, Петр Назарович слегка приподнялся и тут же от кустов выстрел. Ойкнул старый следопыт и завалился на бок. Бегеза одним прыжком достиг куста, и тут же выстрел. Захар в это время начал переворачивать Кошкина и расстегивать рубашку. И о чудо! Пуля пробила краюху хлеба, сало и застряла в бриллиантах. Петр Николаевич почувствовав на груди холодок, открыл глаза, разом все оценил и проворчал:

- А еще говорят, что не в золоте счастье!

- А еще говорят, что дуракам и скупердьям везет! - вставил подошедший Бегеза.

- Благодарю всех за оперативность и смелость! - обнимая товарищей, сказал Захар и демонстративно опустил свой маузер в кобуру.

В штаб прибыли досрочно и после недлительного отдыха их срочно вызвали к главнокомандующему Деникину. В кабинет пригласили всех вместе. Антон Иванович встретил их стоя у стола. Со словами: «Спасибо, орлы!», пожал каждому руку и усадил за сервированный стол. Взяв в руки стопочку с коньяком, торжественно, с какой-то особой теплотой, сказал:

- Еще раз спасибо, господа! То, что сделали для армии, для России – неоценимо! Вверенной мне властью полчаса назад, в формате особого производства, подписал приказ «О чинопроизводстве». Отныне Бегеза Станислав Борисович – есаул, Кошкин Петр Назарович – есаул, Назаров Захар Прокопьевич – полковник! Поздравляю вас, и прошу по старой традиции выпить!

Выпили стоя, и получив разрешение удалиться, направились к выходу. Когда Бегеза и Кошкин уже шагнули за порог, Захар развернулся и, козырнув, спросил:

- Ваше превосходительство! Могу ли я обратиться к вам с личной просьбой?

- Я вас слушаю, полковник!
- Я только на прошлой неделе узнал, что в Крым переехали на место жительства моя жена и сын.
- Сын? По документам у Вас нет семьи, полковник!
- Так точно! Не было! А теперь – есть, точнее будет!
- Что для этого нужно? - улыбаясь, спросил Антон Иванович.

- Распорядитесь, ваше превосходительство, добыть адрес.

- Все сделаем, господин полковник! Адрес добудем и после обучения отпуск вам дадим для свидания. Не волнуйся, герой!

...В ту ночь разведчики гуляли и горланили до самого утра. Когда об этом доложили генералу Кутайсову, тот усмехнулся и сказал:

- Этим можно! Им можно!

7.

Гуляли в ту ночь разведчики действительно долго. Крепко выпили, обмывая свое повышение в званиях. Закрытые на язык друзья, к утру все же разоткровенничались. Начал изливать душу Петр Назарович.

- Вот Вы меня, полковник, намеренно спрашивали, как я с Амура сюда попал. Да мог бы я и оказаться на Амуре после Китая. Только грех мой, да моя любовь не позволили этого.

- В чем дело, Петр Назарович?

- А он «снохач»,- обнимая друга, пьяно выговорил Бегеза.

- Отстань, трепло! - парировал Кошкин. – Болтун – везде болтун!

- И все же, Петр Назарович, - ласково попросил Захар.

- Отслужил я японскую и героем вернулся домой. Все чинно, благородно: жена во здравии, сын – оглобля уже. Ну и хозяйствуем втроем. К зиме приспичило сыну жениться. Долго он нас с женой уговаривал, и уговорил. Выбрал он себе дивчину пригожую, работящую. Без родителей Оксана жила у тети. Любила ли она сына моего – не знаю, но согласие дала.

Отгуляли мы свадьбу и дружно зажили под одной крышей, не чуя беды. Оксана с моею женой все успевали делать, и во всем был порядок. А беда нагрянула внезапно. Ушли мы как-то с сыном на рябчиков поохотиться, а жена решила еще раз пчелиные ульи проверить. Увлеклась, видно, и не заметила подкравшегося хозяина. Чем-то помешала она ему медком полакомиться. Вот и заломал он ее. Возвращаемся мы с сыном с охоты, а в доме рев. Мечется около мертвой свекрови Оксана, руки заламывает, ревет.

Похоронил я свою Аннушку и... и запил. Крепко запил. Жалел я сильно свою жену. Петр Назарович окинул всех потухшим взглядом, налил «по полной» водки и, стоя, выдавил из себя:

- Выпьем, господа, за упокой души моей Аннушки!

Выпили, не чокаясь, и долго-долго молчали. Неожиданно Петр Назарович, совершенно трезвым голосом продолжил:

- Но беда, други мои, не приходит одна! Через два года похоронил я и сына. Пошел без меня на охоту и угодил в ловчую яму на медведя. Весь переломался. Нашел я его по следам только на вторые сутки. Похоронили его, и верите, что-то внутри у меня остановилось. Что бы ни делал, куда бы ни шел – перед глазами жена и сын. Хорошо хоть Оксана осталась в доме. Не уходила к тетке. Да и зачем ей – сироте куда-то идти из обжитого гнезда. Чтобы как-то отвлечься от тяжелых дум своих, нанялся я егерем. Целыми

днями в тайге. Избушка там у меня была, в ней и жил подолгу.

Вернулся я как-то к вечеру после обхода владений, а в избушке все прибрано и стол накрыт.

- Вы што ж это, батя, совсем от дома отбились, грязью здесь заросли! Меня одну оставили. А я ведь так жду вас каждый день!

Говорит это она, а лицо пунцовое, груди вздымаются, на глазах слезы. И верьте, братушки, впервые увидел я в ней желанную женщину.

Покушали мы с ней, немного выпили и улеглись спать на лежанку. Колотит меня от близости женского тела, не могу уснуть, и баста! Чую и она не спит, вроде даже всхлипывает. Положил я на нее руку, чтобы успокоить, а она как кинется на меня и давай целовать, приговаривая:

- Люб ты мне! Сердце рвешь! Давай жить мужем и женой! Ведь ежели по любви, то это не грех!

Петра Назарович вздохнул и добавил: «Так я и стал «снохачом».

- Ох, и полюбил же я ее. Целыми днями мы были вместе. Я ее даже на обходы и на охоту брал. Живем мы так с ней год, второй пошел. От лишних людских глаз скрываемся в тайге. Боязно было. В наших местах за «снохачество» жестоко били, даже калечили, а невестку голой по селу в хомуте прогоняли. Дурь, конечно, все это! Но, что делать? Нравы таковы. Через год «понесла» моя Оксана. Скрывайся, не скрывайся от глаз людских, но все уже и так заметно. Порешали мы с ней, пока не поздно, выехать отсюда. В Уссурийске жил мой сослуживец. Вот к нему я и направился для решения своей проблемы. Быстренько все решил: по работе, по жилью, по питанию и скорехонько назад.

Прибыл, а тут очередная беда. Встретила меня Оксана бледная, постаревшая, ветром качает, и без животика. Упала

к ногам, орет дурнинушкой и одно и то же: «Прости! Прости! Нет у нас дитя!»

Оказалось, что за время моего отсутствия убедила Оксану тетка опростаться от ребеночка. Напугала ее стыдобушкой, позором, карой небесной. Сдалась она. Ковырнули. Чуть кровью не изошла.

Сильно я на нее тогда обиделся. Собрался, молча, и в тайгу. Когда через две недели вернулся – Оксаны нет. Перебралась опять к тетке. Погоревал я, погоревал, загасил, в конце концов, гордыню и засобирался Оксану возвращать. Но не тут-то было. Принесли мне нарочным призывной лист. Отправили с ближних мест служивых в Китай на помощь ихнему императору.

Вот с тех пор и не знаю, где Оксана. А если уж честно, то трусливо отказался я от любви. Так кто я после этого?

Петр Назарович устало обвел всех взглядом, поднялся из-за стола и, слегка покачиваясь, ушел спать.

- А мне его жалко, - проговорил Бегеза, провожая взглядом своего дружка. - А ведь, сколько лет этот груз он на сердце носил. Вот мужик, так мужик! Давай, Захар Проккопьевич, выпьем за настоящих российских мужиков!

- Давай, Станислав Борисович!

На этой, не очень веселой ноте закончилась в эту ночь гулянка.

...Начало 1919 года, особенно для Добровольческой армии под командованием А. И. Деникина, было удачным. В начале года ему удалось объединить под свое командование все казачьи формирования Кубани и Дона, что позволило ему установить контроль над Восточной Украиной и продвинуть свои войска к Москве. Летом были взяты Харьков, Царицын, Киев. Успешные действия войск главнокомандующего, невольно заставили переориентировать отношение союзников по оказанию ему военной помощи. В войска пошло обмундирование, продукты питания, оружие.

Несмотря на поражение за поражением красная Армия не бежала, а отступала, пытаясь сохранить основные военные силы. Пружина противостояния сжималась, и она должна была выпрямиться. Для этого нужен был критический рубеж и обстановка. Преодолеть действия противника, получить достоверные сообщения – всецело легло удвоенной силой на фронтовую разведку и контрразведку сторон. Штабы работали круглосуточно.

Вот в такой нервной, дерганой обстановке учился разведывательному ремеслу полковник Назаров. И наступил конец.

Генерал Кутайсов по-отечески обнял Захара и сказал:

- Естественно, Захар Прокопьевич, всему научиться невозможно, нужна практика. А это годы и годы напряженной работы. У вас, полковник, есть хватка, ум и стремление защищать Отечество. Это не каждому дано. Но запомните, молодой человек, разведчик – это потенциальный покойник, и умирает он, как правило, в муках на дыбе. Будьте осторожны. Геройство хорошо, но нужен еще и разум. Помните это, дружок!

Генерал подошел к столу, открыл одну из папок и протянул Захару листок.

- Я выполнил вашу просьбу по поводу адреса проживания в Крыму вашей жены и сына. Фамилия у нее прежняя – Ольховская Аксиния Николаевна.

Теперь относительно вашего отбытия в Сибирь и доставки Семенову и Унгерну добытых драгоценностей и оружия. Генерал Деникин направляет в помощь Семенову бронепоезд. На нем и отбудете. Для поездки в Крым дается вам пять дней и не больше! Не больше!

Помолчал, что-то обдумывая, и, уставившись своим пронзительным взглядом в лицо Захара, произнес, выпрессовывая слово из сердца:

- Живым я хочу тебя видеть, Захар! Живым! Прощай, полковник! Да хранит тебя Бог!

...Не может уснуть Захар Назаров. Вторые сутки мучается. Устал и извелся от этих длительных остановок поезда: то ремонт путей, то контроль, то пропуск воинских эшелонов с техникой для фронта. А он мысленно там – в Симферополе на Вокзальной, 15. Там, где его любимая с сыном, где ответ на все сомнения и муки за его долгие годы войны. «Ждет ли? Может, уже замуж вышла? - гонял он мысли одну за другой. Сколько раз на отдыхе, в перерывах между боями, представлял он свою встречу с Аксинией. Сколько раз снилась она ему в белом подвенечном платье. И сколько раз просыпался он в холодном поту от прощального ее поцелуя и... тьмы, тьмы. Немного успокоился, когда показалась река Салгир. Из вагона выскочил первым и сразу к извозчику.

На стук в дверь никто не ответил. Постучал настойчивей, громче. На шум выглянула соседка и, презрительно осмотрев Захара, как бы приценившись, трубным голосом взревела:

- Чево ломишься? Раз не открывают, нет дома. И почему все военные такие глупые? Еще раз, презрительно окинув Захара взглядом, развернулась и хлопнула дверью своей квартиры.

Минуты через две щелкнул замок, и эта же женщина, распахнув двери, протрубила!

- Ты кого здесь ждешь? Что потерял у моих соседей?

- Да я вот... тут ... к жене с сыном прибыл с фронта, - путаясь и заикаясь, мямлил Захар.

- Врешь ты что-то! Заливаешь! Нет у Ксюши мужа! Погиб он!

- Да живой я! Живой, - начиная злиться, жестко ответил Захар. Женщина внимательно посмотрела Захару в гла-

за и, видимо, уловив что-то знакомое, хлопнула его по плечу и другим, тихим, миролюбивым голосом произнесла:

- Так бы и сразу сказал! А то стучишь, да стучишь! Проходи в дом. Угощу крепким чаем. У барыг сегодня на перроне прикупила.

Не успели почаяевничать, как за дверью послышались легкие шаги.

- Это Ксюша из школы пришла, - только и успела проговорить хозяйка, а Захар уже за дверью. Смотрит на красавицу-женщину и не узнает свою Аксинию. А она, впилась своими огромными глазами в его лицо и, узнав, ойкнула и начала опускаться на пол. Подхватил Захар ее на руки и занес к соседке. Пока нес, открыла она глаза, обхватила руками за шею и давай реветь. Плач остановил все тот же трубный глас:

- Чего реवेशь-то? Живой ведь вернулся! К тебе и к сыну прибыл! Радуйтесь, что живы все! А мои сыночки уже не вернуться!

Посмотрела на целующихся и назидательно проговорила:

- Вы тут целуйтесь, а я пойду бабушку с внуком встречу. Подготовлю. Екатерина Алексеевна должно быть уже на подходе. А вы целуйтесь, целуйтесь!

Не успели Захар с Аксиной насладиться своей встречей, как щелкнул замок и за дверью раздались голоса.

- Мама с Женечкой пришли, - поправляя прическу, проговорила Аксиния и потянула разгоряченного Захара к двери.

Много раз мысленно рисовал себе Захар картину встречи с матушкой Екатериной Алексеевной и отцом Варламом. Но то, что произошло – шокировало его. Екатерина Алексеевна обняла его, целует, плачет и приговаривает:

- Захарушка! Как долго тебя не было. Мы уже и ждать устали. Аксиношка наша вся слезами изошла ожидаючи.

Из-за бабушкиной юбки с большим интересом наблюдал за происходящим второй Захар Назаров. Ну, копия!

Подхватил Захар сына на руки и давай целовать. А тот упирается и выдает одно за другим:

- Что это еще за нежность! Мужчины так себя не ведут! Это какие-то женские штучки!

- Я твой папка, Женечка! - почти прокричал Захар.

- Нет у меня папы! Он погиб геройски на войне с германцами! Вы меня, дяденька военный, пожалуйста, не обманывайте! Взрослые люди не должны обманывать детей!

Высвободившись из объятий Захара, подошел к плачущей маме и, взяв ее за руку, потребовал:

- Мамулечка! А что, мертвые папы возвращаются? И почему вы все плачете? Вон даже у дяденьки военного усы все мокрые.

- Возвращаются, сыночек! Любящие папы не умирают!

А рядом стояли стареющие женщины и, обнявшись, плакали. Первой опомнилась Екатерина Алексеевна. Достала из сумочки ключ, дрожащими руками открыла дверь и препроводила всех в квартиру.

Через какое-то время на кухне началась возня по приготовлению обеденного стола. Оттуда же доносился голосок Женечки.

- Бабулечка! Скажи честно-пречестно, это действительно мой папа?

- Действительно, Женечка!

- Вот повезло, так повезло – и живой, и военный.

- Бабушка! А он кто по званию?

- Не знаю, внучек. Иди и спроси сам.

- Не могу.

- Почему?

- Его мама постоянно целует, - со вздохом проговорил Женечка и, отойдя от взрослых, сел на стул так, чтобы видны были ему обнимающиеся мама и теперь папа.

Пока на кухне сооружали обед, Аксиния рассказала Захару о своих мучениях, о родах и гибели отца, о своей работе учительницей в гимназии, о сыне. Она говорила, говорила, говорила. Иногда прерывала свой рассказ и, глядя в глаза Захару, спрашивала:

- А ты меня не разлюбил? Нет? А женщины у тебя там были?

- Какие женщины, радость моя? На войне воюют! Правда, есть там на всех одна женщина – это Смерть! Но ее никто не любит!

- Захарушка! А ты надолго прибыл?

- Не более суток.

- Как?

- Война, любушка моя. Война!

- А ты можешь нас забрать с собой?

- Могу, но это Сибирь!

- Как, Сибирь?

- Служу я там.

- Так это же далеко и холодно.

- И далеко, и холодно, и опасно.

- Захарушка! Миленький! Возьми меня с собой. Я без тебя жить не хочу! Возьми! Я все вытерплю! Возьми!

- А как же сын?

- Мы его пока оставим с бабушкой, а когда определимся – всех к себе заберем.

- Ох, какая же ты наивная, ладушка моя! - целуя Аксинию, проговорил Захар и, подхватив ее на руки, понес в зал к столу.

Долгим был разговор за семейным столом. И плакали, и смеялись, и спорили. В конце концов, решили так: Захар, его Аксинья и Женечка уезжают, а Екатерина Алексеевна

остается до лучших времен в Симферополе. За такое решение выпили даже по бокалу доброго красного вина.

Понимая, что молодых влюбленных нужно оставить одних, бабушка с внуком ушла ночевать к соседке.

А для влюбленных это была ночь волшебства, страсти и вымученной близости с такой откровенностью, на которую способны только поистине любящие мужчины и женщины. Успокоились только под утро и, уставшие, уснули. Сквозь сон услышал Захар какую-то возню за дверью и требовательный голос сына:

- Я хочу быть с вернувшимся моим папой! Ты меня, бабушка, не удерживай! Нам же с ним нужно еще и на войну собраться!

- Горе ты мое, горе! - печально проговорила Екатерина Алексеевна, вытирая непрошенные слезы.

Захар, по военной привычке, быстро оделся, накрыл простыней спящую жену и открыл дверь.

- Папа! Я прибыл для сборов на войну. Необходимо собрать в дорогу все необходимое! Помоги мне! - одним духом выплеснул сын и шагнул внутрь квартиры.

- Все успеем, родной мой! - сказал Захар и, подхватив на руки сына, закружил по комнате.

На шум из спальни выглянула Аксиния и, улыбающаяся, проследовала в ванную комнату. Долго оттуда доносился плеск воды и тихое пение. А когда вышла – все ахнули. Она светилась, она сверкала своей природной красотой, подсиленной выпавшим ей счастьем.

Быстренько позавтракали и пошли всем семейством фотографироваться. С фотографом-евреем договорились за дополнительную плату забрать фотографию через час.

Бабушка с внуком пошли домой собирать в дорогу вещи, а Захара Аксиния повела знакомить с городом. Счастливая, радостная, держа за руку Захара, она все щебе-

тала и щебетала. «Боже, как же я люблю ее», - умилялся Захар.

...К месту назначения Захар со своей женой добрался воинским эшелоном и, оставив своих у штаба, пошел с докладом к генералу Кутайсову. Тот был хмур, но Захара выслушал внимательно. А когда тот сообщил, что с ним еще и жена с сыном – заулыбался и торжественно произнес: «Молодец, полковник! Но горя хватят они с тобой немало!». Подошел, пожал руку и добавил:

- Приказано по прибытию вас сюда, срочно явиться нам к главному.

Антон Иванович в это время изучал на огромной оперативной карте движение войск и их дислокацию. Вошедших принял весьма радушно и после сообщения Захара о готовности следовать бронепоездом в Сибирь сказал:

- Времени, господа, у нас мало. Исход существования Советской власти решит наш поход на Москву общими усилиями. Только по единому плану действий всех сил - добьемся успеха, и Отчизна будет спасена от большевистского произвола.

В знак согласия генерал Кутайсов кивал головой. Деникин, после небольшой паузы, добавил:

- Мы подготовили два пакета для Семенова и для Колчака с предложениями по стратегии объединенных сил. Пакет, полковник, доверяем вам. Хранить, как зеницу ока. В случае необходимости – уничтожить. Атаману Семенову и адмиралу Колчаку вручить лично! Вам все понятно!

- Так точно! - четко ответил Захар.

- Бронепоезд отправим ближе к ночи. Там у нас боевой офицер Артем Иванович Кузнецов. Познакомьтесь и доверьтесь ему. А теперь, по русскому обычаю, присядем на дорожку.

Главком армии пожал всем руку и добавил:

- Адрес вашей тещи, полковник, оставьте Павлу Алексеевичу. С Богом, братцы!

Ближе к вечеру на перрон прибежали есаулы Бегеза и Кошкин с какими-то кошелками, забитыми доверху кульками и бубликами. На прощанье обнялись и смахнули скупые слезы.

Бронепоезд медленно миновал выходную стрелку, заухал на стыках рельсов и полетел все быстрее и быстрее.

Захара с семьей разместили в отдельном отсеке с огромными сейфами и запирающейся изнутри бронированной дверью. Около такой же двери, но с амбразурой был пристроен ручной пулемет, да рядом телефон внутренней связи. За дверью, за глухой перегородкой размещался туалет с запасом питьевой воды.

Женечке здесь все было интересно. Обо всем он расспрашивал своего отца и, разумеется, все потрогал. После ужина уснул, не раздеваясь.

В начале путешествия Ксения пугалась и вздрагивала от любого скрежета и скрипа. Особенно пугал ее громкий зуммер телефона. Но уже через сутки она ко всему привыкла и уютно засыпала на груди Захара. Сложнее было с Женечкой. Тот слезно просил отца показать бронепоезд. Не мог отец объяснить, что ему нельзя покидать свой отсек. Пришлось попросить об этом словоохотливого командира бронепоезда капитана Кузнецова.

Часа через два привел он сына назад: грязного, в рваных штанишках, с хорошей шишкой на лбу, но такого счастливого, что даже запаса слов порой ему не хватало, чтобы выплеснуть свои эмоции.

- А там... там такие две пушки и огромные, толстые заряды разных цветов. А солдаты меня угостили кашей. Вот это еда! А Артем Иванович всеми командует, а ему все докладывают. А ты, папа, почему не командуешь, а все маму только обнимаешь?

- Так я же, сынок, очень люблю маму и ужасно соскучился.

- Я ведь, папа, тоже ее люблю и на ночь обнимаю.

- Я..., и там ..., ого-го какое..., долго еще срывалось сего губ, пока сон не укладывал его.

Дорога была не утомительна, и Аксиния внимательно вслушивалась в рассказ Захара:

- Прибыли мы в нашу станицу, а там, на месте родительского дома и церкви одни головешки. Я чуть умом в тот момент не тронулся. Хорошо, что соседка меня узнала и передала мне мамино письмо. Возьми и прочитай. Умоляю – только не плачь!

Как ни пыталась Аксиния сдержать слезы от прочитанного, не смогла. Разревелась во весь голос. Даже Женечка проснулся. Ревет, содрогаясь всем телом, уткнувшись в грудь мужу, унять невозможно.

- Мама! Мамочка! Кто тебя обидел? - почти также плача, дергая мать за руку, спрашивал сын.

- Злые люди, сынок, - ответил Захар и еще сильнее прижал к себе жену.

- А мы их накажем? - допытывался Женя.

- Обязательно, сын.

- Когда же?

- Скоро, сынок, скоро!

Видя, что мама перестала плакать, заявил:

- Ну, коль так, то я, пожалуй, пойду досыпать!

...К Омску подходили на самом рассвете. Захар вызвал по телефону командира и, объяснив ему задачу, с десятью сопровождающими отправился в резиденцию Колчака.

Несмотря на раннее утро, Колчак был на месте. Дежурный офицер доложил о визите порученца от генерала Деникина, и Захар был принят незамедлительно.

Захар на словах передал пожелания Деникина и вручил пакет. Пока тот читал содержание, Захар попытался,

используя приобретенные знания, составить характеристику человека по внешним признакам. Постепенно сложилась в его голове следующее: волевой, раздражительный, бескомпромиссный и жестокий, склонен к самоанализу и очень властолюбив. В правоте своей характеристики полковник Назаров убедится немного позже.

Колчак оторвался от чтения и, глядя мимо Захара, произнес:

- Передайте атаману Семенову мои пожелания успехов. Приказ о присвоении ему звания генерал-лейтенанта и погоны вручу лично. Обещанные деньги на вооружение отправлены в банк! Вопросы есть, полковник?

- Никак нет!

- Тогда свободны!

...Утонув в своей любви к Захару, Аксиния ни разу не спросила о его военных делах. Она, через призму обуявших ее чувств не могла представить его военачальником. Каков он на самом деле? Случай представился через сутки.

Перед Новониколаевском бронепоезд завели на запасный путь без всякого на то уведомления. На запрос командира никто из станционных не ответил. Через час молчания, капитан Кузнецов обратился за советом к Захару. И вот тут-то Аксинья увидела Захара «новыми глазами».

- Принимаю командование бронепоездом на себя! Сейчас иду на станцию за разъяснением нашей задержки. Боюсь, что это мутят чехи! Если через двадцать минут не дадут нам зеленый – открыть огонь осколочными по станции, а пулеметами бить по скоплению солдат! Вам все понятно, капитан?

- Все!

- Действуйте!

Аксиния от увиденного и услышанного обняла сына, и в ужасе присела около амбразуры с пулеметом. Сколько сидела так – не помнит. Ей показалось – целую вечность.

Прошло же только минут пятнадцать. Бронепоезд начал набирать скорость, как раз в то время, когда через дверь шагнул Захар. Обнял трясущуюся от переживания жену и сына, позвонил капитану Кузнецову и совсем буднично сказал:

- Командуй дальше, Артем Иванович!

На подъезде к Чите, дождавшись, когда уснет сын, Захар, держа за руку Аксинию, бескомпромиссно сказал:

- Мой путь лежит дальше, Ксюшенька! Суток через двое отбываю в Харбин, а дальше к генералу Унгерну. Путь туда тебе и сыну заказан. За это время доберемся до станции «Узловая» и оттуда отправлю вас в село Сибирка к моим родителям. Так будет лучше всем нам!

Не плачь, радость моя! Я обязательно приеду к вам! Запомни и поверь: обязательно прибуду! Вы только ждите! Ждите!

Всегда везде для всех да будет правый суд.

Корнель Пьер

Глава четвертая

СВОИ – ЧУЖИЕ

1.

От Верховного Правителя России – адмирала Колчака атаман Семенов возвращался в Читку с каким-то чувством неудовлетворенности, пожалуй, даже, настороженности. Вроде и было в Ставке все ритуально выдержано: объявление приказа о присвоении звания генерал-лейтенанта, вручение погон, торжественный ужин в кругу офицеров, много-много речей с пожеланиями, а вот душевного, идущего от сердца – не было. И вообще, всё это было только церемониями и не более того. Единственное, что несколько успокаивало, так это поручение адмирала взять под контроль и власть всю территорию от Байкала до Владивостока. Но и в этом поручении чувствовалась со стороны Колчака недоговоренность. «То ли это шаг отчаяния, то ли слабость позиции Верховного Правителя?» Нет, нет, да и возникало такое соображение в голове атамана. Похоже, офицеры Ставки Колчака не очень-то его «праздновали». Подвыпившие на банкете чины в его адрес отпускали не совсем лестные определения. Наверное, Верховный этого заслуживал. Притворяясь хмельным, Семенов, слушая за-

мечания в адрес адмирала, исподволь наблюдал за ним. Вот он произнес высокопарный тост, смотря на присутствующих поверх голов, пригубил водку и поставил, хотя тост был о славе российских офицеров – защитников Отчества. К удивительному для себя на банкете выводу пришел Семенов: «Верховный Правитель считает себя Верховным Повелителем и у него основа основ – власть, и этой Властью он упивается». Перед тем, как отправиться в Ставку к Колчаку, изучил Семенов его послужной список, а точнее – сведения об адмирале. Выяснилось, что родился он в 1873 году, видный полярный исследователь, гидрогеолог. Предки – турки. Сам из Крыма. Шесть лет участвовал этот морской офицер в полярных экспедициях. В Первую мировую войну командовал Черноморским флотом. Через Японию выехал в Англию. Появился вновь в России как военспец Директории стран Антанты. В 1918 году, в период полной военной и гражданской неразберихи в России, провозгласил себя Верховным правителем России. Женат. С женой не живет, а сопровождает его Анна Васильевна Тимирёва. На слова и похвалу скуп. Отменил все награды за военные успехи в этой войне с большевиками, считая, что награждать за убийство своего народа – кощунство. Однако с пленными и сопротивляющимися не церемонился. Разработал для крестьян программу ведения хозяйства во взаимоувязке с государственными структурами: торговли, финансирования, поставки орудий труда и сроков производства.

«Но почему этот образованный офицер появился в России, которую покинул и, именно в момент капитуляции власти? Почему это совпадает с прибытием американского гражданина Льва Троцкого, который сегодня верховодит всей военной силой большевиков? Как лидер большевиков Владимир Ленин смог прибыть в Россию в опломбированном вагоне через воюющую с ней Германию? Нет ли в этом единого? Не является ли большевизм с его идеей мировой

революции – продуманным кем-то планом захвата России с ее богатствами, а Колчак всего-навсего пешка в этой сложной игре?» - гонял мысли Семенов.

- С ума можно сойти от этой неразберихи, - проговорил новоявленный генерал-лейтенант, укладываясь спать.

Закрыв глаза атаман, да только сон не идет. Замелькали события прошлого, закружились картины произошедшего. Один за другим поднимал мозг тяжкий груз. Заползал от этого в сердце зимний холодок, расширяясь какой-то слякотью от содеянного. Война, омерзительная по сути своей, кровавая и беспощадная шагала по всей России. И не было такого места на ее просторах, где бы ни убивали люди российские друг друга. Так кто же из них палач? Кто жертва?

- Эх! Жизнь наша! – проворчал Семенов и открыл глаза. Была у него привычка, зародившаяся еще с детства, - освобождать мозг от информации или идеи вслух.

- Что такое Жизнь? В моем понимании – это Любовь! Любовь к родителям, к детям, к женщине, к Отчизне, к своему делу. А есть ли эта Любовь у меня? Есть! Однозначно – есть! Но всех я убиваю, либо приказываю убивать! Кого и за что? К смерти приговариваю я тех, кто противостоит моей Любви, особенно Любви к Отчизне. И, конечно же, в первую очередь, – это коммунисты с их двуликим поведением. Обещали крестьянам землю – обманули: грабят крестьян, раздевают, насильно мобилизуют их в свои войска, а непокорных расстреливают. Уволили с работы почти всех царских служащих, а собственные – ничего не умеют. Убрали из учебных заведений профессоров, учителей, и они сегодня влачат жалкое существование: кто-то за границей, а кто-то на вещевых рынках – меняя домашние вещи на хлеб, сахар, муку. Россию покинул цвет интеллигенции: художники, писатели, ученые, военспецы. Грабят храмы и церкви, убивают служителей Веры. Вместо тысячелетней Христианской веры вдалбливают в головы народа идею равенства

всех народов Мира через победу мировой революции. Нет! Христианскую веру никому, никогда не задуть! Я в это верю, и за это буду бороться до конца своей жизни, всеми имеющимися у меня средствами и буду убивать!

Без всякой предпосылки, всплыли события на Китайской Восточной железной дороге. Вспомнил историю возникновения КВЖД и события, связанные с ней.

...Феодалный Китай привлекал внимание ведущих стран мира за сферы влияния. На особое присутствие в этой стране рассчитывали Япония и Америка. Россия, как пограничная страна, давно рассматривала Китай, как плацдарм своих позиций на дальнем Востоке. Был избран весьма продуманный план колонизации Северной Маньчжурии через займы, создание концессий, военного Союза. С этой целью в конце 1885 года был учрежден Русско-Китайский банк. Этому банку были приданы широкие полномочия в вопросах ведения финансирования и торговых сделок, сбора налогов, постройки железных дорог и другое.

Сразу же после начала финансовых операций этим банком между Россией и Китаем был заключен договор о строительстве Русско-Китайским банком железной дороги через Маньчжурию. Для осуществления этого контракта за счет российской казны было создано особое Общество Китайской Восточной железной дороги. Этому обществу предоставлялось право безусловного и исключительного управления всей землей «полосы отчуждения», создание собственной вооруженной охраны. Центром управления и узловой станцией КВЖД стал город Харбин на правом берегу реки Сунгари. Общая численность обслуживающего персонала, по данным разведки, равнялась двадцати пяти тысячам человек. Большую часть составляли высокооплачиваемые штатные работники. В управлении дорогой принимали участие в основном русские. Вот сюда-то и удалось капитану Назарову внедрить своего разведчика.

Таким образом, эта крупнейшая организация со своими службами пути и тяги, эксплуатации, речного судоходства, железнодорожной и городской полицией позволила России создать свою Россию в другом государстве.

Для Семенова эта дорога, этот банк были самой живой, самой жизненно важной артерией его действий. Рухнет это и прекратится закуп оружия, продовольствия для армии, закроется финансовая помощь союзников. Именно это и стало головной болью атамана. Зараза большевизма заползла и сюда. Нет, что ни говори, а большевики все-таки башковитый народец по своему внедрению. Перед ними бледнеет всякая разведка. Сразу же после Октябрьского переворота им удалось на всей «полосе отчуждения» установить Советскую власть с центром в Харбине. Пришлось всю эту власть разогнать, а сопротивляющихся – расстрелять. Тогда большевики перешли к другому маневру – использовать в своих целях профсоюзные организации. Начались забастовки и активные выступления в поддержку Советов. Частично все эти выступления помог прекратить прибывший из Петрограда барон Будберг. Харбинские выступления ликвидировали войска Китая, а забастовку железнодорожников ликвидировал американский генерал Грэвс, сформировавший 50 паровозных и кондукторских бригад для замены забастовщикам.

Семенов неоднократно анализируя эти события, задавал себе вопрос: «В чем причина этих выступлений?» Сам же себе и отвечал: «Высокая (в 1,5 раза выше, нежели в России) оплата труда, особые условия жизнеобеспечения: театры, школы, магазины; боязнь потерять все это при уходе отсюда России, влияние агитации большевиков – с упором на эти опасения».

В конце концов, все эти выступления и организация различных комитетов надоели китайцам. Они объявили это нарушением договорных условий Китая и России по охране

КВЖД и ввели в Харбин свои войска. Ликвидировать всевозможные народные дружины и выловить активистов было делом техники. Всех их переправили через Амур в «объятия» атамана. У Семенова не дрогнула рука подписать всем смертный приговор. На допросах активистов-большевиков: Илюшина, Поплавко, Федотова, Скотенко, Овсянникова, Филиппова – Семенов присутствовал сам. Надолго врезались в память слова допрашиваемого большевика Федотова:

- В принципе, вы уже мертвецы! Ваша жестокость вызывает противодействующую жестокость. В скором времени все вы, атаманы и генералы, в погоне за властью первенство перегрызетесь и поодиночке погибнете. А наша идея и наши дела будут жить долго и не только в России!

Скребнут атаманов мозг слова этого большевика. Все чаще и чаще убеждается он в их прозорливости.

..Всего-то и хотел Григорий Михайлович забежать на минутку к своей Акулинушке по прибытию в Читу, да задержался. Никогда не позволял он себе расслабление в любой ситуации жизненных коллизий, а тут от ласки любимой женщины, от ее энергии, желания, - раскис, задержался надолго. Прощались, будто навсегда.

...В штабе выслушал подробное сообщение о военных действиях на фронтах и засобирался в Порт-Артур на встречу с командующим японской экспедиционной армией на Дальнем Востоке генералом Тачибана. Семенов терпеть не мог японцев еще с 1904 года, когда воевал с ними. Но он отчетливо понимал, что обеспечивая его армию оружием и финансируя его, на самом деле они преследует цель – вывезти из России как можно больше ее богатств. Разведанные гласили, что задолго до его атаманства здесь, страны Антанты разделили сферы действий на территории России. От этого Семенов свирепел, но в силу сложившихся обстоятельств – терпел. А тут еще и расхождение во взглядах по

стратегии военных действий с генералом Каппелем. Все сразу «в кучу». Без японцев – ну ни как. Нужны были их решительные действия. Высадившись и заняв Владивосток, японцы двинули свои войска вглубь российской территории. Белые и войска Красной Армии пятились по всем направлениям. Большевики, да и Семенов, понимали, что в Сибири и на Дальнем Востоке нужно создать свое государство.

Первым проявил инициативу генерал-лейтенант Семенов. Вначале выпустил из тюрем «под подписку» всех членов арестованной подпольной Читинской организации большевиков. Второй шаг – собрал Временное Восточно-Байкальское народное собрание. В него пригласил казаков, крестьян, рабочих, эсеров, меньшевиков и большевиков. Откликнулись все, кроме большевиков. В своем уведомлении они заявили, что не собираются ни с кем делить власть, а атаман и все казачество подлежат уничтожению. После такого «выверта» Семенов большевиков не щадил.

Вез Семенов с собой на встречу с японцами документы для согласования. Один из них – послабление мирному населению: освободить население освобождаемых районов от принудительной вербовки в армию, освободить от расходов на армию, освободить всех от предоставления для глубоких рейдов свой гужтранспорт, вменить оплату для добровольцев, объявить амнистию партизанам и создать зоны свободной торговли. Кроме того, атаман вез предложения по активизации японских действий во Владивостоке, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре.

...К удивлению Семенова, начало совещания с японскими генералами пошло уж слишком гладко. Генерал Ташибана все пункты предложений атамана одобрил и обещал полную поддержку, включая финансирование. Семенов насторожился. За приятной японской улыбкой и услужливости можно было ожидать чего-то особого. Это произо-

шло. После традиционного чаепития, присутствующий на совещании полковник Куросава предложил рассмотреть план размещения своих войск на Дальнем Востоке до тех пор, пока полностью не будет ликвидирован большевизм. Практически это означало полную оккупацию Дальнего Востока японцами. Маневр японцев был «шит белыми нитками». Семенов, собрав в кулак всю силу воли, погасив гнев, улыбаясь, по-японски, ответил:

- Уважаемые господа! Я от души рад продуманному и предложенному варианту борьбы с большевиками на большой территории России. Все очень продумано и достойно. Прошу в этот план внести весьма незначительное дополнение, без чего этот план не совсем душевно будет воспринят населением, которому мы только что запланировали серьезные льготы.

Японцы насторожились. С лиц исчезли улыбки.

- Предлагаю, - продолжил Семенов, - во всех местах расположения войск перейти к гражданскому управлению территориями через Учредительное собрание, включая и военных.

Такого поворота решения японцы не ожидали. Чтобы скрыть свою растерянность, было принято решение продлить обсуждение в деталях при следующей встрече.

На этом и расстались.

После этой встречи и выяснившегося мнения японского генералитета и его собственной информированности через разведывательную сеть, Семенов, возвращаясь в Читу, даже не удивился полученному сообщению о предложении Советского правительства создать на Востоке Дальневосточную Республику с центром в Верхнеудинске и управлением через Учредительное собрание ДРВ.

Да, недаром и неоднократно Семенов приходил к выводу, что руководители нового Советского государства в Москве – «головастики». Воевать против Японии они не

могли. Вот и решили создать эдакое буферное государство. А японцы об этом промолчали на встрече, хотя наверняка знали! И опять вспомнил он слова большевика Федотова на допросе: «В принципе, вы уже мертвецы!».

На обратном пути в Читу Семенов назначил в Харбине секретную встречу с бароном Унгерном.

...Семенов, выслушав доклад Унгерна о ходе формирования Азиатской дивизии, внезапно прервав сообщение, заговорил совсем на другую тему:

- Я вот, Роман Федорович, о чем думаю. Создадут скоро Советы эдакую фиговую государственность на Дальнем Востоке, а что дальше?

- Предположительно? - вклинился Унгерн.

- На мой взгляд и разумение, пасьянс разложится не в нашу пользу.

- А если конкретней! - возбуждаясь, спросил Унгерн.

- Думаю, что разворот событий пойдет по сценарию разработки Америки со своими пронырливыми сионистами.

- Как это? - шагая по комнате, спросил Унгерн.

- Признают другие государства новое Советское Российское государство, и союзников мы только и видели! Побегут все, как крысы с тонущего корабля! И останемся мы с тобой, Роман Федорович, один на один в борьбе с Советами без оружия, без военной силы!

- А что дальше? - присев, задал вопрос Унгерн.

- Что дальше, господин генерал, я не знаю! А сейчас – все силы на уничтожение этой заразы! - почти прокричал Семенов.

...Три недели не был Семенов в своем штабе. С вокзала – сразу туда и быстренько за сводки с фронтов. Начальник штаба пытался что-то дополнять, но делал это как-то скованно, выдавливал из себя слова. Из сообщений следовало, что на фронте обстановка стабильно-наступательная. Оторвавшись от изучения бумаг, Семенов поднял голову и

встретился взглядом с взглядом начальника штаба, а в нем грусть и тревога.

- В чем дело, генерал? - тревожно спросил Григорий Михайлович.

- Вчера ночью убили вашу Акулину, - кое-как выдавил из себя генерал.

- Как убили? Зачем? - невпопад спросил Семенов и, начиная понимать, взревел: - А охрана?

- Наружную и внутреннюю охрану сняли ножами.

- Кто разбирается?

- Полковник Назаров.

- Назарова срочно ко мне! - взревел Семенов.

Когда он остался один – полились из глаз слезы, и он, всхлипывая, долго твердил одно и то же: «Из-за меня! Из-за меня! Вместо меня!»

Спешно вошел полковник Назаров и без всякого приветствия и предисловий доложил.

- Охрану убрал один и тот же человек. Все удары в грудь снизу вверх. Действовал профессионал, по-видимому, знакомый охранникам. Попыток сопротивления не обнаружено. Подозреваю урядника Самсонова. Сейчас его ищут мои разведчики.

- Как убили ее?- хрипя, спросил Семенов.

- Ножом в сердце со спины, а затем отрезали голову.

- Что еще?

- Оставили записку.

- Читайте!

- *...Это тебе, сволочь, за наших убитых братьев! Смерть и за тобой ходит, гадюка! Подпись – Патриоты.*

За все время доклада Семенов так и не повернулся к Захару. Стоял и смотрел в окно, судорожно вздрагивая плечами. Наконец взял себя в руки и, повернувшись, твердым голосом произнес:

- Помоги, Захар, достойно похоронить!

- Все организуем, Григорий Михайлович!

Принесли протокол допроса урядника Самсонова.

...С большевиками сотрудничаю еще с Нерчинска. За услуги они щедро платят мне золотом. Охранников убил сам. Они меня знали и не опасались. Подругу Семенова убивали подпольщики Котов и Чернов из бригады путейцев. После сделанного - с ними рассчитался щедро золотом какой-то генерал. Каждому выдал по слитку с российским гербом. Я генерала раньше не видел. По разговору и по поведению – он не военный человек.

Не дочитав, скомандовал:

- В тюрьму!

...Через час предстал пред Семеновым человек-убийца, с «приличными» кровоподтеками под глазами и поврежденною кистью руки.

- Пинали? - еле сдерживаясь, чтобы не растерзать его, спросил атаман.

- Да, - не поднимая головы, тихо ответил убийца.

- Больно?

- Да.

- А мне? - хрипло спросил он и отвернулся.

Привели обоих подпольщиков. Вид был у них намного плачевней предыдущего.

- За что убили женщину? - задал вопрос Семенов.

- В отместку тебе, убийца! - прохрипели оба разом.

Арестованных увели.

- Всех повесить публично! - скомандовал Семенов и, помолчав, добавил: - Всех арестованных расстрелять.

- Все сто человек? - спросил комендант тюрьмы.

- Всех, всех! - громче обычного приказал атаман Семенов.

...После похорон атаман Семенов исчез на целую неделю. Когда появился после отлучки, заметили штабисты, что у него слегка дрожат руки и на висках пробилась седина.

2.

При очередной встрече генерал-лейтенант барон Унгерн необычно спокойно докладывал атаману Семенову:

- Могущественная и богатая Монголия сегодня разобщена и разорена. К нашему счастью, а может и несчастью, у монголов и бурятов нет объединяющей силы. Все живут обособленными аймаками под гнетом своих богачей и китайских чиновников хубэй-амбани. Формирование Азиатской дивизии вначале шло очень туго. Помогли мне в этом казаки, царские офицеры и деньги семейного наследства. Переломный момент наступил, когда я принял буддизм. Хотя я ни в бога, ни в черта не верю и в эту веру пришел по необходимости, но она меня увлекла и придает силы.

Семенов слушал барона очень внимательно, с интересом. Да и видел он своего бывшего командира в такой откровенности, пожалуй, впервые.

- Буддизм, это, даже не совсем религия, скорее всего – философия. Но это – мировая религия. В свое время сам Будда проповедовал Четыре Благородные истины: существование страдания, причины страданий, возможность избавления от страданий, многоступенчатый путь избавления от страданий. В последнее входят: правильные убеждения, правильные мысли, правильная речь, правильные действия, правильная жизнь, правильные попытки действий, концентрация внимания. Ну, и скажите теперь – чем не жизнеутверждающий посыл?

И вот всему этому я учился в бурятских Даганах и Даданах, ибо у буддистов нет центрального правительства, как и нет главы религии. Но каждая школа имеет своих духовных учителей и наставников. Через них я и начал действовать. Отнимал у богатых добро и, посоветовавшись с ними, раздавал нуждающимся. Весть об этом разнеслась по всей

Монголии и Бурятии. Меня признали вождем, а китайцы поверили в мои способности военного лидера, ибо они страшно боятся владычества японцев.

Мне удалось этим спровоцировать китайских чиновников, и они в Монголии, в Урге, в Кобдо и Улясутае собрали монгольских князей и потребовали от них в счет погашения их долгов собрать незамедлительно деньги на формирование моей дивизии. Деньги были собраны. А когда я официально признал буддизм, казна стала быстро пополняться. Потянулись в мою армию кочевники, ремесленники, казаки. На все это ушло более полутора лет без сна и отдыха. Много сил потратил на ликвидацию Советской власти в зоне КВЖД и на сдерживание японских военных. Когда я понял, что среди монголов у меня незыблемый авторитет – с молчаливого согласия китайцев, при поддержке монгольских князей, объявил я себя верховным правителем Монголии – Ваном.

Вроде бы и власть есть, войско доброе сформировал, проверил его в боях, но появились новые проблемы.

Семенов насторожился:

- Из поступивших недавно разведывательных данных стало известно, что ЦИК большевиков на экстренном своем заседании под председательством самого Ленина принял решение оказать финансовую и организационную помощь в формировании народной Армии предполагаемой Дальневосточной Республики. В ближайшее время сюда, возможно, будут направлены большевистские эмиссары-комиссары, военспецы и оружие. Не пройдет и года, как эта Народная армия превратится в Красную армию, и будем мы с ними сражаться по всем направлениям. Но и это не все. Большевики интересуют плацдарм – Монголия. Из этих же секретных документов следует, что сюда в скором будущем «по просьбе монгольского народа» будет направлено большое воинское подразделение Красной Армии. Возглавят все эти

воинские подразделения наши бывшие царские офицеры – далеко не дураки. Один Блюхер чего стоит! Я его помню по 1918 году, когда он разгромил войска Дутова на Урале.

- Ваши предложения, генерал! – с признаком волнения задал вопрос Семенов.

- В свое время, Григорий Михайлович, меня считали неплохим стратегом. С учетом всех обстоятельств, крайне тяжелых для новой власти, считаю, что наступил именно тот момент, когда общими усилиями войск моих из Монголии, всей сибирской армии, всех воинских подразделений Колчака, Деникина по общему плану нужно двинуть на Москву. Это единственный шанс на победу. Именно сделать это нужно сейчас, незамедлительно! Решайте, господин атаман! Завтра будет поздно! Малейшая передышка для Советской власти – наша гибель!

Семенов долго крутил свой ус, что говорило о его раздумьях относительно услышанного.

- Всецело поддерживаю ваше мнение, Роман Федорович! Наше видение задач и их решение едины. Но меня смущает одна проблема.

- Какая?

- Верховный Колчак!

- Почему?

- Не верю я ему! Карьерист он и престиж успеха другим не отдаст. Боюсь, что он, ничего не согласовывая, двинется на Москву.

- Но это же катастрофа для белого движения!

- Дай-то Бог, чтобы я ошибся! - в заключение сказал Семенов, и устало провел ладонью по глазам. Перед уходом Унгерн, уже одевшись, внезапно шагнул в сторону Семенова и, глядя ему в глаза, спросил:

- Относительно Колчака у вас обоснованные сомнения?

- Да!

- Тогда это гибель! Перещупают нас поодиночке, как кур!

- А для нас с вами, Роман Федорович, – это виселица!

- Мы это знали изначально, Григорий Михайлович! Не хочется, право, умирать так скоро! Но коль придется – так встретим и смерть!

- Что-то Вы крутите, генерал, - улыбаясь, заметил Семенов.

- Мыслишка тут одна прорезалась.

- Выкладывайте, стратег!

- В одном из наших разговоров, Григорий Михайлович, я упомянул имя Рахманкул-хана. Этот самый Рахманкул-хан вместе с отцом своим гостили у нас в имении. Сейчас он в Киргизии типа царя горной части. При необходимости там можно обосноваться не только нам, но и с войском.

- Это, что, – плацдарм бегства?

- А чем черт не шутит, когда Бог спит, - с гордостью ответил Унгерн.

- Что для этого нужно?

- Нужна детальная разведка с выходом на самого хана.

- Кого пошлем?

- Лучше полковника Назарова этого никто не сделает.

- Это так! А кто будет здесь?

- Сами и начальники штабов.

- Хорошо! - немного подумав, резюмировал Семенов.

- Тогда я его забираю к себе и отправляю?

- Да!

Семенов, простясь, пожал Унгерну руку и на ходу произнес:

- Вроде же немецких кровей Вы, барон, а задатки все еврейские! Ох, и пройдоха же вы, генерал!

В ответ сдержанный смех Унгерна.

...После отбытия Унгерна Семенов срочно связался с Деникиным по решению объединенного выступления всех армий, и высказал напрямую свои опасения относительно возможных действий Колчака.

Телеграф отстучал: *...Полностью поддерживаю ваш план... Готов содействовать реализации... опасения и у меня... ждите сообщений.* – Деникин.

... Анализируя события последних двух лет, стоя вместе со своим начальником штаба перед большой оперативной картой, Семенов нет, нет, да заговорит о Колчаке.

- Даже без особого анализа причин явственно видно по времени военных действий, что каждый наш генерал мнит себя великим стратегом и действует самостоятельно, - делился атаман своим мнением. - Наиболее плачевная ситуация в связи с этим складывается для войск Верховного Правителя. Проследим за событиями:

...14 ноября восемнадцатого года он совершает переворот в Омске, объявляет себя Верховным Правителем России, а уже в марте следующего года, без необходимой подготовки, двинул войска на Симбирск и Самару. Успехи вскружили ему голову и вместо того, чтобы соединиться с войсками Деникина в районе Саратова, решил взять Москву самостоятельно. Дошел до Урала и остановился, тем самым дал возможность Красной Армии перегруппироваться и подкрепить свои войска. В результате, Деникину пришлось биться на два фронта: против войск украинских националистов и против Советов. Даже в одиночестве он сумел отвоевать Украину и выдвинул свою 15-тысячную армию с линии Киев - Царицын на Москву. Остановили только под Тулой. Как же нужна была ему в это время армия Колчака! Но, увы! И самого поперли от Уфы, и Деникин не смог развить наступление. Где сейчас Колчак? Нет его! Расстреляли в Иркутске! Где генерал Деникин? Отступает в Крым, оставляя одну позицию за другой. За всю эту «колчаковщину»

теперь мы в ответе! Все силы Народной армии, сформированной Дальневосточной Республики, выступили против нас. Скоро мы уже и Читу не удержим! Ох, скоро!

Каков выход, господин генерал? - зло улыбаясь, спросил своего начальника штаба Семенов.

- Уходить за Амур! Собрать силы и вновь отвоевывать позиции!

- Правильно! - обрадовано воскликнул Семенов и тут же приказал: - Готовьте оперативный план!

...В моменты особого всплеска разочарований и неудовлетворенности происходящим, особенно когда действительность подтверждала его мысли, садился Григорий Михайлович за свой стол и начинал писать.

...Не нужно быть большим стратегом, чтобы не видеть, что Народная армия ДВР формируется большевиками из России. Даже сейчас, когда в ее основе – партизанщина, она уже представляет серьезную силу. Год, от силы – два, и она станет непобедимой. Из раза в раз, при боестолкновениях чувствуется продуманность, выучка, стратегия боя. Если бы я задал себе вопрос: «Откуда у бывших партизан эта выучка?», - сам бы и ответил: «От прибывших к ним офицеров царской армии». Пытаюсь разобраться в этом массовом проявлении.

...Через две недели записал:

- Присутствовал при допросе пленного Иркутской дивизии КРА. Им оказался полковник колчаковской армии некто Платов. Пока свежо все в памяти, – произвожу:

- Господин полковник! Имеете ли вы какое-то отношение к известному в России атаману Платову.

- Да! Самое прямое!

- Что же заставило Вас – представителя столь героического предка, перейти в лагерь наших врагов?

- Причин несколько. Во-первых, надоело созерцать со стороны за разграблением богатства России: Японией,

Америкой, Францией, Англией. Во-вторых, я вижу в ДВР новую Россию, которая должна защищаться. У этой Республики – особый статус. В-третьих, осточертела сумбурность и безголовость действий военачальников белого движения. Я здесь работаю и имею средства на содержание себя и своей семьи. Ничего другого я не умею делать.

- Вы, господин полковник, как военный специалист, не можете не видеть, что армию ДВР формируют представители Красной Армии и из России Советов поступает вооружение.

- Да я это знаю!

- Кого из военных представителей знаете или слышали?

- В разное время были: Эйхе, Блюхер, Уборевич, Гончаров, Погодин.

- Какие еще представители большевиков в этой армии?

- В большинстве своем – это комиссары.

- По каким каналам поступает вооружение?

- Всего я не знаю, но по КВЖД – это точно.

- Вы согласны, что служите большевикам?

- Нет! Я служу России!

- Вы не раскаиваетесь в своем выборе?

- Нет! Даже удовлетворен!

- Господин полковник! А вы смерти не боитесь?

- Боюсь! Но я за все время видел столько смертей русского народа, что все это отодвигает страх!

- Скорее всего – Вас расстреляют, как предателя.

- Я это знаю! Но предателем Отечества себя не считаю и с этим понятием умру!

- Будете ли ходатайствовать о помиловании?

- Нет! Свою судьбу я выбрал сам и крест свой пронесу до конца!

- Есть ли просьбы?

- *Есть!*

- *Какие?*

- *Расстреляйте меня в моей полковничьей форме при всех регалиях!*

- *Почему!*

- *Хочу смерть принять как защитник России, без деления: свой, чужой!*

В конце приписал: *«Отпустил я его! Геройский дурак!»*.

В конце года появилась запись:

... Под моим началом сегодня 15 тысяч сабель, 20 тысяч штыков, 100 орудий, 368 пулеметов, десять бронепоездов.

Много ли это? Против Народной армии ДРВ – очень мало! Единственное, что спасает меня от разгрома – это 100-тысячная японская армия от Владивостока до Харбина. Надолго ли?

В начале следующего года Семенов сделал следующую запись:

... В Приморье весьма серьезное для нас положение. Объединившиеся партизаны, особенно Тунгусский полк, сорвали наши действия.

Помешали японцы! Опять-таки вопрос – надолго ли?

Следующую запись Семенов сделал в 1921 году.

... Воспользовавшись выступлением Савинкова и Тютюнника на Западе против Советов, отвлечение части войск Красной армии на подавление крестьянских бунтов в Тамбовской области, война с Польшей, удалось объединить силы и начать громить большевиков на всей территории ДВР. Братья Меркуловы установили свою власть в Хабаровске. Заняли Иман, Бикинские позиции, полностью разбили и уничтожили войска Красной Армии под Казакевичево и Новотроицкой.

Остановились в Волочаевске и Спасском на перестроение. Красная военщина свирепствует. Из донесения: ... На Хабаровском фронте среди отступивших, в нарушение приказа Блюхера, расстреляли каждого десятого, включая комсостав и все это большевистская пресса в Москве переложила на меня, обвиняя в «зверстве».

Ох, и далеко пойдут эти «новые правители»!

Мне стало известно, что всеми делами на Дальнем Востоке руководит лично Владимир Ленин. Кстати, руководит весьма неплохо!

Сделал приписку: «В этой кровавой круговерти совсем забыл любимого Поля Верлена».

*... Устал я жить, и смерть меня страшит. Как чёлн,
Забывший, зыблемый приливом и отливом,
Моя душа скользит по воле бурных волн.*

.....
*Все живое вас гонит грубо,
И, как только шаг ваш умолк,
От иссохшего вашего трупа
Отвернется голодный волк.*

.....
*... Все гуще запах гари. Лязг и рев,
Как будто рядом рвется из оков
Дух преисподней, злобен и бессилён.*

... Последующую запись сделал в 1923 году:

... Братья Меркуловы обхезались и бежали в Маньчжурию. На их место возглавить Приморье прибыл из Харбина генерал Дитерикс. Обиций призыв – все силы под знамена монарха. Избран Земский Собор: 41 генерал и офицеры, 6 атаманов, 39 священников, 16 чиновников, 40 помещиков. На царство избрали князя Николая Николаевича Романова.

Все это напоминает мне оперетту с плохим концом!

Ловок этот Дитерикс! За 19 вагонов оружия продал японцам док во Владивостоке, 22 парохода и Командорские острова.

Что мы делаем? Продаем Россию! Позор!

*...Последний бой с Красной Армией ДВР – впереди!
Будет ли победа?*

3.

Полковник Захар Прокопьевич Назаров, выполняя приказы или указания своих командиров, старался не искать свою роль во всех последующих за этим действиях. Передал отец ему черту характера – исполнительность. Приобретенный войной жизненный опыт позволял ему исполнять свое нелегкое дело продуманно, до конечного результата. Думал ли он при всем этом о своей особой роли? Скорее всего – нет. Выросший в семье казачьего атамана, впитал он в кровь с молоком матери – служение Отечеству. Этому он служил и служит до сих пор.

Роль своих командиров сравнивал всегда с капитанами кораблей, которые перед выходом в море не только прокладывают путь, но и досконально проверяют оснастку корабля, способность команды выполнить задачу. У каждого члена команды свои обязанности, но, тем не менее, это единый коллектив, который выполняет единую корабельную службу. Особые, практически товарищеские отношения к себе со стороны Семенова и Унгерна, он относил к своему умению все делать в срок и качественно. Все свои скачки по званиям относил к этому же. Нет, нет! Он не был тупым исполнителем, марионеткой в руках командиров. За годы своей службы, войны и крови приобрел он опыт и знания не

только рассчитать последствия любой военной операции, но и предвидеть ее ход.

В контрразведку стекалась информация со всех мест: не только с позиций, но и из войск Красной Армии, Москвы и сопредельных участков, даже стран. Япония, Маньчжурия, Китай для него были почти «раскрытой книгой». Информаторы были везде. Создавал Захар всю эту паутину с большим трудом. Кто-то на это шел добровольно, кого-то покупал за деньги, а некоторых просто запугивал расправой над семьей или близкими. Но зато театр военных действий, предпосылки действий врага – знал все, ежедневно, и анализируя поступающую информацию, мог совместно с Унгерном и Семеновым – предусмотреть контрмеры. Зачастую своей осведомленностью «загонял он в тупик» не только начальников штабов, но и своих генералов. Словоохотливый Унгерн в этом случае покачивал головой. А Семенов, набывшись, выбивал пальцами дробь. Даже предположительную информацию, не проверенную, от своих командиров капитан не скрывал. Но все это входило в курс его «рабочих забот».

Наиболее сложной для начальника контрразведки оказалась борьба с разведками противника. Здесь не было готовых рецептов. Все приходилось организовывать и проводить, как говорят, «по ходу пьесы».

Фронтная разведка по своим действиям многих воюющих государств предопределена: допросы «языка», рейд в тыл противника, разведка боем и подобное. Но армия не стоит на месте. У нее нет ограниченного пространства. Она в постоянном движении. Для разведчиков противника как раз это и есть лазейка к внедрению.

Не первый год ходит Назаров «по лезвию ножа». Не один раз ходил в обнимку со смертью. Возможно, от этого и поседел, осунулся. А может быть, от того, что «слаб» он образованием. На допросах переметнувшиеся царские офице-

ры щеголяют перед ним своим знанием иностранного языка, историей Древнего Мира, Руси. Только выработанная со временем выдержка оберегает его от необдуманных поступков.

Устал полковник! Чертовски устал! Боится ли смерти? Боится! Но боится не относительно своей личности, а боится смерти преждевременной, которая не позволит ему выполнить душераздирающее желание – увидеть Аксинию, сыночка Женечку, маму, папу, сестер, брата. Снятся они ему постоянно. Вскрикивает он от этих снов ночью и не может потом уснуть. Гложет его еще одна печаль – не мог он тогда сопроводить жену и сына до таежной Сибири. Поручил это надежному казаку, да за деньги нанял на железнодорожной станции проводника. Вестей нет. И казак не вернулся. Вот и гоняет Захар думы разные. Порой уснуть не может до утра. Постоянно перед глазами прощание на «Узловой». Обнимает его Аксиныюшка, плачет и шепчет одно и то же: «Погибну я здесь вместе с сыночком без тебя! Погибну!» В ответ с трудом выжимал он из себя: «Я прибуду! Я обязательно прибуду, любушка ты моя! Не плачь, радость моя! Не рви мне сердце!» Расцеловал жену и сына на прощанье и, не оглядываясь, побежал к стоящему под парами паровозу.

...Выполнение единичных поручений, тем более связанных с длительными отъездами, в его функцию начальника контрразведки не входило. Однако каждый раз в этом случае он оценивал поручение своих командиров, как факт особого доверия к себе и уверенность на его профессионализм. Вот и предстоящее задание, которое обрисовал вкратце Семенов, воспринял, как акт доверия и важности. Он старался не думать об опасности, о сложности поручения, о несбыточности. Он был уверен в себе: все рассчитает, продумает и обязательно исполнит. А вообще-то, такие отлучки от всех его начальствующих дел будоражили кровь, созна-

ние, давая всему организму какие-то новые импульсы, энергию, и он почти летел к этим приключениям: вперед, вперед, только вперед.

За день до отбытия к Унгерну для обсуждения плана и маршрута передвижения, в кабинет начальника контрразведки вошел с докладом дежурный офицер:

- Господин капитан! С передовой доставили подозрительного железнодорожника.

- Ну и что из этого следует?

- На все вопросы не отвечает, а триндит одно и то же: «Мне нужен начальник контрразведки Назаров».

- Интересно! Интересно!

- Впустить?

- Давай.

- Захар на всякий случай выдвинул столешницу, где лежал пистолет и вцепился взглядом во входящего. Присмотрелся к седовласому железнодорожнику, к его гордо посаженной голове, и мысль мелькнула: «Ну, вылитый зятек Степан». Захар даже головой потряс. Опять присмотрелся – точно – он. А когда тот улыбнулся, понял – не ошибся: перед ним давно уже похороненный зять – капитан Еремеев Степан Георгиевич. Бросились в объятия, расцеловались, забыли все прошлые приключения в родительском доме, не забывая о главном.

- Пробился я к тебе, Захар, чтобы смерть от тебя отвести, - без всяких предисловий начал Еремеев.

- Это что за новости?

- Вы месяц назад партизанский отряд Говорова уничтожили?

- Да! Подчистую всех прямо на их базе.

- Кто разрабатывал план?

- Я с Семеновым.

- Так вот! Подпольный комитет большевиков принял решение убить тебя за смерть партизан с их командиром Говоровым.

- Откуда тебе, Степан, это известно?

- Наберись терпения и слушай! Когда мне до отрыжки надоела вся эта война, устроился я стрелочником на КВЖД. Зарботки там хорошие, питание, обмундирование, отдых. Думал: подкоплю денег и рвану в Сибирку к Вареньке, к родителям твоим.

- Откуда знаешь о Сибирке? - перебил рассказ Захар.

- Я там был. Но об этом потом. Слушай дальше! Неделю тому назад уволился я с работы, и решили мы с друзьями это дело обмыть. Выбрали в тупике вагончик и загуляли. Товарищи мои ушли, а я прилег и заснул. Проснулся от разговора снаружи. Слышно хорошо, тем более, окно приоткрыто. Разговаривали трое.

- Итак! Решение подпольного комитета партии вам известно! Начальника контрразведки атамана Семенова – полковника Назарова нужно казнить в отместку за погибших наших товарищей, но руками белых офицеров. Пусть все узнают, что за кровь следует кровь.

- Полковник Хрямин! Вы готовы выполнить задание?

- Так точно, товарищ командир! - ответил тот, заикаясь.

- А вы, хорунжий Татаренко?

- Не извольте беспокоиться! Исполним, как по нотам!

- Хорошо! Не забывайте, что ваши жены и дети под нашим наблюдением. Не огорчайте их!

Слышно было, что он шелестит какими-то бумагами.

- Вы, полковник Хрямин, теперь полковник Степнов. Вы, хорунжий Татаренко, теперь хорунжий Трифонов. Возвращаетесь в свою часть после излечения из госпиталя. Маршрут свой начнете именно от госпиталя. Вот ваши выписки начальника госпиталя. Они подложные. До госпиталя

и до штаба вас проводит наш проводник Ясир. Ему можно доверять!

- Будем надеяться, товарищ командир, - вставил заикастый.

- Добейтесь личной аудиенции и действуйте!

- Постараемся!

- Вперед, друзья! Отправляйтесь утром, - подытожил главный.

Все затихло. Разошлись.

- Выходит, что они уже где-то здесь? – спросил Захар.

- Думаю, что кружат они где-то рядом.

- Кружат, кружат..., напевно проговорил Захар и тут же: - Дежурный!

Степно вошел дежурный офицер.

- Срочно списки прибывших за два последних дня после излечения!

- Есть!

Офицер направился к двери, внезапно остановился и доложил:

- К Вам на прием просятся полковник Степнов и хорунжий Трифщнов! Примите?

- Отставить списки! Пригласите через пять минут полковника. Сами будьте начеку! Исполняйте!

- Сейчас начнется представление! - азартно проговорил Захар и выложил за настольную лампу нож.

- Степан! По голосу сможешь узнать?

- Да.

- Тогда стань за дверь и слушай. Как только узнаешь – кивни.

- Сладим, своячок! - зажигаясь таким же азартом, проговорил Степан.

Вошел полковник. Доложил по всей форме. Свою аудиенцию объяснил особыми сведениями готовящегося

наступления противника. Все это он может показать на карте.

Степан дважды из-за двери кивнул головой.

Захар, молча, привстал из-за стола и как рявкнет:

- Прекратите ломать комедию, полковник Хрямин!
Ваша карта бита!

- Умри, сволочь! - визгливо прокричал полковник, выхватив из левого рукава кителя браунинг. Выстрелить не успел. Брошенный Захаром нож застрял в самом сердце.

- Один есть! - побледнев, проговорил Захар и, передавая Степану браунинг, закончил: Теперь еще одно представление. Будь готов!

Не успел Захар и фразу закончить, как резко открылась дверь в кабинет, выписывая замысловатые круги, вкатилась граната. В каком-то кошачьем прыжке, перехватил ее Степан и швырнул в окно. Раздался оглушительный взрыв, выбивая стекла окон. Одновременно с взрывом в приемной прозвучал выстрел, и на пороге застыла фигура дежурного офицера.

- Я... я его застрелил, - волнуясь, и от этого слегка заикаясь, проговорил он, медленно приседая на пол.

В это время прибыл наряд наружной охраны, ведя на привязи окровавленного человека.

- Пытался бежать, господин полковник! - доложил старший конвоя. - Когда вязали, пробовал убить себя ножом!

- Все свободны! Этого оставьте здесь, в подвале - подал команду Захар, и, открыв дверь сейфа, достал два хрустальных бокала и бутылку коньяка. Налили до краев. Молча, выпили. Налили еще. Выпили также молча.

Волнение потихоньку начало затухать и наступило спокойствие.

- Ну, ты и мастак с ножом, Захар!

- А ты с гранатой! Ну и прыжки же у тебя, Степан!

Засуетились родственники. Начали обниматься, дружески хлопая друг друга по спине. После еще одной рюмки коньяка пошел деловой разговор:

- Как ты мог оказаться в Сибирке, Степан? – трезвым голосом спросил Захар.

- Долго рассказывать, Захар! Но расскажу! Слушай.

Рассказывал долго, подробно, ничего не упуская.

Закончил так:

- Секреты золота Колчака и казны десятой армии хранятся в Сибирке у твоих родителей. Море крови, Захар, прольется, если кто прознает! Там, где золото – там кровь!

- Могут прознать! - утвердительно вставил Захар, думая о чем-то другом.

- Надо уже определиться нам в этой бойне, Захар! Надоело видеть смерть российских людей и сортировать на своего и не своего. К семьям нужно прибиваться! Защитить их нужно, Захар!

- Да, да, да! - так же механически ответил Захар, и, пригласив Степана присесть, начал свою исповедь. Рассказал все. Ничего не утаил. В заключение заметил:

- Прав ты, Степан, относительно защиты семей. В Сибирке мы их не защитим. Есть другой план!

- Какой? - загораясь, спросил Степан.

- Завтра отбудем с тобой к генералу Унгерну, а оттуда путь наш лежит в Калмыкию, в горы. Там будем вить гнездышко для наших семей. Именно там, Степан! Именно там! И не только для них!

Через несколько минут: - Ты согласен? Если – да, то давай руку.

- Руку то я даю, но налей еще хоть чуть-чуть, а то мысли набекрень и в горле першит.

- Выпивка откладывается, господин капитан! - смеясь, сказал Захар и добавил: - Через час отметим нашу встречу у

меня дома. Вот тебе деньги, ключи! Иди, готовь все. А я допрошу третьего убийцу. Возможно, пригодится!

...Привели третьего.

- Развяжите его! - приказал Захар.- Оставьте нас одних!

Пленный сидел, опустив голову, и плакал.

- Расскажи мне все о себе, Ясир! - спокойно сказал Захар.

- Все, все расскажу, начальник! Я не убийца! Я – проводник!

- Откуда родом?

- Я узбек из Чирчика, что на границе с Киргизией. У нас в роду все охотники. Год назад повез в Ташкент на базар свои охотничьи трофеи. Там меня схватили красные аскеры и записали в свою армию. Два раза пробовал бежать. Оба раза неудачно. Били долго и сказали, что если еще раз попробую сбежать, то расстреляют всю мою семью. А у меня же две жены, родители, пять детей. Жалко их! Очень жалко!

- Как оказались в банде убийц?

- Я не знал, что они идут убивать. Мне приказали их довести кратчайшим путем до лазарета и сюда.

- Почему пытался убежать?

- Когда услышал взрыв – мало-мало начал соображать. Вот и побежал.

- Какие языки знаете?

- Узбекский, киргизский, русский, немного туркменский и афганский.

- Если я тебе, Ясир, поверю – проводишь нас к себе домой?

- С закрытыми глазами доведу, начальник! Но если узнают, что я с вами – мою семью убьют, - печально проговорил он и обреченно опустил голову.

- Не волнуйся, Ясир! Сделаем так, что все будут знать – ты погиб вместе с господами офицерами.

- Ой, как хорошо! Ой, как хорошо! - начал причитать, улыбаясь, задержанный. - Когда пойдем?

- Пока побудешь здесь у нас. Накормим, переоденем и завтра в путь-дорогу, - в заключение сказал Захар, и когда увели Ясира, заспешил домой к зятю Степану.

...За разговорами, за воспоминаниями фронтовой жизни конец дня и ночь прошли незаметно. А утром – в путь. Поездом до Харбина, а дальше – все дальше и дальше. Что там впереди? - никто из них не знал.

...Генерал-лейтенант Унгерн, похоже, полковника Назарова ждал. Ждал, как ждут люди чего-то или кого-то перед ответственным решением. По бледности лица, темным кругам под глазами и характерному сухому взгляду понял Захар, что барон без сна провел не одну ночь. Но, как всегда, он был чисто выбрит, надушен и на его груди сверкал Георгиевский крест – его символ защитника Отечества. Захар понимал и другое. Несмотря на внешний лоск и спокойствие, был он зажат со всех сторон войсками Народно-Революционной армии, а также войсками Красной Армии, и напоминал он со своей Азиатской дивизией охоту на волка. Окружат охотники бечевой с красными флажками предполагаемое место нахождения волка, расставят стрелков, разместят собак и ждут. А волк мечется по этой флажковой окружности в разные стороны, но везде красная материя и запах псины. Не находя выхода, из последних своих сил, заложенных природой и стаей, лезет на прорыв, заглушая криком свой страх, рвет оцепление и пулей проносится мимо зазевавшихся стрелков и сытых собак.

Назаров, в свойственной ему манере, доложил генералу события последних дней, сосредоточение войск противника и характерные секретные документы, не забыв рассказать о попытке покушения на него. Выслушав сообщение о

покушении, и кем планировалось его осуществить, Унгерн спокойно заметил:

- Следующим буду я!

...План похода в горы Киргизии обсуждали долго и подробно.

- Моего деда и деда Рахманкул-хана объединило членство в капитуле Российских Императоров и царских орден. Оба они были жалованы за особые заслуги перед Россией инкрустированными орденами Святого Андрея Первозванного. С тех пор они и друзья. С юношей Рахманкул-ханом познакомился, когда ему было лет десять. Но уже в этом возрасте рассуждал весьма здраво и вполне уверенно.

- Роман Федорович! Вы уж извините меня за бестактность и необразованность, но не могли бы вы удовлетворить мое любопытство – более подробней рассказать об этом Орденском Знаке.

- Могу и даже покажу, - опять печально проговорил барон и продолжил изложение.- Сейчас этому юноше ориентировочно восемнадцать лет. Но, тем не менее, отец передал ему власть правления, и он – князь большого горного района. Скорее всего, царек. В свое время родители наши поклялись о взаимовыручке в случае беды. Время это наступило!

Вчера ночью закончил я прокладку вашего маршрута. Уверен, что двигаться нужно на лошадях через Маньчжурью и Китай. Запоминайте маршрут, полковник! После Монголии, в Китае остановитесь на недолгий отдых в Чугучанске, затем в Суйдине. Дальше длительный переход до Аксу и по торговому пути через границу попадаете в киргизский Нарын. А дальше уже все проще.

- Есть ли вопросы?

- Есть!

- Излагайте!

- Почему на лошадях таким кружным путем?

- А потому, Захар Прокопьевич, что кроме основной задачи – подготовки плацдарма укрытия, повезешь для этих целей еще и часть казны моей дивизии. Для этого нужны тебе надежные документы, человека два сопровождающих и местный проводник. Относительно документов я уже беспокоился. Осталось только вписать фамилии. А вот сопровождение и проводник – забота твоя, Захар.

- Проводник уже есть.

- Кто?

- Узбек-охотник, он же – проводник моих убийц.

- Уверен?

- Да!

- Кто в сопровождении?

- Мой зять – капитан Еремеев.

- А этот откуда?

- С того света, Роман Федорович.

- Как понять?

- Похоронили мы его уже давно, а он с Харбина прибежал меня спасать.

- Хорошо знаю я твоего родственника, капитан. Передай мой поклон, - смеясь, сказал Унгерн и достал из папки на столе бумаги.

- Действовать будете, как сотрудники международного Харбинского Общества по образовательной помощи народам Азии. Такое Общество существует и печати все подлинные. Впиши сюда вымышленные фамилии и забирай.

- Когда отправляться, Роман Федорович?

- Завтра, завтра, Захар Прокопьевич! Завтра! Помедлил и, подойдя к сейфу, достал инкрустированную, удлиненную шкатулку из красного дерева с царским вензелем на крышке.

- Здесь, Захар, Орден Святого Андрея Первозванного моего деда. Прошу передать его на хранение Рахманкул-

хану. Это частичка моего сердца, моей памяти о моей России, что и придает мне еще энергию и веру.

По тому, как барон нежно погладил крышку шкатулки, Захар понял, насколько эта вещица дорога Унгерну.

- Открой и рассматривай. Пока изучаешь – расскажу об Ордене.

- Ордена на Руси создавались по принципу заграничных благотворительных храмовых объединений. Члены Ордена имели свой Капитул, то есть администрацию и своего Канцлера. В разное время Канцлерами были Репнин, Куракин, Голицын, Волконский, Адлерберг. У членов общества была своя особая одежда, помеченная знаком – Орденом. Вначале вышивали золотом, а затем изготавливали из благородного металла с драгоценными камнями. Обрати внимание, Захар, на цепочке и на Звезде клеймо золотых дел мастера. Каждый орден – штучная работа. Но везде надпись: «За Веру и Верность». Орден Святого Андрея Первозванного был учрежден царем Петром I. С тех пор кавалеры этих орденов и их потомки хранят верность России и веру в нее. Я – один из них и горд этим, мой капитан!

Пока Захар изучал и восхищался уникальнейшим Орденом, Унгерн достал из сейфа раскрытое письмо и прочитал:

...Дорогой Рахманкул-хан! Пользуясь оказией в вашу страну, посылаю подарок для общего дела и личную вещицу, которая дорога нам обоим.

Визитеров прими, как меня, и все организуйте.

Желаю здоровья и успехов. Штернберг.

Прочитав, добавил:

- Письмо немного зашифрованное, но адресат все поймет. В случае опасности – уничтожить.

- Все, Захар! Теперь отдых и завтра в путь! Предлагаю выпить «на посошок». Нет возражений?

- Нет!

- А почему так уныло?
 - Есть просьба, Роман Федорович.
 - Излагай.
 - Можно мне, после выполнения задания, переправить туда мою всю семью?
 - Нужно, Захар! Нужно!
- Молча выпили, и, откозыряв, так же молча разошлись.

4.

Третьи сутки продвигаются всадники по однообразной монгольской степи. Впереди слева и справа – степь и степь: ни юрт, ни дыма от костра. Поёт налетающий ветер свою ковыльнюю песню. Оба Семен и Захар понимали рискованность и опасность своего путешествия и были всегда начеку. Ехали они несколько поодаль проводника с двумя лошадьми, стремя в стремя. Захар не догадывался, что его зять Степан стал таким ворчуном. Ворчать начал он ещё с момента загрузки золота и бриллиантов в Харбине. Водилось золотишко в казне Азиатской дивизии барона Унгерна.

- Опять мне выпала неблагодарная доля сопровождать золото, - завел он свою шарманку, при раскладке его по перемётным сумам. – Золото Калчака профукали. Ели ноги унёс. Из-за этого золота одни беды и кровь. Кровь тех, кто его имеет и кровь тех, кто его хочет иметь.

- Ты когда, Степан, стал таким ворчуном? – не вытерпел Захар.

- Да, как тут, Захар, ворчуном не станешь, когда его кровавый цвет постоянно перед глазами! Да и грех на мне из-за него.

- Выкладывай, Степан!

-Так я же из - за этого золота столько жизней загубил, что век не отмолиться. Вот и вашим отрядникам засаду устроил перед Сибиркой, когда их твой Семёнов послал за золотом. Мы ведь их всех тогда на болоте ухлопали. Да и сам я в тайге чуть не погиб. Хотя место сокрытия золотого запаса мне известно и в руках его держал. Жжёт оно руки, Захар! Жизнями мёртвых печёт! Золото, Захар, всегда в обнимку со смертью ходит! Вот и ворчу потихоньку, что бы тебя насторожить.

- Может быть ты и прав, Степан, - подумав, тихо сказал Захар.

- Конечно же, я прав. А повод к ворчанию ты даёшь!

- Это как?

- Вот вы с бароном пошушукались, рассовали золото по сёдлам и – вперёд. А что там впереди – ни слова. А ещё проводником этого бандита взял. Ты уверен, что он нас где-нибудь в горах не сбросит в ущелье или не перережет ночью?

- Пока он не знает о золоте – мы вне опасности.

- А если догадается?

- А если.., а если! А если это произойдет, то либо я дурак, либо он враг!

- Ладно, Захар! Не ерпенься! Я просто ещё пожить хочу! Вот и ворчу!

Долго ехали, молча, перебирая в памяти события прошлого и настоящего. Они оба не были политическими стратегами, но события и дальнейший исход всей этой войны предвидели, исходя из своего опыта и по рваной суете командиров. «Исход, исход! - мелькали мысли. - А может быть выход?», - накладывались другие.

- А, что будет, то будет! - вслух произнес Захар и, смеясь, толкнул задумавшегося, хмурого Степана.

Часа два ехали, переговариваясь, вспоминая жизнь в станице на Дону.

Проводник поднял руку, что означало – быть внимательным. Далеко впереди пропылил табун лошадей. Подъехали.

- Теперь мы под надзором! - чётко выговаривая русские слова, сообщил проводник.

- Почему ты так решил, Ясир? - спросил Захар.

- Степь теперь имеет глаза и уши, - указывая на оседающую пыль после табуна, ответил он.

- Нужно ждать нападения?

-Днём – нет! Видно далеко,- ответил проводник.

- Значит, ночью?

- Да! Но я знаю одну хитрость степняков-табунщиков.

Во время ночёвки применю.

Перспектива боя никого из троих не устраивала. До самой темноты ехали, держа наготове оружие. Захар, явно волнуясь, постоянно ощупывал на груди драгоценную шапку с Орденом. Волнение передалось и Степану. Чаше обычного стал он накручивать свои усы.

Удивительно спокоен внешне был только проводник. За всё время движения он часто сходил с лошади и складывал что то в большую кожаную сумку с завязкой.

...На ночёвку остановились на небольшом взлобке около лощины.

- Лошадей накормим и, не рассёдывая, расположим их под охраной в лощине. Сами разложим в разных местах четыре костра на этой «лысине»! - распорядился он голосом хозяина.

...Молча поужинали и приступили к осадным приготовлениям. Проводник засыпал в торбы лошадям овса, связал их арканом воедино и большой конец отдал в руки Степану. На недоуменный взгляд его, пояснил:

- Если будут подъезжать на конях, первыми их учуют лошади и начнут волноваться, мотая головой. Конец аркана задёргается, и вы, господин капитан, успеете приготовиться

к бою. - А мы с вами, господин полковник, - обратился он к Захару, - соорудим обманные костры. С этими словами развязал он свой кожаный мешок и на почтительном расстоянии друг от друга соорудил три пирамидки собранного за дорогу сухого скотского кала. Поджог. В наступившей темноте засветились, отчаянно дымя, три костра. Затем собрал разную одежду и, скрутив, положил рядом с каждым костром.

- Из-за дыма издали не понять, что это чучела. Будут стрелять по ним. В ответ мы дадим залп вот отсюда, - укладываясь на кочку, спокойно сказал он.

...Под самое утро, когда начал сереть восток, фыркнула лошадь, дёрнулся аркан в руке Степана. Одновременно с противоположной стороны раздались выстрелы в сторону костров и еле слышный перестук копыт. В ответ – тишина. Нападающие осмелели и прибавили ход лошадям. А когда на взлобке замелькали тени, раздался навстречу из трёх стволов залп, другой, третий. Нападающие залегли и отчаянно начали палить.

- Человек десять!- определил Захар, и, повернувшись к Степану, приказал:

- Прикрой лошину с лошадьми! Надо продержаться до приличной видимости, а дальше – поборемся! Воспользовавшись временным замешательством, змеёй заскользил проводник в сторону нападающих с гранатой в руках. Взрыв и стоны прокатились по утренней степи одновременно. Степан и Захар стреляли на звуки выстрелов. Внезапно всё прекратилось, и только топот уносящихся конников и их силуэты протрубили защитникам окончание боя. Захар встал и без особой боязни, шагнул в сторону позиции нападающих, где слышны были стоны и жалобное ржание раненых лошадей. Осторожно, Захар! - только и успел крикнуть Степан, как тут же раздался выстрел. Захара больно ударило в грудь, и он, нелепо взмахнув руками, упал навзничь. Два

выстрела одновременно добили раненого бандита. Первым к Захару подбежал Степан, и, опустившись на колени, начал осматривать и ощупывать. Насколько можно было рассмотреть, крови не было и ясно прослушивалось сердце. Рванул на груди Захара рубаху, и оттуда посыпались щепки шкатулки, и из-под них сверкнул Орден с застрявшей в нем пулей. Захар открыл глаза, вздохнул полной грудью и, увидев над собой растерянное лицо Степана, улыбнулся, шепнув:

- Похоже, я по-прежнему на этом свете!

- Что на этом, дурак, то это благодаря Звезде Святого Андрея Первозванного! Это он принял на себя твою пулю и смерть!

Захар медленно встал на колени. Вынул из-за пазухи Орден с разбитой шкатулкой, трижды поцеловал его и, бережно обернув в тряпицу, водрузил опять за пазуху. Подбежал проводник. Путаясь от волнения в словах, сообщил:

- Нападающих было двенадцать человек. Шестерых мы убили. Среди них один офицер. Остальные ускакали. К нападению готовились. Копыта лошадей для бесшумности были обмотаны войлоком. Я думаю, господа офицеры, что они о нас знали и готовились к нападению!

Пошли осматривать разбросанные трупы. По внешнему облику и одежде все они были китайцами и только один действительно был белым офицером. Захар долго всматривался в залитое кровью лицо и, немного погодя, сказал:

- Это помощник казначея дивизии Агуткин! Он выдавал мне драгоценности! Похоже, он и есть главный организатор нападения! Сволочь!

...Кушать после всего этого никому не хотелось. Подкормили лошадей, подтянули подпруги сёдел и ходко – вперёд.

...Вёрст пятьсот проехали путешественники без особых встреч и приключений, задерживаясь только при форсировании ручьёв и речек. Карты этих мест у Захара не бы-

ло, а проводник вёл их только по каким-то своим пометкам в памяти. Порой из-за этого теряли время. Возбуждение от прошедшего отпора нападавшим постепенно начало затухать, не считая ворчания по этому поводу Степана:

- Ты же, Захар, боевой офицер, но какого чёрта поперся во весь рост в сторону нападавших? А если бы не орден? Встретился бы ты уже на том свете со своей сестрой Прасковьей.

- Не моя это была пуля, Степан!

- Ну, какой ты, Захар, после этого начальник контрразведки, коль крысу в собственном штабе определить не смог?

- Отстань, Степан!

- Молод ты ещё, Захар, меня от правды отстранять! Думаешь, под Богом ходишь, и Смерть тебя не берёт? Ошибаешься! Смерть у каждого из нас есть! Главное – особо с ней не дружить!

- Да отстань ты от меня, зуда! - выпалил Захар и, стегнув лошадь, догнал проводника. Как только Степан остался один, начались приключения. Его лошадь провалилась передней ногой в нору сурка и завалилась набок. Степан еле успел вынуть ноги из стремян, а то бы привалило. Когда дрожащую лошадку поставили на ноги, выяснилось, что передняя нога сильно пострадала, и дальше лошадь использовать стало невозможным. Пришлось всю поклажу перераспределить между седоками и двигаться дальше на трёх лошадях. Темп передвижения замедлился. Через неделю такого хода прибыли в Джунгарию. Приняли общее решение: прикупить провиант, лошадь и корм. Да и самим нужен был отдых. Обрадовались, когда впереди показалось небольшое селение. Выслали вперёд своего проводника и остановились в ожидании.

...Часа через два появился их разведчик с большой сумкой пресных лепёшек и крупной дыней. Пока лакоми-

лись ароматными кусками дыни, зажёвывая хлебом, проводник сообщил весьма неожиданную весть:

- Корм, провиант и фураж можно здесь купить за золото. А вот лошадей нужно поменять всех. Дальше пойдут горы, тропы по горам, а монгольская лошадь к этому не приспособлена. Монголки хороши в степи, а здесь используют местную вьючную лошадь. Если не купим лошадей, то всем нашим планам конец!

- Дорого ли нам это обойдётся? - спросил охрипшим голосом Захар.

- Можно, конечно, поторговаться, но проку не будет. Попробуем продать наших лошадей, а к вырученным деньгам добавить немного золотых для покупки.

- Ладно! Добавлю! Давайте устраиваться на отдых! - подал команду Захар, и, пристроившись к проводнику, начал ему что-то втолковывать, постоянно похлопывая по кобуре своего нагана. Проводник от его слов горбился, кивая головой в знак согласия. Подождал Степана, а когда тот подъехал, сказал:

- Золото и бриллианты хранить будем на чердаке! Там же по очереди и охранять!

...Отдохнув и заменив лошадей, через три дня двинулись в путь. Теперь всё было связано с горами. Смотришь в даль – горы рядом, но доехать же до них не получается: отодвигаются они, уходят от путника. От всей этой горной громады заползал в душу страх. В какой-то степени приглушали его приобретённые местные лошади. Они с удивительной лёгкостью двигались по равнине, также легко поднимались ввысь, не шарахаясь от камнепада и ущелий.

.....Дорога упёрлась в шлагбаум около крохотной серой мазанки.

- Граница! - сообщил проводник и поехал навстречу двум вышедшим стражам. Долго о чём-то разговаривал, постоянно слегка наклоняясь и прикладывая правую руку к

сердцу. Наконец шлагбаум подняли, и все беспрепятственно проехали пост.

Проводник, не дожидаясь вопросов, пояснил:

- Нам повезло. Там стражниками были уйгуры-суниты. У нас их тоже много проживает. Я передал им от наших привет и сказал, что вы этим сунитам везёте подарки. Вот они нас в знак благодарности и пропустили без досмотра.

- Хитёр! - заметил Степан.

- Преданность свою проявляет! - добавил Захар.

...Пока пробирались по заметным дорогам и тропам, горы, конечно, пугали офицеров своей громадой, но когда над нами нависла скала и дорога перешла в тропку – руки от страха запотели сразу. Теперь оставалось положиться во всем только на проводника и судьбу. Жуть проявилась сразу за поворотом у горы. Тропка шла по краю глубокого ущелья, впритирку к громадине-скале.

- Сейчас, господа офицеры, расседлаем лошадей, снимем всю поклажу, и я их переведу на ту сторону. Затем вернусь, и с этой поклажей и сёдлами перейдём сами, - остановившись на крохотной площадке у скалы, прокомментировал проводник. Освобождённых лошадей связал за хвосты и повёл, прижимаясь к гладкому, влажному телу скалы. Захар и Степан, молча, перекрестились, когда последняя лошадь скрылась за поворотом.

Долго ждали проводника, а когда он появился – облегчённо вздохнули.

...Переправа с грузом в такой же связке прошла успешно. Плотно покушали, накормили лошадей – и в путь. А дорога всё выше и выше, всё круче и круче подъёмы. На одном из перевалов остановились.

- Будем делать большой отдых! Ноги лошади дрожат! Это очень плохо! - бескомпромиссно заявил проводник,

снимая со своей лошади поклажу и седло. Захар и Степан последовал его примеру.

После отдыха – всё выше и выше. Вот уже и снег кругом, а тропа всё кверху. Местные лошади от нехватки кислорода начинают потеть, а у Захара и Степана – сердце в бешеном ритме готово выскочить. Всё равно: вперёд, вперёд, вверх.

Наконец-то подъём утратил крутизну, и после последнего подъёма дорога крутнулась резко вниз к реке, шумящей в ущелье, а за ней, как на ладони, в мареве вечернего воздуха показалась большая долина и большое поселение.

- Прибыли! - радостно сообщил проводник и, довольный собой, засмеялся. - Сейчас перейдём через реку Нарын, и я вас сдам охранникам Рахманкул-хана, - продолжая смеяться, заключил проводник.

Не успели путешественники перебраться по висячему мосту на другой берег реки, как тут же их остановили всадники. По выражению их лиц, по миролюбивым кивкам головы офицеры поняли, что идёт мирная беседа с Ясиром. Минут через пять, которые Захару и Степану показались вечностью, один из всадников на русском языке сказал:

- Следуйте за мной, господа! Степан от этого дажеточку растерялся, а Захар, на всякий случай, старался запомнить пути возможного отхода из этого поселения.

...Рахманкул-хан гостей встретил около своего дома, и после традиционного приветствия, пригласил к себе.

Рахманкул-хан был молод, ладно скроен. Его взгляд, жесты рук говорили о том, что привык он повелевать. Вот и сейчас глянул на сопровождающих, сказал два слова, и все засуетились. Расседлали и увели лошадей, занесли в дом поклажу, подали гостям воду, чтобы умыться с дороги. Не успели прибывшие немного освежиться холодной водицей, как тут же их пригласили покушать и усадили за низкий столик, заставленный дымящим ещё мясом и разнообраз-

ными фруктами. А в доме всё блестело и сияло. Кругом ковры, ковры чудесной ручной работы. Из дальней комнаты доносился плач ребёнка и успокаивающий голос молодой женщины.

Ужасно хотелось кушать. Но Захар, как истинный дипломат, поискав глазами переводчика и не найдя его, достал молча письма Унгерна и передал адресату. Рахманкул-хан, молча, прочитал, отложил в сторону и сделал двумя руками жест около лица.

- Не удивляйтесь, господа, но я знаю и говорю по-русски. У меня были прекрасные русские учителя из казаков. За весточку от нашего семейного друга большое спасибо и приглашаю вас покушать. Все разговоры затем!

- Позвольте мне, уважаемый Рахманкул-хан, передать вам эту вещицу, о которой говорится в послании, - сказал Захар. Достал из-за пазухи свёрток, бережно развернул и также бережно передал хозяину. Заметили гости, как дрогнули руки, как увлажнились глаза Рахманкул-хана, когда он увидел Орден и Звезду. Молча, встал, поцеловал награду и так же, молча, удалился. Через какую-то минуту возвратился, поставил на столик бутылку водки и спокойным голосом произнёс:

- В нарушение всех наших мусульманских традиций, в знак особой благодарности вам предлагаю соблюсти традицию российских казаков и выпить перед едой за наши добрые в дальнейшем отношения.

...После, столь обильного угощения, когда убрали столик с едой, начался откровенный разговор.

- Во избежание недомолвок, - начал Рахманкул-хан, - расскажу о себе. Весь наш род корнями уходит в этот высокогорный край. Мы всегда были богаты, знатны, образованы. Нашему роду здесь принадлежит всё. Перешло это ко мне по наследству, как и к моему отцу. Народ свой я не притесняю и не угнетаю. Княжество своё веду расчётливо,

честно. У нас есть всё для жизни, для торговли: хлопок, зерно, фрукты, металл. От нас начинается торговый путь на юг в Китай, Афганистан и на север в Казахстан и Россию. Со всеми соседями живём дружно. Только один раз, по рассказу отца, был конфликт с казаками, но и то на равнине. У нас своя небольшая школа, есть торговая лавка. Мечетей нет, хотя мы и мусульмане. Всё, что происходит в России: революции, войны, голод, – нас обходят стороной. На равнине красные отряды разоряют мечети, забирают на службу мужчин, устанавливают свои законы в противовес мусульманским традициям. Это нехорошо и скверно! К нам они не добиваются. А если и попробуют, то мы свою свободу, веру и могилы предков наших будем защищать! Вот так, господа!

Рахманкул-хан замолчал, оглядел внимательно офицеров и продолжил:

- Не подумайте, что у меня нет информации о событиях в России. Газеты, листовки, Указы, Постановления Советского Правительства, правда, с опозданием, но доставляют. Однако услышать всё хотелось бы из ваших уст, господа!

- Царская Россия умерла из-за трусости Дома Романовых, - начал Захар.

Временное Правительство оказалось также никчёмным. Власть взяли большевики, которые со своей идеей равенства и братства сумели привлечь на свою сторону рабочих и крестьян. Чернь диктует свои условия. Военное противостояние в скором времени плачевно закончится. Мы отступаем везде и всюду. Остатки войск вытесняют за пределы России. Новая Советская власть уничтожает христианскую веру, рушит церкви, храмы и ликвидирует интеллигенцию. Мы в тупике! Нам нужно убежище! Более подходящего места, чем у вас, уважаемый Рахманкул-хан, Семёнов и Унгерн не видят. С этой просьбой мы и прибыли! Ес-

ли вы согласны, то мы готовы всё обсудить в деталях. Если нет, то расстанемся друзьями и уедем спасать своих детей, матерей и цвет российского казачества в другом месте.

Чувствуя, что погорячился, - Захар закончил более мирно:

- Это не крик, это наш плачь, Рахманкул-хан!

Рахманкул-хан молчал. Молчал долго, взвешивая ответственность за своё согласие. Повернулся лицом к офицерам и, прижав правую руку к груди, ясно произнёс:

- Мусульманское гостеприимство не имеет границ! Для меня же, это большая честь – взять под защиту российских друзей – защитников своей Веры. Передайте уважаемому Роману Фёдоровичу и Григорию Михайловичу мой привет и скажите им, что я им друг и помощник!

В знак окончания самой трудной части переговоров все пожали друг другу руки.

- А теперь, уважаемый Рахманкул-хан, позвольте перейти к рабочей части нашего решения, - радостным голосом зачастил Захар. Продолжая говорить, достал из поклажи две увесистые сумки и высыпал из них золотые монеты, украшения и отдельно бриллианты. - Здесь личные сбережения барона и деньги Сибирского казачьего войска. Всё это предназначается на обзаведение и прокорм прибывающих. И если вы, уважаемый Рахманкул-хан, не будете возражать, то нашим представителем здесь будет мой родственник – опытный командир капитан Еремеев Степан Георгиевич.

Пока шли переговоры, Степан молчал и любовался умением Захара вести разговор. Но от последних слов он даже поперхнулся. Кашляя, злясь на Захара, промычал: «Рад стараться господа!» - и слепо пошёл на выход. Вдогонку услышал:

- Но придёт он сюда с нашими семьями ориентировочно через месяц!

...Боже мой! Каких только проклятий Семён мысленно не адресовал Захару. Долго клокотала в нём злость. А тот, хитрюга, засел с Рахманкул-ханом и не появляется. Неожиданно прорезалась мысль: «А ведь он прав! Кто это сможет сделать лучше меня? Да и действительно лучшего места для спасения наших семей не найти! В любом другом месте они из-за нас пострадают. Видел же я, как расстреливали восставших на КВЖД!»

Захар всё не появлялся. Зато с улыбкой во весь рот, как ошпаренный, выскочил проводник, держа в руках горсть золотых монет и с десяток бриллиантов. Увидел Семёна и к нему: - Господин, капитан, вам спасибо за щедрость и доверие. Этого богатства хватит моей семье надолго! Я сейчас уеду и дня через три привезу всех сюда! Не уезжайте без меня! Прошу! Я хочу быть с вами! Вы – хорошие люди!

Наконец-то появился Захар. Степан решительно шагнул к нему, чтобы выговорить всё, а тот его опередил:

- Ты меня, Степан, извини, что не предупредил тебя о твоём назначении. Я ведь не был твёрдо уверен в исходе переговоров. Вот и не передал решение и просьбу барона Унгерна. Это он тебя рекомендовал, помня ваши вылазки в тыл японских войск. Да я и сам в этом уверен! Закончим здесь все предварительные дела и отбудем сразу в Сибирку за семьями. Поедем по железной дороге. Рахманкул-хан обещал достать для нас хорошие проездные документы.

Высказав всё это, подошёл к ещё хмурому Степану, обнял его и, улыбаясь, произнёс в самое ухо:

- Ничего, зятёк! Прорвёмся! Мы ведь везучие!

5.

Ранним майским утром, на станцию «Узловая» выгрузилась небольшая группа сотрудников геологоразведочной партии Московской горной Академии. Возглавлял эту группу седовласый старший геолог института – Миронов Степан Георгиевич. Рабочую группу, из двух человек, возглавлял маркшейдер Антонов Захар Прокопьевич.

Не успели заседлать четырёх верховых лошадей и закрепить свою поклажу на вьючную лошадь, как тут же подъехал конный патруль.

- Ваши документы! - не слезая с лошади, приказал старший патруля.

- В чем дело? Мы что-то нарушили? - спокойно задал вопрос Степан Георгиевич, пытаясь потянуть время, чтобы Захар успел занять выгодную позицию к бою.

- Не разговаривать! - последовал окрик.

- Пожалуйста! - опять-таки вежливо ответил Степан Георгиевич, подавая документы и пристраиваясь к голове лошади в случае нырка.

Похоже, начальник патруля был безграмотным, либо в его образовательном арсенале была только первая ступень школы. Он долго, потя и шевеля губами, читал направление института, но ничего не поняв, позвал на помощь:

- Гришка! Подь сюды! Разгреби мне эту писанину!

Подъехал этот самый Гришка и, пристроив лошадь бок в бок, быстро прочитал и доложил:

- Здесь написано, что по договорённости между руководством Дальневосточной Республики и Правительством России направляется группа сотрудников Московской горной Академии на поиски благородных металлов в составе: старшего геолога, маркшейдера, камеральщика и одного рабочего. Им придано оружие: две винтовки, два пистолета; пять верховых лошадей и оборудование.

- А где винтовки? - явно сконфужено спросил главный.

- Во выюках! - играя в простачка, ответил Степан Георгиевич.

- Дурак! Оружие нужно держать всегда наготове! Вот у меня кобура всегда расстёгнута! Видишь?

- Так, кому мы нужны! Мы мирные сотрудники! Разве что медведей пугнуть, - продолжил игру главный геолог.

- А сейчас куда путь держите? - возвращая бумаги, спросил верховой.

- Отъедем километров на пять от этой станции и приступим к устройству своей базы. К нам ещё через недельку-другую придёт дополнительная группа, - уточнил Степан Георгиевич.

- А вы раньше тут не были? А то мне рожица вашего мар... шар... шайдера буд - то знакома. Нет?

- Нет! Мы здесь впервые! И как вы в этой глухомани живёте? - чтобы рассеять подозрение, мирным голосом проговорил Степан Георгиевич.

- Ладно, сотрудники! Копайте! Ищите золото для трудового народа! Козырнул и ускакал.

Захар, молча, застегнул кобуру, вынул из рукава приготовленный нож и, взглянув на Степана, увидел, как тот, волнуясь, набивает трубку. Стараясь скрыть и своё волнение, съехидничал:

- Вы почему, господин главный геолог, так разволновались?

- Так, ведь в такой дипломатии я не силён! Не то, что некоторые молодые, - парировал он. - Я ведь, Захар, чуть не выстрелил, когда они видимость друг другу закрыли.

- Стареешь, зятёк, стареешь! - заметил Захар и вскочил в седло.

...В скором времени показалось село. Степан поравнялся с Захаром и, наклонившись, тихо сказал: - Село надо

объехать! Нельзя нам здесь засвечиваться! Знакомые могут пострадать! Объездную дорогу я знаю.

- Согласен! - ответил Захар, пропуская вперёд Степана. А за селом пошла сплошная тайга в своей пугающей весенней красоте. В логах и под деревьями с северной стороны ещё снег лежит, а на полянах и гривах уже зазеленела травка, выскочил дружно кандык и везде приветливо кучкуется черемша. Простор-то какой! Душа радуется! Да вот, сердце всё ноет и ноет!

...Давно не торил Степан путь по этой таёжной тропе, но не забыл её, пожалуй, и не забудет. А как её забудешь, когда выполз он на неё и шагал по ней в обнимку со смертью. Ища знакомые приметы, нет-нет, да и всплывают картины прошлого: то встреча в тайге со своими спасителями, то найденное золото, то гостеприимное село Сибирка и Голова этого поселения – Степан Георгиевич. Но чаще всего вспоминал он Варю с сыном, глядя на белоствольную берёзку, на молоденькую ёлочку. И последнюю их ночь перед расставанием помнит. Сердце частит от этих мыслей, кровь закипает по-молодецки.

...Захару раньше приходилось бывать в тайге, но не в такой же могучей. Здесь и деревья-то необычные. Стоят, как великаны, – не дрогнут. А зима отсюда ещё полностью не ушла. Кругом звенят наперебой ручьи, да и гривки ещё не совсем просохли. Скользят по суглинку лошади, пугаются водных преград. Но Захар знал и другое: пройдут дожди, прихватят они весь снег, очистят землю от прошлого, и расцветёт тайга во всей своей красе многоцветием и силой своей. «Так, наверное, будет и с Отечеством нашим? - частенько думал он. - Но когда над Россией прольются эти дожди? И прольются ли?»

Размышления прервал щелчок передёрнутого затвора винтовки. Это Ясир, держа на изготовке оружие, поднял

сигнально руку, требуя остановиться. Чуткое ухо охотника уловило человеческие шаги и говор.

Спешились. Отвели в сторону лошадей, оставив их под присмотр Али – старшего шестнадцатилетнего сына Ясира.

Заняли с обеих сторон тропы удобные позиции и стали ждать.

- Они впереди! Тоже ждут! - шепнул Захару на ухо Ясир.

- Посмотрим, кто кого пересидит! - дотронувшись до плеча проводника, ответил Захар.

Как минимум, пролежали в ожидании час. Кругом тишина и только вздохи тайги. Тихо подполз Степан и прошептал:

- Похоже, у тех – это промысел! Я когда-то применил избитый кавалерийский приём: соорудил на лошади чучело и для провокации пустил её в галоп. По ней начинают палить или ловить, открывая, таким образом, своё местонахождение. Под этот шумок мы сможем зайти к ним в тыл и угомонить!

- Но мы рискуем лошадьё, - возразил Захар.

- Зато сами живы будем! - жёстко ответил Степан.

Совет на этом закончился. Приступили к подготовке.

- Скорее всего, ждут они нас вон на той горке. Там лошади будут идти медленно. Легче перехватить нас! - указывая на виднеющийся впереди взлобок, объяснил Ясир.

Приготовили чучело. Закрепили в седле. Ясир разыскал расщеплённую прошлогоднюю сосновую шишку и подвязал под репицу хвоста лошади. От болевого покалывания животное взбрыкнуло и пустилось вскачь с таким шумом, что услышать бег троих натренированных людей практически было невозможно.

На тропу выскочили двое, пытаюсь поймать лошадь. Но озверевшее от боли животное сбило их и помчалось дальше. Залп. Ещё залп.

- Их пятеро! - определил Захар, и, охватывая с двух сторон вышедших на тропу людей, приказал:

- Бить прицельно, наповал!

Дважды прозвучали выстрелы, и пять человек навсегда уткнулись своими воровскими головушками в землю.

Обыскали, вынимая из карманов деньги, золото, кольца, портсигары, даже женское бельё. Когда из кармана одного из них вынули два золотых нательных крестика, мелькнуло что-то в сознании Захара об отце, но тут же погасло в волнениях от боя.

- Пешие они, - решил Захар, - но у них где-то в тайге база. Передвигаться теперь нужно более осмотрительно и без костров! А этих оттащим в сторону и оставим на съедение зверью. Звери и те и другие! - заключил он.

...Дальше передвигались на расстоянии видимости, прислушиваясь к каждому шороху. Особо опасно и холодно было ночью. Вёрст через пятьдесят, не встречая особых препятствий, осмелели. Даже молодой Али перестал пугаться треска и шума тайги. А Ясир настолько освоился, что даже умудрился разгадывать оставленные следы зверей.

В таком ритме прошло ещё два дня. За поворотом у реки Степан заёрзал в седле и начал всех поторапливать. Впереди мелькнули огоньки долгожданной деревни. К родительскому дому Захар и Степан подскочили галопом. На стук в калитку басовито ответил волкодав и загремел цепью. С зажженным фонарём в руках из дома вышел молодой мужчина и, подойдя к калитке, голосом Степана спросил: «Кого ещё принесло? Кто вы?» Узнав по голосу сына, Степан хрипло, глотая слёзы, произнёс:

- Открывай, сынок! Это отец твой, да дядька Захар!

С этого момента всё вокруг закружилось, завертелось. Андрей начал всхлипывать, обнимая и целуя одновременно отца и дядю: «Мы же вас обоих похоронили! Похоронили!» На шум из дома вышли две стройные женщины, держа по ребёнку на руках. Через минуту, поняв кто перед ними, кинулись с рёвом к ним, обильно поливая их слезами. Опомнились, когда заплакали от шума дети. Аксиния так и висела на груди Захара, приговаривая между всхлипами и поцелуями: «Миленький! Я тебе ещё одного сына родила. Назвали в твою честь – Захаром. Теперь у нас в семье два Захара!»

А Варю Степан сразу и не признал. От той угловатой Вареньки ничего не осталось. Его обливала слезами красивейшая женщина, всхлипывая и выкрикивая слова: «Похоронила я тебя второй раз! Ни одной строчки не написал? А я тебе после твоего отъезда родила Ромочку. Я ещё могу родить, только ты не уезжай больше! Родненький, не покидай меня, а точнее нас. Ты ведь скоро дедом станешь!»

Только теперь Степан заметил, что рядом с сыном стоит беременная Олечка Нефёдова. Заметив недоумённый взгляд отца, Андрей, бережно обнял Олю и гордо заявил: «Это моя жена, папа!»

Все быстренько собрались в общую комнату. Вот и Павел с женой и дочкой приковылял. По-стариковски горбясь, расцеловала мама Захара и расплакалась, натягивая на голове чёрный платок

- А где папа? - озираясь по сторонам, спросил Захар. В ответ только всхлипы и молчание.

- Где Степан Георгиевич, наш Голова?- вращая головой во все стороны, почти выкрикнул Степан.

- Нет их, - тихо сказала подошедшая мама, держа за руку Агафью Сидоровну. - Бандиты их в лесу убили. На прошлой неделе мы их похоронили, - добавила она.

Ошарашенные сообщением, оглушённые начавшимся плачем с причитаниями, Степан и Захар ухватились за ограду, и не было сил у мужиков отцепиться от неё.

Подошёл Павел и, опустив, голову выдавил:

- Решили они сходить за свежей черемшой. Но к ночи не вернулись. А утром мы их нашли в пяти верстах отсюда с пострелянными затылками. Ограбили, даже нательные кресты сняли!

- Кресты! Кресты! - механически повторил Захар и, сорвавшись с места, бегом к поклаже. Через мгновение вернулся, сжимая в руке два крестика. - Это они мама?- спросил он. Слова застряли в горле. Ничего не могла сказать мать, а только кивнула, прижимая к губам крестик.

- Папа, вы этих бандитов нашли? - раздался в тишине голос Маши.

- Нашли, доченька! Нашли!

- Вы их за злодейство наказали?

- Наказали! И не только их. Все за это ответили!

Тряхнул своим седым чубом Степан, глянул на всех красными от удерживаемых слёз глазами, и тихо произнёс:

- Пойдём в хату! Помянем наших старших! Да за живых выпьем!

Двое суток: днём и вечером шли селяне в дом Назаровых – разделить со всеми радость возвращения сына и зятя. Уставшие, но очень довольные, объясняли они раз за разом по очереди селянам и детям, что они сотрудники геолого-разведочной партии Московской горной Академии и ищут они по всей России залежи золота. Экспедиция их секретная и писать нельзя. Вот и сейчас они несколько дней отдохнут и направятся в сторону Магадана. Многие верили, вздыхали и охали, высказывая жёнам сочувствие. Только взрослые знали правду.

Через сутки, поздно вечером, когда уснули дети, собрал Захар всех взрослых домочадцев в доме Павла и прошептал им:

- Родные мои! Любимые! Мы, конечно же, далеко не геологи. Под этой версией и документам скрываемся мы от преследования Советской власти. Мы офицеры Белой Гвардии атамана Семёнова и Унгерна. Прокрались мы сюда к вам, чтобы спасти вас от нависшей вашей гибели. Красные полчища доберутся в скором времени и до этого села. О нашей деятельности они осведомлены подробно.

Искать будут нас, а найдут вас. Поверьте мне – расстреляют всех, даже детей. Пощады не ждите! Мы прибыли за вами, чтобы укрыться в надёжном месте. Старшим по переселению будет Степан и его помощники Ясир и Али. Степан и там будет главным. В дорогу взять только самое необходимое: еду, драгоценности, документы. Ничего больше. Собираться тихо! Отъезжать будем завтра в ночь! Сборами будут руководить Степан и Павел! Очень прошу вас, милые мои, дорогие, собираться так, что бы никто в селе этого не заметил!

Вот, пожалуй, и всё!

- Папа, - подал голос Андрей, - а как же Оля? Ей ведь скоро рожать!

- Не волнуйся, сын! Женщин много – помогут! - ответил Степан.

- Захарушка! Выходит всё опять бросить? - спросила мама.

- Всё, мамулечка! Всё! Во имя жизни – всё!

- Захарушка, Степан! А как мы оставим могилки наших убиенных без догляда? - печально спросила Агафья Сидоровна.

- Здесь остаётся Иван. Он теперь в селе Голова. Вот на него и на Николая всё и возложим! Для них и для всех, когда обнаружится наше исчезновение, мы со своими домо-

чадцами отбыли на новое место геологоразведки. Куда – никто не знает.

Расходились под самое утро, не представляя до конца все свои испытания.

Степан шёл рядом с Павлом. Когда немного приотстали, Степан шепнул:

- Постарайся завтра достать спрятанный портсигар и схему захоронения казни.

- Зачем, Степан?

- Это наш талисман: либо Жизнь, либо Смерть!

...Ночью, прижавшись к мужу, Аксиния тихо-тихо спросила:

- Захарушка! Ты о себе и о маме ничего не сказал.

- Не волнуйся, ладушко! Я всё организую! Верь мне!

- А я верю, верю, верю! - целуя Захара, шептала Аксиния.

...В доме все привыкали к дисциплине. Собрались в дорогу с минимумом вещей. Даже дети пооставляли свои любимые игрушки.

Перед отъездом сходили на могилки поплакать и попрощаться со своими дедушками, отцами, мужьями.

Когда стемнело, Степан ещё раз проверил увязку поклажи, пристроил под руку винтовку, рассадил всех и тихонько открыл ворота. Они жалобно скрипнули и затихли вместе со стучком копыт лошадей.

Версты через три, под яркий свет полной луны, остановились. Выпили по старому обычаю «на посошок» по рюмочке самогона и, оставив на дороге Ивана и Николая, тронулись в даль.

А могучая тайга опять поглотила очередное горе людей, которые всего-то и хотели – жить!

6.

Никогда раньше Павел Александрович Кутайсов не замечал в своём поведении растерянности. Воспитанный в духе аналитического мышления и решительности, предположить он не мог, что это произойдёт с ним. Были в его жизни поступки, мысли, когда он не совсем был уверен в их правильности, но растерянности – никогда! Его не выбил из седла даже неудавшийся поход на Москву, когда, в нарушение договорённости о совместных действиях, Колчак двинул вперёд свою армию, а Деникин из-за этого со своим войском не успел подойти. Обессиленная армия Колчака остановила своё продвижение и стала в оборону. Этим воспользовались Красная Армия уже с «петлёй на шее». Огромными усилиями, мобилизацией всех резервов двинулись на разрозненные войска Колчака, а затем и Деникина. Колчака загнали в Омск, откуда он срочно подался в Иркутск за мифической помощью. Правда, власть Верховного Правителя переложил на Антона Ивановича Деникина. За самоуверенность и амбициозность расплатился Александр Васильевич сполна: расстреляли. Осталось в Сибири, зажатая со всех сторон, Сибирская добровольческая армия Семёнова, да по Монголии «гуляет» Азиатская дивизия барона Унгерна. С повсеместным успехом войска Советской Республики с каким-то особым остервенением начали теснить по всем направлениям фронт генерала Деникина.

Антон Иванович Деникин – офицер Достоинства и Чести, не выдержал такого разгрома, передал бразды правления генералу Врангелю и через Крым отбыл с частью офицерства славной Российской армии во Францию.

...Перед этим до самого утра проговорили они с Антоном Ивановичем без слёз, без истерик. Это был разговор однополчан – сынов Отечества.

Антон Иванович в ту ночь был откровенен, как никогда.

- Мне, уважаемый Павел Александрович, только сорок восемь лет, и разум не покинул меня. Я способен трезво анализировать всё происходящее и строить прогнозы на будущее. Вы ведь знаете, что я не дворянин и ситуацию могу видеть с низов до верха. Одно могу сегодня констатировать – Россию на многие годы, возможно даже на столетие, покрыла серая мгла.

- Не слишком ли пессимистично, Антон Иванович? – вставил Павел Александрович.

- Нет, дорогой мой товарищ! Эта мгла распространяется всё шире и шире, поглощая умы и надежды многих, включая и нас с вами. Я всю свою сознательную жизнь отдал армии. Воевал долгие годы, отстаивая интересы России. На Родину смотрел я всегда глазами сына Отечества. А это Отечество резко, очень резко, поменяло своё лицо. Почему? Причин много! Первая – никчёмность царя Николая II. За всю историю России в семействе Романовых не было такого «размазни», как Николай. По истечению времени, гибели всей его семьи возьму на себя грех – дать ему определение. Царь изначально, и до конца, был «подкаблучником» своей жены, придворных шептунов типа Гришки Распутина. Это под его руководством, когда-то вполне боеспособная российская армия превратилась в никчёмную людскую массу в серых шинелях. Это мы все сейчас увидели в войне с Японией, как на море, так и на суше. Хорошо, что Витте проявил высококлассную дипломатию – заключил с Японией перемирие. Для России это было поражением. Свою никчёмность проявил и Генштаб. Однако и там не произошло коренных изменений. Как делили ранги и должности по знакомству и удобствам, так и продолжали.

Казалось, что решение вот оно – на поверхности, бери и делай: укрепляй командный состав, срочно создай мощ-

ную военную промышленность, готовы на современный лад все воинские подразделения, отлаживай снабжение. Ничего этого сделано не было! Результат – вот он!

Мне бы большевиков в данной ситуации проклинать нужно, а я восхищаюсь. Именно они молниеносно сориентировались в обстановке и сделали всё так, как и нужно было сделать тогда царю. Теперь их армия – мощь и сила.

- Но они же для решения этих задач шагают по трупам, - опять вмешался Павел Александрович.

- А был ли у них другой выход? Скорее всего, нет! И мы их толкнули на это! Вот они и положили тысячи голов на плаху во имя спасения своей Власти. Революция и всевозможные перевороты не бывают бескровными. Это – война, какие бы характеристики мы ей не давали. А что такое война – мы знаем!

- Антон Иванович! Я уверен, что это не основная причина. Есть, наверное, более глубинная?

- Есть! Я попробую сейчас это выразить.

Династия Романовых умышленно или нет, но расслаивала наш российский народ, существенно разделяя эти слои. Построю для образности параллели. Офицерство – высшая военная каста! Солдаты – безропотные исполнители! Всевластный, жестокий помещик и бесправный, зачастую безграмотный, нищий крестьянин. А Россия – страна аграрная. Сила-то её – именно там! Не лучше и в промышленности. Директор завода, фабрики, приисков – царь и бог на месте! А рабочий – трудовое, опять-таки нищее, многодетное «быдло». Между кастой управленцев и рабочими – большая, огромная стена. А если кто-то и возмутится, то его тут же в каталажку. Зёрна бунта, Павел Александрович, произрастали здесь. Вот большевики и воспользовались этим. Они долго и упорно внедрялись в ряды рабочих и крестьян, внушая, что настоящими создателями богатства России являются они, и они должны владеть этим богатством и

управлять страной. Большевики в этом преуспели. Запустили взрывную адскую машину вниз нашего общества.

- Антон Иванович! А где интеллигенция? Где наши носители культуры, законотворчества? – опять не вытерпел Павел Александрович.

- А они, и мы с вами, пребывали где-то над всеми в дискуссиях о благе народа, ничего не делая для этого народа.

- Но если Вы, а я думаю, что не только, видели всё это и понимали, то почему не восстали? - начал горячиться - Павел Александрович.

- Однажды военные уже пытались это сделать! Я надеюсь, что Вы помните 1825 год и Сенатскую площадь?

- Разумеется, помню! Многих казнили, сослали в Сибирь!

- Дело, дорогой мой, даже не в жертвах. Дело в другом! Военные оказались совсем малой горсточкой всего народа. Люди не созрели для этого выступления. Вот и поплатились герои Отечественной войны за это. Офицеры считали, что их требования царь обязательно воспримет и учтёт. Учёл!

- Антон Иванович! Зачем вы сейчас отбываете из России, оставляя меня, генерала Врангеля, на погибель?

- Когда у человека сломался его внутренний стержень – он в любом деле помеха. Быть же дерьмом в проруби я не желаю. Ваша же задача с Петром Николаевым здесь трудна и сложна! Надо вывести из России остатки армии, семьи, детей. Нужно спасти элиту общества. Большинство их, кроме военных, уже давно покинули Россию. Умные большевикам в Отечестве не нужны! Они хотят быть самыми умными, но, кроме своих теорий и тюремных порядков, ничего не знают!

- Как же тогда эти никчёмные партийцы сумели взять в свои руки власть и создать своё государство?

- Дождались кипения! - задумавшись, ответил Деникин.

- Не понял! Разъясните!

- Вы когда-нибудь, Павел Александрович, видели, как в котле закипает вода? Конечно, выдели! Вода от жара под котлом долго шумит, вздыхает, а перед самым кипением замолкает. Если в это время не добавить огня, – кипения может не быть.

- И что?

- Большевики удачно выждали момент закипания российского общества и вовремя подбросили в костёр свои заготовленные дрова!

- Неужто это конец России?

- Что вы! Что вы, батюшка! Россия большевистской болезнью переболеет, но не скоро! Будут новые российские революции! Будут! Будут серьёзные потрясения!

- Почему вы так думаете?

- Большевики пытаются создать свою особую Веру, уничтожая христианскую Веру. Никакая искусственная вера, пусть даже красочная в словах, без веры в Бога – обречена на гибель, а вместе с ней и её творцы!

- Антон Иванович! Чем на первых порах займётесь во Франции?

- Необходимо срочно создать помощь нашей российской интеллигенции там. После этого, а может быть, и параллельно засяду за написание анализа всех происходящих событий в России. И назову это издание «История русской смуты».

Наступила долгая, долгая пауза.

- Но ведь вас, Павел Александрович, гложет какая-то мысль. Мы с вами долго рядом, отчего и замечаю это, - неожиданно спросил Деникин.

Не смог он сейчас сразу ответить на этот вопрос. Не смог честно признаться, что виной тому женщина. Да и нужно ли выдавать свои потаенные мысли даже соратнику, другу?

Всё образовалось весьма просто и своевременно. Получив на стук в дверь, разрешение, вошёл порученец начальника порта с сообщением, что погрузка на отбывающие корабли завершена, и все ждут прибытия генерала Деникина.

Обнялись на прощание братья по оружию, откозыряли друг другу и ... и расстались навсегда.

А причиной его душевного метания действительно была женщина. И не кто-нибудь, а тёща капитана Назарова – Екатерина Алексеевна Ольховская.

Знакомство с ней произошло сразу же по его прибытию с отступающими войсками в Крым. Военная обстановка была настолько сложной, что нужно было срочно всех членов семей готовить к эвакуации. И вот в этой ситуации решил он выполнить данное обещание Назарову – не оставить в беде его тещу.

Разыскать Екатерину Алексеевну по указанному в записке адресу было несложно. На стук в дверь открыла стройная, привлекательная женщина с огромными глазами на бледном лице. Поразил Павла Александровича взгляд. Был он глубинно-печальным, с оттенком скорби, которая оседает в человеке от большого горя. И как бы человек ни пытался спрятать всё это вовнутрь, закамуфлировать улыбкой, шутками, – глаза всё равно всё выдадут.

Павел Александрович представился. Рассказал о цели своего визита и назвал сроки отбывания кораблей. Реакция Екатерины Александровны была на удивление спокойной, без лишних вопросов и причитаний.

Минут через пятнадцать они уже сидели за столом и пили ароматный чай, исподволь изучая друг друга. Беседовали на разные житейские темы, не затрагивая прошлое и не говоря о будущем.

- Захарушка мне говорил, что в сложной ситуации ко мне придёт его старший товарищ. Это вы?

- Да! Это именно я, Екатерина Алексеевна.

- Ситуация действительно сложная?

- Сложнее не бывает, - горестно ответил генерал и зашепшил с уходом, чувствуя, что начинает любоваться собеседницей и явно увлекается в том. «Нельзя этого делать!» - мысленно приказал он себе, хотя подсознание диктовало: «Останься, останься ещё ненадолго!»

Расставание по форме было галантным, предупредительным в словах и жестах. Уже у порога Павел Александрович, пристально посмотрев на Екатерину Алексеевну, и каким-то девятым чувством уловив её нежелание расставаться, смутился и спросил: - Можно мне прийти к вам завтра?

- Буду рада, - растягивая слова, ответила Екатерина Алексеевна.

На следующий день их встреча прошла, как встреча хороших друзей после долгой разлуки. Екатерина Алексеевна из часа в час очаровывала генерала своим умением не только полно излагать свои мысли, но и речь ставить так, что каждое слово ухватывалось с другим, создавая визуальность изложения.

- Предки мои были в числе первых Романовых, и пошли они от брака боярина Фёдора Никитича с дочерью костромского дворянина Марфы Шестовой. Успех и почести сопутствовали нашему родственному клану во все времена царствования Романовых.

У родителей моих долго не было детей, и когда я родилась, то за муки своего ожидания назвали они меня Екатериной – в честь Святой Великомученицы Екатерины. Бабушка моя, в день совершеннолетия моего, передала мне свой Орден Святой Великомученицы Екатерины с надписью на ленте: «За любовь и Отечество». Вот и шагаю с тех пор по жизни с этим девизом.

Внезапно глаза Екатерины Алексеевны затуманились, по лицу пробежала лёгкая тень, и она, отстранившись от

настоящего, шагнула куда-то в прошлое, куда другим входа нет.

Опытный психолог-разведчик сразу же заметил эту перемену. Вежливо попрощался и ушёл.

Два последующих дня пролетели галопом в череде подготовки флота к отбытию, сверки отбывающих, личных встреч. В решении этих дел, под гнётом подступающих донесений об очередном поражении Белой Гвардии, Павел Александрович мысленно стучался опять в знакомую дверь. Что-то, пока необъяснимое, тянуло его туда.

Вот и сегодня, допрашивая явно лазутчика чекистов – придворную графа Нарышкина, он задал вопрос:

- Что вас, вполне обеспеченную женщину, способную на получаемое жалование и пропитание содержать свою большую семью, пойти на предательство своих хозяев и стать сотрудником разведки Советов?

- Надоело быть в услужении! Хотим учиться грамоте на высших дворянских курсах! Мечтаем быть хозяевами всех имений!

- Но коль вы избрали этот путь, то можете не знать, что к вершине власти необходимо подниматься по ступеням, осваивая эту власть постоянно до самого корня. А если власть отдать дворнику с метлой, то он и будет руководить, как метлой.

- Ничего подобного, господин хороший! Мы этому управлению людьми научимся быстро и воспользуемся опытом наших хозяев!

- Но, кроме видимой распорядительности, есть ещё понятия: экономика, торговля, технический прогресс! Как вы, придя к власти, освоите это?

- Дойдём своим умом сами!

- Но поймите же меня – это абсурд! Поколениями к этому идут!

- Оставьте нас в живых, и мы всем докажем, что всё это нам подвластно и достижимо!

- Неужто без опыта и науки прошлого хотите вы построить ваш Рай на земле?

- Именно так! И умру за это!

- Вы свой путь выбрали сами!

...Пётр Александрович не был избалован женским вниманием. В юности ему этого хотелось очень, мешала застенчивость и незадачливый «каланчёвый» рост. В годы взрослости, когда уже служил в разведке, в каждой женщине пытался вначале увидеть подосланного разведчика, а это тормозило в нём чувство обаяния женщиной. Он не мог себе позволить даже случайные связи. И всё же «погорел» на этом.

Получив задание, сблизился с семейством французского посла в России, перебрался в Париж, как сотрудник посольства.

Найти подход к экзальтированной молодой жене посла, которая никак не хотела ехать в «варварскую Россию», особого труда не составило. По разработанному сценарию к ней во время прогулки по порту должна была пристать тройца молодых парней. А он, находясь случайно неподалёку, должен был этих парней «утихомирить».

Всё было разыграно, как по нотам. Но в этом сценарии не предусматривалось присутствие дочери посла от первого брака – Жакетты.

В этой «защитной» потасовке Пётр Александрович получил незначительное ранение руки. Благодарные дамы незамедлительно оказали ему первую помощь и отвели его к себе домой, где была медиком сделана профессиональная перевязка. В знак благодарности и за знакомство женщины предложили выпить вина и разговорились, по-женски хитря и немного кокетничая. В отличие от жены посла, Жакетта была невысокой, но прекрасно сложенной. Она могла в

свои семнадцать лет очаровать любого мужчину. И Пётр Александрович увлёкся ею. Она ответила взаимностью. Встречи в доме посла стали частыми и постепенно перешли в ежедневные. В своём увлечении друг другом, влюблённые не замечали ревнивых взглядов «маман».

Убедившись, что он ею пренебрегает, пошла она на коварство. Написала мужу о «приставании» сотрудника Российского посольства к его дочери. Всё это стало известно российскому Департаменту внешней разведки и его из Франции отозвали.

С тех пор начал он сторониться женщин и всецело окупился в свою работу. Но, если во Франции он увлёкся Жакеттой по молодости лет своих, отдавшись во власть вспыхнувшим чувствам, то с Екатериной Алексеевной всё складывалось гораздо сложнее и взвешеннее.

Их встречи из потребности человеческой души в общении постепенно переросли в необходимость нахождения рядом. Образовался ещё не осознанный до конца союз двух родственных душ, когда он и она дополняли друг друга.

В сознании Павла Александровича, в его сердце загорелось и окрепло чувство не только обаяния этой женщиной, но и потребность быть с ней рядом, быть вместе. И это чувство ввело его, боевого офицера, в своеобразный транс.

Не вытерпел он своего мучения и однажды рассказал всё образованнейшему своему товарищу – генералу Петру Николаевичу Врангелю. К удивлению, тот среагировал настолько душевно, с какой-то отцовской теплотой:

- Так вы же, голубчик, признайтесь ей в ваших чувствах. Или вы это уже проделали?

- Нет!

- Бегом к ней! Именно, бегом! Предложите ей руку и сердце! Если откликнется – незамедлительно женитесь! Вперёд, дорогой Павел Александрович!

Окрылённый поддержкой, купил он огромный букет цветов и помчался к Екатерине Алексеевне.

А она своим израненным сердцем поверила ему и, плача, дала согласие стать его женой.

Теперь они были вместе и вместе ступили на путь обречённых российских странников.

7.

Бронепоезд атамана Семёнова, курсирующего по фронтовым линиям, своей огневой мощью наводил страх в наступающих войсках Народно-Революционной Армии. Нередко два, три выстрела по скоплению войск или по передовым позициям приводили к замешательству и отступлению. Всякие попытки партизан завалами железной дороги, разборкой рельсов к успеху не приводили, а только увеличивали потери.

На представленном американцами небольшом бронепоезде генерал-лейтенант курсировал практически по всем местам боевых действий, круша безжалостно огнём имеющего арсенала ближние и дальние позиции противника. Любил атаман под покровом ночи врываться на оставленные его войсками позиции и бить, бить по предполагаемому противнику, складам, станционным постройкам.

Таким рейдом, практически безнаказанным, способствовало отсутствие налаженного механизма армии Дальневосточной Республики. В конце концов, большевикам удалось принять решение: формировать армию в целом по принципу Красной Армии, отказаться от партизанских формирований и все воинские подразделения объединить в основные крупные фронты. По начальному плану, под командованием Сергея Лазо должна была сформироваться

Дальневосточная Армия в составе четырёх дивизий и двух отдельных бригад. Объединение не удалось.

По договорённости с Семёновым, японцы напали всей своей мощью на гарнизоны от Николаевска до Хабаровска. Практически, японцы на всём этом пространстве устроили погром. Захватили весь Амурский флот и вместе с караваном своих судов отправили в Японию награбленное добро.

У Семёнова от этих «японских выходов» случался сердечный приступ, отчего он впоследствии «зверел».

Семёнов, страдая от своего самолюбия, всё же не терял ощущения реальности. Он понимал, что судьба его Сибирской Добровольческой Армии предрешена. В своём дневнике он сделал, запись: *Советы не хотят воевать с Японией. Нет силёнок! С Колчаком разделились. Теперь Деникин и Врангель. Почти в открытую создают сильную (свою) армию в ДВР. Им на это понадобится год, от силы – полтора года. Попрут они японцев, только пятки замелькают. Поделом – этих хапуз! За одним мы отскочим за Амур. Советы установят свою власть по всей Сибири и Дальнему Востоку. А действуют они безжалостно, с каким-то особым садизмом. Сам Ленин поощряет и повелевает это делать.*

Дальнейшие записи подчеркнул.

...из рекомендации Ленина уполномоченному Наркомпрода Пайкеву в Саратов: «...Советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

...для подавления мятежа крестьян в Тамбовской губернии под руководством Антонова, краском Тухачевский применил отравляющий газ. Гибли все подряд.

...Комбриг Григорий Котовский начинал своё утро с «разминки» – строил в шеренгу пленных антоновцев и на скаку рубил их шашкой.

...В Пятигорске рубили головы генералу Добровольческой армии Рузского и другим «заложникам». Палачи приказали всем стать на колени и вытянуть шеи. Рубили шапками. Рузского рубил кинжалом Артабеков – руководитель ЧК.

...После ухода Красной Армии из Киева обнаружили крест, на котором был распят поручик Сорокин.

...В Крыму в топке корабельного котла сожгли живого штаб-ротмистра Новицкого.

Так поступили и японцы с С.Лазо, А. Луцким и В. Сибирцевым.

...В Перми большевиками заживо зарыт епископ Андрионик.

...Сотрудники ЧК в сёлах Воронежской губернии выводили людей на декабрьский мороз, обливали водой до тех пор, пока они не превратились в ледяные столбы. А епископа Феофана превратили в глыбу льда, опуская его в прорубь.

... Расстрельные команды ВЧК убивают свои жертвы прямо на тюремной площадке под шум заведённых автомобилей, что бы не слышны были выстрелы и крики.

...В городе Бронциал комиссарами расстреливались те, чья физиономия им не нравилась.

... с 16 по 30 августа 1919 года в Киеве ЧК расстреляла 68 членов дореволюционного клуба «Русские националисты, в порядке Красного террора».

...чекисты производят обыски и аресты по всему Киеву и окрестностям. Особенную «любовь» они проявляют к еврейскому золоту, бриллиантам, спирту. Насилуют женщин, истязают арестованных; офицерам вырезают погоны, с рук женщин по локоть сдирают кожу.

...По сообщению... во время отступления из Киева, Председатель Реввоенсовета Лев Троцкий заявил: «По колону в крови контрреволюционеров уйдём отсюда!»

Перебирая донесения с фронтов и сообщения разведки, несколько раз взгляд атамана останавливался на одном изложении:

...В конце декабря в Кремле прошло заседание ВЦИКа под председательством Владимира Ленина. В очередности неотложных мер международных решений, вооружение армии, восстановление хозяйственной деятельности – была поставлена задача по добыче золота.

Рассматривались два вопроса: 1. В освобождённых районах золотодобычи приложить максимум усилий по восстановлению производств поверхностной добычи и шахтовой. Применить для этого необходимые меры силового воздействия, вплоть до расстрела саботажников на месте. 2. Сформировать специальные отряды по изъятию серебра, золотых монет, церковной утвари, украшений, предметов обихода и бриллиантов у банкиров, офицеров, скупщиков. Направить спецотряды и сотрудников ВЧК на поиск и добычу захоронений золотого запаса России.

На следующий день в кабинет к Председателю ВЧК Ф. Дзержинскому были приглашены самые опытные сыщики ЧК. Дзержинский объявил о решении ЦИКа по проблеме золота для Страны Советов и поставил перед всеми задачу формирования поисковых отрядов и групп конфискации, придав им особые полномочия. В перечне основных направлений сокровищ были названы:

- Одесские катакомбы, где спрятал награбленные сокровища бандит Ванька-Ключник.

- Золотой российский запас адмирала Колчака, исчезнувший в Сибири и на Байкале.

- Воинская казна десятой армии генерала Сиверса припрятанная в районе Ковно.

- Золотой запас Румынии и украшения королевы Марии, затерявшийся в 1916 году при отправке в Москву.

- *Девяносто пудов серебра войсковой казни Уральско-го Казачьего войска, исчезнувшего в Баку при эвакуации войск из форта Александровский по Каспию.*

- *Золото Бухарского эмира Сид-Алихана, припрятанное в ущелье Памирских гор.*

- *Большой золотой запас барона Унгерна в Монголии.*

- *Золото Колчака, переданное Семёнову и Унгерну в Харбине.*

- *Рудное золото акционеров Сибири.*

- *Церкви и храмы Урала, Сибири.*

- *Мечети мусульман.*

- *Еврейские синагоги.*

- *Похищенные ценности Романовых и вельмож.*

- *Переправленные ценности через границу.*

- *Контрабандное золото и драгоценности.*

Во всех этих мероприятиях предусмотрено руководство «революционным правосознанием».

Скрупулезно, методически выверено, доложил присутствующим инструкцию действий помощник Дзержинского - Глеб Иванович Бокий.

Чекистам же Москвы и Петрограда под грифом «секретно» предписывалось вскрывать могилы царской знати и вельмож на предмет изъятия захоронений ценностей в фонд помощи голодающим.

Прочитав, Семёнов пробурчал, с каким-то внутренним рокотом: «Варфоломеевские ночи России!» Затем добавил: «А ты-то сам, неужто лучше?» Ответа не дал, но опять пробурчал: «Смерть... смерть. Смерть!»

Семёнов аккуратно собрал все бумаги, сложил их в папку и, придвинув к себе свой дневник, начал писать. Писал в каком-то азарте, путая мысль, возвращаясь к написанному, и исправляя целые строки. В рваном написании чувствовался надрыв души, пожалуй, её крик.

... Что для меня Смерть? Меня давно уже буддисты научили на Смерть смотреть, как на переход человека в другое состояние. При всей определённости моего сознания – я боюсь Смерти.

Точнее, не самой смерти, а – предсмертных мучений. Меня либо повесят, либо расстреляют. Я готов к тому и другому. Думаю, что мужества на это хватит. Но есть ещё пытки! Как здесь? Выдержу ли? Не сломаюсь ли? Буду ползать в ногах моля пощаду? Скорее всего – нет! Окончательно – нет! Поможет мне в этом и придаст силы моё Зло и моя Ненависть к большевикам за поругание Отечества, Веры! Но какого чёрта, меня потянуло писать о Смерти, когда она от меня ещё далека? Но и писать о прелестях жизни – пожалуй, смешно, когда сам сеешь вокруг Смерть! Меня изнутри постоянно жжёт какое-то зло: то-ли от неисполненной задачи, то-ли от поражения идей? И хочется в это время его выплеснуть, вылить смертным потоком на врагов и предателей. Вот и летят головы, где я бываю!

А, что дальше?? А дальше обрушу своё зло на японцев, которых приходилось терпеть до поры до времени, за их грабежи России. Буду ослаблять и военные позиции для натиска Народной – Красной Армии. Поймут ли те? Даже если и нет, то для меня важнее – Россия. А Красным я ещё «насолю» из-за Амура. Моё время ещё не закончилось! Но, как хочется умереть на Родине!!!

Семёнов встал из-за стола, взял папку с донесениями и бросил её в топку. Спрятал на груди свой дневник и дал команду двигаться к Даурии, где ждали его войска к последнему походу.

...А в это время Азиатская дивизия барона Унгерна терпела одно поражение за другим. Со всех сторон его теснили и били войска Народно-Революционной армии Дальневосточной Республики и части Красной Армии Советов.

Барон, как опытный военачальник, пытался оторваться от преследователей и увести остатки своей потрепанной армии в Монголию на отдых и пополнение. Однако преследователи не отставали. Кроме этого, им начали оказывать помощь монголы.

Генерал-лейтенант Унгерн, понимая, что уйти от врага и полного уничтожения по открытой местности Монголии, практически невозможно. Нужна была другая тактика. И он решил под эту тактику расходовать часть золотого запаса Армии. Поскакали к стойбищам кочевников доверенные казаки барона, раздавая всем золотые монеты, якобы за благодарность им от Унгерна. Так же они поступали в селениях и с китайскими чиновниками.

Подкуп удался. Монголы и китайцы начали давать преследователям ложные, путаные сведения о продвижении Азиатской дивизии.

Барон понимал и всецело убедил себя, что его война проиграна. Нужно было честно об этом объявить всем и вместе принять решение. После срочного отдыха построил он своё войско и, встав на стременах, прокричал:

- Господа! Боевые мои соратники! Мы честно сражались за нашу Родину против варваров – большевиков. Многие сложили свои головы в этих боях. Честь им и Слава! Наступил момент принятия взвешенного решения. Вести борьбу в полном окружении мы не можем! Продолжение – смерть! Сейчас казначеи выдадут каждому из вас хорошее денежное вознаграждение в золоте. Этого хватит вам надолго в мирной жизни. После этого примите взвешенно, каждый для себя, решение: кто остаётся, кто пойдёт со мной на подготовленное место жительства к чужим людям. Решайте спокойно! Расходимся после прощания завтра в обед! Казначеям приступить к исполнению! Разойтись!

Ближе к ночи пригласил Унгерн к себе пять надёжных казаков из своей охраны и с надрывом в голосе выдал:

- Станичники! Оставшуюся часть казны нашей армии нужно срочно спрятать в степи, дабы не досталась она красным. Спрячьте так, чтобы всю жизнь искали и не нашли! Надеюсь на вас! В путь!

На свежих лошадях ускакали казаки в ночь с золотом, серебром и драгоценными камнями и только один человек печально проводил их взглядом.

На следующий день за час до построения прибыли уставшие, но довольные казаки с докладом об исполнении приказа. Старший отряда, наклонившись к самому уху барона, прошептал место захоронения. В ответ Унгерн, широко улыбаясь, так же тихо ответил:

-Я озеро Буир-Нор знаю

Не успел барон успокоиться от сообщения по укрыванию казны, как явился изможденный, уставший Назаров.

От радости барон на первых порах даже дар речи потерял. Он суетливо расцеловал Захара, выпил тут же с ним коньку и только после этого выслушал его.

На прощальное построение собрались быстро, организовано. По выражению лиц было понятно – решение принято.

Унгерн обошёл каждого, каждого поблагодарил за службы и, став впереди всех, скомандовал:

Кто остаётся со мной – три шага вперёд!

Заколыхался строй, зашевелились ряды, пропуская задних.

Через час новое построение. Теперь уже в колонну движения.

- Слушайте все! - разнеслось по степи. Вашим командиром и проводником назначаю полковника Назарова. Без всякой обиды всем ему подчиняться! В скором времени я к вам присоединюсь! С Богом, господа!

Вот уже и стук копыт конницы замер вдали, постепенно осела пыль, а генерал-лейтенант Унгерн всё крестил и крестил ушедших, шепча: «Увидимся ли вновь?»

...Сто двадцать испытанных в боях рубак вёл за собой Захар Назаров. По всем правилам военного искусства вёл. Впереди, как и положено, десять зорких разведчиков, в тылу и по бокам – умудрённые опытом казаки-забайкальцы. Среди всех их много охотников-следопытов.

Вёл своё войско Захар старой дорогой, запомнившейся ему по первому походу. Всё вроде нормально, но выработанным чутьём разведчика определил Захар некоторое замешательство среди конников сотни, когда общую команду подавал он – полковник, а не следовавшие вместе со всеми полковники и генералы.

Заматеревший в боях Захар Назаров этот узёл непонимания разрубил разом при первой же остановке на ночлег. После расстановки сил охраны, подозвал к себе всех своих сотоварищей по походу, которые старше его по званию, спокойно заявил:

- В нашем походе, господа, есть только один командир – это я, полковник Назаров. Все мои приказы должны исполняться всеми беспрекословно, невзирая на звания. Этот путь, куда мы следуем, я уже прошёл и знаю все его «прелести». Я обещал нашему генерал-лейтенанту Унгерну увести вас в безопасное место, я это и сделаю! Плацдарм подготовлен! Нас ждут! Всё ли понятно, господа?

- Всё ясно, Захар Прокопьевич! Мы по-другому и не думали, - раскуривая трубку, за всех, ответил седоволосый, угрюмый полковник Северин.

- Вот и замечательно, - улыбаясь, ответил Захар. - Но мне одному справиться с нашим войском, с грузом горя несколько сложновато. Нужен ваш опыт и помощь. А помощь следующая: трое берут на себя разведку и охрану, трое – пропитание и фураж, трое – внутреннюю дисциплину

нашей сотни. Решение оставляю за вами. Посоветуйтесь и доложите утром мне ваше решение. Это будет наш штаб!

-Захар Прокопьевич, а долог ли наш путь? - опять задал вопрос полковник.

- Конечная точка нашего пути пока для всех секретна, но то, что это тяжёлый, изнуряющий, кровопролитный путь – я вам сообщаю. На сегодня всё, господа! Отдыхать!

Неделя продвижения прошла спокойно, без каких либо запоминающихся истораживающих встреч с местным населением. Монголия закончилась и пошла территория Китая. На этом пути движения поселения были более частыми, но Захар вёл свою сотню конников в обход их. Около поселения Цитай с арьергарда сообщили, что за ними на расстоянии замечены конники. Захар расценил это как преследование, и не ошибся. Зная повадки китайцев и их знания местности, отдал команду остановиться на отдых и пополнение фуражом. Быстро собрал своих штабистов и разъяснил им своё решение:

- В село не входим! Расположимся рядом на этой возвышенности! Вдвое увеличиваем охрану и на ночь расположим её в два кольца. Нападения нам всё равно не миновать, поэтому ударим сами с опережением! Ближе к ночи в пятьдесят сабель выйдем из лагеря и двинемся навстречу бандитам! Отряд поведу я сам! За меня останется здесь полковник Северин? А сейчас отдых, и за это время, господа командиры, подберите мне в отряд старых рубак!

...Преследователей Захар заметил рано утром. Двигались они россыпью. Определить их количество было трудно, но навскидку, Захар насчитал около пятидесяти конников. «Соберутся в лощине около села и нападут на наших. - решил Захар. - Надо им помешать и начать бой сейчас!».

- Македонским охватом – к бою!- подал он команду, и первый поскакал на ближних троих всадников.

Силы были равными, но казаки рубились с какой-то особой отчаянностью, скорее всего, не понимая, что мстят они за всё своё прошлое, за горе людское.

Бой был коротким, кровавым. Впервые видел Захар, как озверевшие казаки пристреливали раненых бандитов. Осталось их лежать здесь не менее тридцати человек! Полегли они – все тридцать. Все тридцать, желающих обогатиться за счет других, за счет их жизней. И не знали они, да и знать не могли, что их предметом обогащения были люди особой силы: потерявшие Родину, но не потерявшие Чести и Гордости Человека.

Были и потери в отряде: трое убитых, пятеро раненых. Забрали раненых и убитых, выловили лошадей преследователей и направились назад. Минут через двадцать прискакали к ним на помощь казаки арьергарда. Похоронили погибших, забинтовали раненых и после суточного отдыха тронулись дальше.

...До границы добрались без особых приключений! Сюрпризы начались именно здесь. Долго Захар уговаривал китайцев пропустить его отряд, но те – ни в какую.

Напасть « в лоб» ничего хорошего не предвещало. Ну-жен был манёвр. Решение пришло неожиданно. Захар договорился, за хорошие деньги, пропустить его одного. Демонстративно развернул свой отряд в обратную сторону, а сам, прихватив четыре гранаты, спокойно миновал пограничников и, поравнявшись с их пулемётчиками, кинул гранаты. И в это же время, вихрем налетела развернувшаяся сотня на пограничников. С их стороны ни одного выстрела.

Со стороны Киргизии конных пограничников не оказалось. И когда с высоты в долине увидели поселение, Захар чуть не заплакал.

*Существует ли более сильное или
более мучительное страдание,
чем бегство из родной страны.*

Еврипид

Глава пятая

СТРАННИКИ РОССИИ

1.

В гвалте людских голосов переполненного не большого станционного вокзальчика очень уж тихо вела себя группа явно беженцев, расположившаяся в дальнем уголке грязного помещения. Даже дети хранили молчание. Три красивые, молодые женщины, по очереди подходили к двум пожилым седовласым женщинам и, обнимая их, что-то нашептывали на ухо. А те – улыбнутся благодарно, вытрут слезы и, отвернувшись от всех, перекрестятся, наклоняя до земли свои седые головушки, шепча: «Господи! Сохрани и помилуй нас!»

Руководил этим новообразованным цивилильным табором гвардейского роста, стройный, седоголовый мужчина. Походка выдавала в нем военного человека, а сохранивший еще свое буйство чуб, лихо зачесанный набок, говорил о смелости и решительности его хозяина. Под стать ему был и другой мужчина этой группы: такого же роста, седоволосый, с искалеченной рукой и ногой. Мужчины частенько выходили из помещения «подымить» и подолгу о чем-то говорили.

Немного поодаль от основных беженцев расположился со своей голубоглазой беременной женой молодой парень, как две капли воды похожий на чубатого мужчину. Изредка беременная молодница, поглаживая свой живот, всхлипывала и, уткнувшись в плечо, шептала: «Я не умру?» «Ты о чем говоришь, дурочка моя?» - ласково обнимая ее и целуя, отвечал молодец.

К курящим на перроне мужчинам, часто подходил невысокого роста, не по возрасту юркий железнодорожник. Постоит с мужчинами, поговорит, и быстро-быстро уходит. Но каждый раз перед приходом с проверкой синезвездных милиционеров он забирал с собой всех мужчин и уводил куда-то.

К вечеру третьего дня пребывания беженцев на вокзале к ним в сопровождении юноши и девушки подошла с двумя узлами высокая, статная женщина, лицом и жестами схожая с одной из старых женщин. Обняла всех, расцеловала и тут же, под пристальным взглядом железнодорожника, увела всех на посадку. В вагон селились с противоположной от перрона стороны. Быстро разместились, разложили по своим местам вещи и съестное. Мужчины приготовили документы и, отвернувшись, проверили свои наганы.

Под общий шум посадки пассажиров, крики, ругань, незаметно подошел к отбывающим вездесущий железнодорожник и, проходя мимо чубатого мужчины, шепнул: «Ждите меня в Ташкенте! Степанида все знает! Будьте осторожны! До скорого свидания!» Глядя со стороны, можно было предположить, что этот железнодорожник бормотал что-то свое под нос, и нет ему никакого дела до пассажиров. Только печальный, долгий взгляд присоединившейся с детьми женщины выдавал их родство.

Поезд продвигался настолько медленно, будто отправили его вне всякого плана и графика, заставляя пассажиров дополнительно волноваться, вызывая озлобление. Хуже

всего было с туалетом. Приходилось его брать «приступом».

Если до Новониколаевска еще как-то продвигались, то затем пошли постоянные длительные остановки с унизи-тельными ночными проверками и обысками, Золото и драгоценности изымали. Заставляли снимать даже золотые серьги и нательные крестики. Хмурились люди, плакали, скрипели зубами, но подчинялись.

А кругом разруха и грязь. Грязь на перроне, в вагоне, на обуви и одежде. Гадко от этого на душе. Гадко от мысли, что в этой грязи пачкаются все: женщины, дети, старики. Создается впечатление, что вся эта страна – грязная. Даже воинские эшелоны с солдатами напоминают внешне грязно-серую массу. Кто и когда отмоеет российский народ? Мысли такие возникали в голове у многих пассажиров. Если мужчины это скрывали, то Варя реагировала на всё очень бурно, эмоционально: «Варварство! Забитые племена!»

Пока передвигались по Сибири до Урала, на привокзальных толкучках, импровизированных базарчиках, прямо с телег можно было еще купить или обменять у крестьян на вещи: огурцы, капусту, сало, вареное мясо; даже по дешёвке самогон. И около всего этого богатства крутились голодные, измождённые дети беженцев с Европы России – в надежде, что-то выпросить, либо просто «стибрить».

За Уралом обстановка ужасающая. Казалось, что в околотовзальной копошащейся массе людей, с их голодными глазами нет уже ничего человеческого, а бросает их из стороны в сторону Смерть: бескомпромиссная, жестокая, порожденная такими же людьми. А если кому-то из них удавалась проникнуть в вагон и схорониться где-то под сиденьем или в уголке, то рад он был каждой оброненной крошке хлеба или картофелине. Они не воровали и не про-сили. Все это за них делали ввалившиеся глаза и до костей натянута кожа лица. Плакали российские люди, но подавали

съестное бедолагам, отрывая этот кусок от детей, от стариков.

На каждой станции одно и то же, одно и то же. Чтобы не сойти с ума от всего этого кошмара, Варя нашла выход в учительстве. Соберет вокруг себя ребятишек, рассадит плотней и начинает рассказывать, читать, расспрашивать. Ребятишки за ней, как «хвостики». Даже в туалет для нее занимали очередь. Смеется училка, а глаза печальные-печальные, будто гложет ее какое-то предчувствие.

Степан, как мог, помогал своей Вареньке: то пирожков прикупит у торговков, то морковь добудет. Вывалит все свое приобретение ей в подол и, улыбаясь, наблюдает, как она очень ловко раздает это своим слушателям. А на их чумазых личиках счастливые улыбки и нескрываемая детская благодарность.

Чутьем взрослого мужчины, начал Степан постепенно понимать печальный взгляд Вари. Нет-нет! Он не ошибался! Беременная Оля явно заболела. Всегда румяное ее личико пожелтело, щечки запали, заострился носик. Все это можно было бы отнести к беременности, но здесь - не это. Видели все это и взрослые матери, но ни взглядом, ни жестом не выдали своего опасения. Все самое свежее, все самое питательное – Оле. Степан умудрился даже добыть шоколад.

...Наконец-то поезд, постукивает особо громко на стыках рельсов, начал вкатываться в Москву. Замелькали серенькие домики пригорода, такие же грязные перроны вокзальчиков и толпы мешочников, отчаянно пробивающиеся к вагонам поездов. Видя все это, Степан не первый раз задавал себе вопрос: «Неужели, чтобы до такого состояния довести людей, нужно было пролить столько людской крови? Похоже, это еще не все! Все, однако, впереди!»

В последний раз клацнув буферами, поезд остановился. И опять снующая, орущая толпа. Наконец-то благопо-

лучно выбрались с этой толпы и пристроились отдышаться на поваленном дереве, недалеко от вокзала.

Оставив всех домочадцев на догляд и попечение Павла, Степан помчался в разведку относительно дальнейшего отбытия в направлении Ташкента. Проходя по небольшому привокзальному скверу, заметил он впереди цивильно одетого мужчину с до боли знакомой походкой. Пока мучился вопросами: Кто? Кто? Кто? - мужчина внезапно исчез. Степан беспокойно начал крутить головой, но мужчины нигде не было. Немного успокоившись, шагнул за угол серого дома и тут же уперся грудью в ствол нагана. И держал этот наган не кто-нибудь, а сам поручик Ливанов.

- С возвращением с того света, капитан Еремеев! - спокойно произнес Ливанов, не убирая оружия.

- И вам не хворать, поручик Ливанов! - стараясь сохранять спокойствие, ответил Степан

- Пистолет, капитан, из-за пояса достань и передай мне! Второй раз я не промахнусь!

- Это для самозащиты! - передавая наган, сохраняя самообладание, как бы между прочим сказал Степан.

Ливанов убрал оружие, достал сигареты, протянул их Семену и неожиданно для него сказал:

- Давай, капитан, подышим и спокойно поговорим о прошлом и настоящем. Согласен?

- Вполне, поручик!

- Тогда вперед – в сквер на скамейку! - распорядился Ливанов и, протянув Степану его наган, шагнул вперед.

Долго, очень долго говорили сослуживцы, порой вскакивая и размахивая руками. Со стороны могло казаться, что говорящие вот-вот начнут драться. Постепенно накал беседы стих, и все вошло в мирное русло.

- После твоего расстрела, поручик, устроился я работать на КВЖД. Разыскал семью и пробираюсь теперь со

всеми в Ташкент,- с ноткой грусти закончил свой рассказ Степан.

- Какие проблемы?- спросил задумчиво поручик.

- Проблем много, Ливанов.

- Выкладывай, капитан! Коль не убил тебя – помогать буду жить! - смеясь, проговорил он и дружески хлопнул Степана по плечу.

- Пока я добываю билеты на поезд, нужно моих дня на три где-то поселить. Можно было бы обойтись и вокзалом, но жена сына на сносях. Ей скоро рожать!

- Не печалься, капитан! По сравнению с тем, что сейчас происходит вокруг нас, – это мелочи! Жить будете у меня!

-Как?

-А вот так! У меня большая трехкомнатная квартира неподалеку отсюда. Места всем хватит! Пошли, пошли, капитан, за твоими! - заметив смущение Степана, приобняв его и подталкивая, утвердительно сказал поручик.

Гостеприимство Александра Васильевича Ливанова – старого сослуживца Степана, как он его представил, всем понравилось, а сам он всех очаровал. Исходила от него какая-то особая, объёмная доброта во всем: в словах, в поступках, в жестах. Особый восторг был у детей, когда он высыпал на стол целый кулек конфет.

- В моей холостяцкой берлоге особых разносолов нет, но все необходимое найдете в шкафу над столом.

- Располагайте этим всем, а мы со Степаном пойдем на балкон покурить,- окончательно успокоил он всех, сняв напряжение от первой встречи.

- Позволь, Александр Васильевич, хотя ты убийца мой, поблагодарить тебя за сделанное, - первым начал разговор на балконе Степан.

-Эх, капитан! Наша с тобой жизнь-мелочь по сравнению с жизнями тех, кто покоится в земле, кто все отдал во

имя Отчизны. Не нужно сегодня все делить на красных и белых. И те, и другие умирали за свое понятие – Родина. Уверен, что прольется еще не мало крови в защиту этого. Но во всем этом, Степан Георгиевич, есть еще одно золотое место – жизнь близких нам людей, особенно детей. Постарайся, капитан, уберечь их от тех невзгод, которые выпали на нашу долю. У меня это понятие в душе, поэтому так и действую.

Помолчал, всматриваясь в слабые огни ночной Москвы, и медленно, как само собой разумеющееся, произнес:

- Жилье в вашем распоряжении сколько понадобится. Приходить буду только ночевать. А сейчас пойдем со всеми почаявничаем.

Оля, бережно поддерживая свой животик, тихонечко присела за общий стол рядом с Андреем, но внезапно ойкнула и начала мелко-мелко перебирать ногами, по которым лилась жидкость.

- Мужики на балкон! Варя, быстро готовь постель! Всех детей в дальнюю комнату! Роза! Приготовь горячую воду! - резко раздалась команда не растерявшейся Агафьи Сидоровны.- Стеша, ты чего медлишь?- крикнула она на дочь. - Быстреей, быстреей!

Долго из спальни доносились стоны и вопли Оли, но неожиданно все затихло. И тут же все услышали громкий крик ребенка. Вслед за этим: беготня, суета и плач. Из спальни, шатаясь, появилась Агафья Сидоровна и, плача, объявила выскочившим мужчинам: «Умирает моя доченька! Умирает!» Андрея от этих слов оторвало от земли, и он какими-то прыжками кинулся в спальню к роженице. Упал перед женой на колени и, плача, произносил одно и то же: «Олечка! Не умирай! Не умирай! Прошу, умоляю!» От этих слов Оля приоткрыла глаза, подняла руку, чтобы погладить голову мужа и, не, дотянувшись, чуть слышно произнесла: «Прощай, Андрюшенька! Береги сыночка! Сохрани память

обо мне! Любимый мо...!» Не договорила. Вытянулась во весь рост и затихла.

В общей суматохе прощания, плача, к Варе тихонько подошел Александр Васильевич и шепнул ей на ухо: «Заверните ребенка. Мы сейчас его повезем к кормилице».

Минут через двадцать вышли мужчины с писклявым свертком и на пролетке помчались в военный госпиталь. И вот там то, Степан осознал, что у Ливанова большая власть. Видел он, как перед ним вытянулся дежурный врач, как скоротечно прибежала дежурная медсестра, и, взяв ребенка, умчалась.

Через час-полтора вышел главный врач госпиталя и сообщил:

- Ребенок доношен, здоров. С недельку подержим у кормилицы, затем решим что делать. Не волнуйтесь, Александр Васильевич! Все организуем в лучшем виде!

Вышли на улицу, закурили. Степан, заметно волнуясь от всего происходящего, повернувшись к Ливанову, спросил:

- Похоже, поручик, ты большой начальник?

- Нет! Не большой! Но вам помогу во всем. И золота бы дал, если бы мы с вами, капитан, его не проворонили!

- А я ведь, поручик, напал на его след и в руках даже держал! - после долгого раздумья заявил Степан.

- Выкладывай, капитан! - заинтересовался Ливанов. Степан, в порыве благодарности, рассказал все-все в деталях.

...Олю похоронили на второй день на Ново-Девичьем кладбище. Ливанов во всех делах принимал самое активное участие. А Андрей, как замолчал, сцепив зубы, на похоронах, так с тех пор ни слова. В госпиталь без Ливанова никого из родственников не пускали, а тот, ничего не говоря, куда-то надолго исчез.

Александр Васильевич появился к обеду, когда сели за поминальной обед девяти дней. Ближе к вечеру собрались взрослые опять за столом, и начался семейный совет. Говорили долго, много, прикидывая и так и эдак. В конце концов, было решено: Агафья Сидоровна и Андрей останутся здесь растить мальчика, а все остальные отбывают в Ташкент.

- Mamочka! Да как же ты тут без нас останешься? - все сокрушалась Степанида!

- Ребенок без грудного молока, без хорошей пищи в дороге умрет, как моя доченька. Остаюсь здесь – и точка! Андрюша найдет работу, а я буду нянчить внука Вовочку. С жильем тоже решим. Скорее всего, переедем в деревню.

- Я через месяц надолго уезжаю. Жильем можете пользоваться. Но если надумаете уехать в деревню, то я отыщу хорошее место. А сейчас, извините, позвольте откланяться. Отбываю на два дня. Если не успею к вашему отъезду, то – до свидания, а возможно, даже – прощайте, - с этими словами встал, окинул всех взглядом своих голубых глаз, и, поклонившись, ушел. Степан заспешил следом.

- Многого не могу я тебе сказать, капитан! Многого! Но если придется нам по жизни встретиться, то постарайся меня не узнать. Прощай, Степан Георгиевич!

Обнялись бывшие офицеры на прощание, хлопнули друг друга по спине, и круто развернувшись, разошлись. Издали донеслись слова Ливанова: «Завидую тебе, капитан! Ты хоть умереть сможешь на своей земле!» «Смогу ли?» - прошептал Степан, и первый раз за все это время смахнул набежавшую слезу.

Поезд на Ташкент отправлялся по расписанию. Последний удар колокола, и поезд медленно отошел от перрона. Долго еще провожали его взглядом Андрей и Агафья Сидоровна, будто отбыла с их родными и их собственная

душа. Сердце щемило так, что даже перехватывало дыхание, а слезы бежали сами по себе крупными каплями.

Через неделю увез Александр Васильевич Ливанов своих остававшихся постояльцев с младенцем в Каширу. Устроил их на постоянное проживание в одну из комнат к одинокой крестьянской паре: с пропитанием за общим столом.

По наличию надворных построек, скота – чувствовалась, что у хозяев крепкая крестьянская жилка.

Еще и путём вещи не разложили, как, запыхавшись, прибежал председатель сельского Совета – убедиться, все ли нормально. Убедившись, о чем-то громко говорил за оградой с хозяином и, погрозив ему кулаком, удалился.

Прощаясь, Александр Васильевич наказывал Андрею: «Со всеми вопросами обращайтесь к председателю Совета Наумову Николаю Николаевичу. Он же и по трудоустройству поможет. Прощайте, люди добрые! Возможно, еще увидимся! Растите парня!»

Вот уже и пыль осела от умчавшейся рессорки, а Агафья Сидоровна все крестила и крестила эту даль.

Андрею – сельскому жителю, ничего не стоило пораньше наносить с Оки во все кадки воды, растопить баню и, накормив гусей, выпроводить их на озеро. Даже самовар успел разжечь.

Проснувшиеся хозяева диву дались такому уменью и разворотливости квартиранта. Не менее удивились они и вышивкам Агафьи Сидоровны. А когда она весьма сноровисто, искупала внука, бездетные супруги в душе позавидовали ей. Не уступила она хозяйке и в доении коров. Ко двору пришлись постояльцы!

А поезд в это время все ближе и ближе подбирался к Ташкенту. Вот уже фрукты корзинами, совсем дешево, продают на перронах. Замелькали национальные полосатые халаты, тубетейки, а вокруг грязь и вонь, как и по всей Рос-

сии. Единственное отличие: беженцы могли спать на земле под открытым небом.

Как только в Ташкенте вышли все из вагона, к ним сразу же подошел узбек-железнодорожник и долго о чем-то разговаривал со Степанидой! Расстались, улыбаясь и кланяясь.

- До прибытия моего Николая несколько дней проживем в доме этого железнодорожника. Это совсем недалеко отсюда, - заявила Степанида и повела всех вдаль от вокзала.

Утомленные поездкой, стрессом от смерти Оли, уходом от Андрея, мамы и маленького Вовочки, прилегли путники в прохладу саманного домика и тут же уснули. Так и застал их вечером гостеприимный узбек. Постоял, покачал головой и пошел готовить плов. Большой казан плова приготавливал, а гости все спят. Железнодорожник даже волноваться начал, но когда через какое-то время услышал разговор в доме, обрадовался и поспешил пригласить покушать.

Когда все примостились на корточках за низкий столик, подал он каждому по большой чашке плова и рядом положили большой громадный ломоть дыни. Привыкшие кушать ложкой и вилкой гости были в замешательстве. Выручил Павел:

- Здесь все едят руками. Посмотрите на нашего хозяина и на меня. Сейчас мы вам это покажем! И действительно, взяв щепотку плова он, ловко отправил его в рот и потянулся за другой порцией. Все последовали их примеру и вскоре с пловом покончили. С удовольствием съели дыню. Захотелось еще. Видя общее желание, хозяин встал из-за стола и заявил:

- Сразу нельзя много фрукта кушать! Очень, очень болеть каждый будет. Три дня шибко терпеть надо. Потом можно целый живот кушай. Теперь нужно выпить хороший зеленый чай! Сила сразу будет!

После чаепития хозяин опять заявил:

- Будет сейчас очень жарко. Ходить под солнца не надо! Гореть белый кожа будет! Надо до вечера спать и быть в доме! Отдыхайте! Отдыхайте! Я пойду встречать моего шипко хороший друг. - Николайка! Когда отдохнете, придет моя Зурна. Она хорошая жена. Пять сынов и двух дочек родила. Ну, очень хорошая Зурна!

К вечеру действительно пришла жена железнодорожника со стайкой детей разного возраста. Не успели взрослые путем еще и познакомиться, а дети вовсю уже окунулись в свои игры, пытаюсь друг другу объяснить то или другое на разных языках. Не понимая друг друга, весело смеялись над этим.

Из объяснений Зурны получалось, что у них есть еще один дом для всей семьи. А этот дом они держат для дорогих гостей. Они себя считают богатыми людьми, потому что муж вот уже десять лет получает зарплату, на которую можно многое купить. От такого сообщения россияне скромно улыбнулись, не понимая соотношение зарплаты мужа с предполагаемым богатством этой семьи. А когда сообразили, что многое здесь дает сама природа, а затраты на проживание и пропитание минимальны, вначале тихо, а затем более заразительным смехом и кивками поддержали рассказ хозяйки.

На следующий день, по прохладе утра Зурна повела женщин на общий базар. В доме с детьми остался только Павел. Дети, намаившись за день, еще спокойно посапывали, до «макушки» довольные вчерашним выходом в город и в заброшенный сад старого имения!

Сильнее прежнего прихрамывая на искаленную ногу, добрался Павел до пенька под грушей, присел, и роєм закружили мысли: «Неужто все мы рождены на свет, чтобы по родной стране, по собственной России, рыскать в поисках убежища? Чем мы провинились? Может быть, предали ее? Неужто нужно стелиться под новых правителей? Но

ведь и раньше цари менялись, но Россия оставалась цельной, даже прирастала?»

Ломит от безответных мыслей голову. Выть хочется. «Напиться что ли?» - возникла подленькая мыслишка, но продолжение ее прервал приход мужиков. К великой радости Павла, сразу прибыли: Степан, зять Николай, его друг-железнодорожник и проводник-узбек. Мужчины присели рядом с Павлом и, убедившись, что в доме нет женщин, подали ему листок бумаги, где значилось:

... всем сотрудникам ВЧК, местным органам власти, принять неотложные меры по задержанию группы офицеров-белогвардейцев, направляющихся на юг России. Особый интерес представляют братья Назаровы и капитан Еремеев. При них должно быть золото Российской казны. При задержании срочно допросить, проверить по всем железнодорожным станциям, портам, возможное соучастие с ними царских служащих. Сообщение незамедлительно.

Нарком внутренних дел Ф. Дзержинский!

- Откуда это? – оторопев, от прочитанного, еле выговорил Павел.

- Это вот раздобыл наш Николай, - печально за всех ответил Семен и добавил,- Срочно отбываем! Сети разбросаны!

...Ближе к вечерней прохладе из окрестностей Ташкента в сторону гор Киргизии проскрипели две арбы с людьми и скрылись за горизонтом.

2.

Весь 1920 год для генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина и барона Петра Николаевича Врангеля, от начала и до конца, – был годом напряжения всех сил орга-

низма, нечеловеческих усилий самообладания, чередой военных поражений и жертв. Окруженной со всех сторон превосходящей Красной Армией, отвел Антон Иванович войска в Крым. Нервное перенапряжение, бессонные ночи дали себя знать: начались срывы. Будучи честным офицером, винил себя за все поражения войск, ухудшая этим и так уже пошатнувшееся здоровье.

Решение о передаче власти Петру Николаевичу Врангелю пришло не ежеминутно, а в результате долгих раздумий и анализов. Лучшей кандидатуры на свой пост, кроме барона Врангеля, он не видел. И он это сделал.

В апреле, когда войска накрепко «замкнули» Крым у Перекопского перешейка, сели генералы за стол прощального ужина. За разговором просидели почти всю ночь, так и не допив бутылочку доброго грузинского вина. Они не «посыпали голову пеплом», не царапали в отчаянии свои лица, а говорили, говорили о судьбе России, дополняя друг друга историческими подробностями.

- Над Россией, Петр Николаевич, висит какой-то Рок. В России постоянно воюют: то князья бьются между собой, то бьются с иноземцами, то льется кровь на поле брани от войск татаро-монголов. У меня, знаете ли, давно сложилось мнение, что народ российский уже рождается воинствующим, зачастую безрассудным, а правят им почему-то иноземные полукровки. Взять, к примеру, нашего царя Николая II. Давайте признаемся, Петр Николаевич, ведь никчемным был он правителем и главнокомандующим. А сколько по его вине головешек положили, сколько кровушки прилилось? Мне даже до сих пор за него стыдно, что им манипулировал хам – Гришка Распутин. Дошло до того, что через Распутина шло распределение военных заказов, назначения министров, присвоение чинов. Это ли не позорище царской власти?

- Это так, Антон Иванович, - вставил Врангель.

- Что же касается моего ухода от борьбы и добровольная отставка – это далеко не трусость и не бегство. Я уверен, что управлять войсками, распоряжаться жизнями солдат и офицеров не может командир, который потерял веру в себя, в свое умение. Совсем еще недавно, Петр Николаевич, мне достаточно было одного взгляда на оперативную карту, и я четко видел весь театр военных действий! Теперь это пропало! Я слеп! Чувствую, что и офицеры перестали мне верить. А без этого командира нет!

- Я, Антон Иванович, в этом решении вас не осуждаю. Мне просто не будет вас хватать. Мне ведь в это критическое время для наших войск тоже нужна поддержка, хотя бы моральная. Усиливается это желание еще и тем, что я четко, вполне определенно понимаю: Крым для нас последний оплот. Отсюда многие верные сыны России уйдут в вечность, а другие будут искать особый выход. Стратегическая мысль у меня есть, а вот тактика пока еще не оформилась. Когда будете в Париже, Антон Иванович, постарайтесь убедить Правительство Франции - оказать нам помощь своей морской эскадрой. Пусть она будет неподалёку.

- Не вдаваясь в подробности ваших мыслей и действий, а, только догадываясь об этом, обещаю сделать все, что от меня зависит. Связи во Франции и выход на Правительство у меня есть. Кроме того, я увожу с собой часть офицерского корпуса. Это будет мне там подмога! И вот еще что, Петр Николаевич, верьте мне – Россию я никогда, ни при каких условиях не продам, даже под угрозой смерти.

До отбытия, Петр Николаевич, у меня есть еще один час. Предлагаю его потратить на созерцание красот нашей российской жемчужины – Крыма.

Долго стояли генералы на берегу Севастопольской бухты, вслушиваясь в тревожную тишину наступающего дня, и каждый из них вспоминал свое, крепко осевшее в па-

мяти, в той или иной степени связанное с Крымом, с Севастополем.

Антону Ивановичу Деникину, невесть почему, вспоминалось Севастопольское восстание 1905 года и гордый морской офицер Петр Петрович Шмидт, поднявший красный флаг на крейсере «Очаков». Когда его с группой матросов арестовали и повели на расстрел, он крикнул: «Таких, как я много, будет еще больше!». «И вот она расплата за кровь», - подумал Деникин и, пораженный этой мыслью, даже вздрогнул.

- Будь славен, Херсонес! - вслух проговорил он и, распрощавшись с Врангелем, шагнул в свое новое жизненное утро.

Петр Николаевич, после проводов Деникина, еще долго стоял на берегу, наблюдая за рождением дня и его встречей с морем. Еще и рассвета не было, только отблески на воде портовых огней, а волна нет-нет, да и блеснет принесенным лучиком света. Шелестит о чем-то своем береговая волна, громко бьется о пирс другая, и раздается по всей ширине акватории печаль и гром, будто так оно и должно быть.

От тревожности морского напева замелькали в памяти одним за другим события истории России, напрямую связанное с этим местом:

...Неудачная война против Крымского ханства в 1687–1689 годах.

...Крымская война (Восточная) 1853–1856 годов, в начале с Турцией, а с февраля 1854 года – с объединёнными войсками Турции, Франции, Великобритании. Затем еще и с Сардинаским Королевством. Всем им, особенно Турции, не хотелось иметь в Крыму укрепрайона России. Не могли они примириться с успехами российских войск в 1853 году: занята Молдавия, Валахия, победа на Кавказе, а при Синопе

разбит турецкий флот. Вот и навалились скопом в 1854 году на Севастополь.

Долга бились черноморцы за свою крепость. Много пролили крови, но не посрамили Россию – не струсили.

Оборону Севастополя моряки держали под командованием вице-адмирала Корнилова, а затем вице-адмирала Нахимова.

Нахимов! Нахимов! Сколько доброго и геройского известно о нем. В обороне Севастополя пронес он свой жизненный крест до конца и погиб, как герой на Малаховом кургане, не кланяясь пулям и снарядам. Сразила героя - адмирала французская штуцерная пуля.

- Странно все же, - вслух начал рассуждать Врангель. - Нахимова убили французы, а я жду от них помощи флотом. Да и параллель какая-то просматривается в обороне Крыма: Корнилов - Нахимов; Деникин - Врангель. Неужто и мне предстоит погибнуть, как Павлу Степановичу? Если же это так, то, как и он, умру, не снимая золотых эполетов!

Все эти мысли больно сжали сердце, да так, что пришлось присесть на прибрежный валун. А мысли черные, жгучие, все обволакивают и обволакивают мозг генерала. Замелькали перед глазами лица живых и мертвых военных собратьев: генерала Краснова, генерала Маркова, генерала Эрдели, генерала Алексеева, генерала Дроздовского, генерала Кагановича, полковника Кутепова.

Молнией прорезало память от увиденного ужаса недавнего зверства красных над пленными ранеными в бою над Кореновской. Второй раз бой шел в тех же местах, где были оставлены раненые. Их нашли там же, но раздетыми, обезображенными, с выколотыми глазами и отрубленными головами.

После увиденного, совершенно раздавленный морально, сделал он запись:

...Русские люди упорно и жестоко уничтожают других русских людей! Прилагаю список казненных Чрезвычайной комиссией красных за подписью председателя Реввоенсовета - Полуяна и главкома Федько. Всего казненных – 59 человек. Из них: 26 генералов, 5 князей и баронов, 19 полковников и подполковников, 8 гражданских лиц (купцы, министры, казаки, родственники).

Петр Николаевич с трудом поднялся с холодного камня, перекрестился на восток и ушел по направлению к порту. Крымский апрельский день принес новые заботы барону Врангелю.

...В середине апреля начальник штаба и начальник контрразведки доложили, что Польское правительство заключило договор с Петлюрой о совместном походе на Украину. А уже в конце апреля, они же доложили, что усилиями этих объединенных войск удалось потеснить 12 и 13 армию Красной гвардии и занять Житомир, Коростень, Казатин, Киев.

Воспользовавшись этим отвлечением сил Красной Армии, Врангель тут же распорядился в июне выдвинуть войска в Таврию. К концу месяца Северная Таврия была занята. К этому времени, подошли остатки войск Деникина, укрывшиеся в Польше и на Кавказе. Появилась реальная возможность укрепить оборону Крыма у Перекопа и нацелиться на Донбасс.

Каким- то особым чутьем стратега, опытом, Врангель понимал, что все это – временные успехи. И не ошибся.

Мобилизовав все свои резервы, под угрозой расстрела за уклонение, повели краскомы свои войска на поляков в Белоруссии, и, потеснив их там, быстрым маршем двинулись на Белосток и Варшаву.

Для Врангеля было понятно – силы далеко не равные.

Хотя он и удачно выступил в район Александровска и задержал часть войск на Кавказском плацдарме, но нужно было опять отводить войска в Крым.

...В начале августа вызвал Врангель на Совет всех офицеров воинских подразделений и, не рассуждая долго, весьма спокойно заявил:

- Господа! Мы с честью исполнили свою миссию по защите России от большевистской чумы. Теперь мы во имя спасения матерей, жен, детей и нас с вами, вынуждены покинуть Родину. Да, это горько, это страшно! Но, наверное, мне – вашему старшему командиру, это необходимо сделать! Группы наших офицеров направлены, как эмиссары, в страны нашего прибытия. Франция предоставляет нам на эти цели свою морскую эскадру. План-график посадки на корабли вы получите у начальника штаба. Проверьте списки отбывающих. Кто не желает, пусть остаются. Никаких преследований. Всем из казны выдадут денежное пособие на обзаведение. И никакой паники! Никакого беспорядка! За все отвечают генерал Романовский, генерал Кутайсов, начальник порта – генерал Слашев.

Господа! Где бы мы ни жили, в какой бы ни были стране – пронесем до конца дней своих и сохраним для потомков нашу веру в Христа, любовь к Родине! Сохраним нашу культуру и язык! С Богом, господа!

Через три дня ответственные генералы докладывали, что все списки отбывающих гражданских лиц уточнены, и люди оповещены по времени. Во избежание паники и возможного мародерства усилены наряды патрульных. Для подвозки людей в порт мобилизованы автомобильный и гужевой транспорт. Корабли пополняются водой, топливом, питанием и подсобными плавсредствами.

Врангель внимательно слушал доклады, делая какие-то пометки в своих записях. Выслушав, долго молчал, а затем распорядился:

- Погрузку начнем 25 октября. А чтобы нам не мешали, быстро усилие войска на Каховском плацдарме и навяжите Красной Армии позиционные бои. Как только, посадка на корабли подойдет к завершению, войска с позиции снять и сразу на погрузку. На линии Чонгар-Перекоп усилие войска артиллерией и пулеметами. Увеличьте наблюдательные посты. Не забудьте и про Сиваш. Запомните! На той стороне военачальники людей не жалеют и могут начать наступление со стороны Сиваша во время отлива.

- Но это же погибель для них, - вставил начальник штаба.

- Погибель, не погибель, а предусмотреть этот вариант нужно! - парировал Врангель. И последнее, господа генералы! Готовьте свои семьи к отправке. Но уходить будем последними!

Погрузка началась в назначенное время. С рейда в порт заходило сразу два корабля. Внизу и по бокам трапов расположились матросы и военные, помогая поднимающимся. Вначале без оружия грузились военные подразделения, а затем гражданские лица. За все время загрузки кораблей ни одного вскрика, истерики: только слезы, слезы, слезы.

Петр Николаевич Врангель спешил с погрузкой. Когда от Каховки прибыли войска, погрузку на корабли проводили и ночью. Автомобили и извозчики все подвозили и подвозили. Все происходило молча, организованно, быстро.

Даже дети не плакали. Слышны были только голоса командиров, да шум прибора. Специальная команда неподалеку топила в море оружие разного назначения, включая замки пушек.

Врангель в обязательном порядке приезжал в порт проследить за всем происходящим. Следовавший с ним рядом генерал Кутайсов докладывал:

- Красногвардейцы, похоже, начнут штурм со стороны Сиваша. Сосредоточили там конницу и артиллерию. Для отвлечения они инсценирует лобовую атаку на Перекоп.

- Павел Александрович! Усильте посты корректировщиков и распорядитесь снарядами не жалеть!

К началу ноября погрузка на корабли закончилась. Под охраной двух миноносцев выстроились они в кильватер на рейде и ждали команду. У причала остался только один недогруженный корабль командующего. Врангель выжидал. Ждал сообщение с Перекопа.

Начальник порта генерал Слащев докладывал:

- По всем кораблям разместили более ста тысяч человек. Кроме военных, много детей, стариков, женщин и цвет нации: писатели, художники, журналисты, врачи, инженеры, ученые. Ждем, Петр Николаевич, вашей команды на поход. Корабли стоят под парами. У всех поднят Андреевский флаг.

- Подгоните к причалам миноносец и держите его наготове к отплытию. Как только придут войска с Перекопа, спешно грузите и возьмите курс на Турцию. Думаю, что вы нас догоните. Вы, генерал, отбываете с ними!

- Есть! - пряча взгляд, ответил генерал. Не признался Слащев, что вчера вечером подошел к нему богато одетый господин и посоветовал не уходить со всеми. Ему он предложил за большое вознаграждение преподавательскую работу на курсах краскомов. Сказал, и тут же исчез. Исчез-то исчез, а зерно сомнения заронил. Но не мог генерал сейчас решиться на откровенный разговор с главнокомандующим. «Вначале выполню все поручения, а потом подумаю», - решил генерал и от этой мысли даже повеселел.

Флагманский корабль впереди всей эскадры взял курс на Константинополь.

...В это время по всей линии защиты Перекопа шли кровопролитные бои. Основной удар по белогвардейцам

осуществлялся со стороны Чонгара через Сиваш. Выставив заранее путевые вешки, воспользовавшись отливом и туманом, ринулись красногвардейцы в соленую топь, с трудом вынимая ноги. Вязли в этой грязи пушки, лошади, люди. А войска все шли и шли. И когда все войска окунулись в Сиваш, а передовые отряды увидели уже береговую линию, - ударили по наступающим орудия белогвардейцев. Кругом все ухало и стонало. И не понять, то ли взлетают от разрыва снаряда шматки грязи, то ли это человеческие тела. Никто из первых рядов не дошел до берега. Все полегли. А серая, грязная масса людей все шла и шла, и никакой огонь не мог их остановить, не мог укротить их ненависть к «белопогонникам»

Ближе к обеду огонь стал стихать, и войска Красной Армии по всему периметру начали наступление. Замолчали и разящие пулеметы белогвардейцев.

По всей линии укрепления открыли такой огонь пушками, что в живых навряд ли кто-то остался. Да оставаться-то некому было. Основные силы белогвардейцев давно уже спешно отходили к Севастополю, оставляя за собой небольшие заградотряды.

Когда командиры наступающей армии поняли, что основные войска противника организованно отошли, добились раненых, пленных и кинулись кавалерией вдогонку. Но тех уже и «след простыл» Пустым оказался и Севастополь.

Как только прибыли основные воинские подразделения, началась «зачистка» оставшихся белогвардейцев, поверивших прочитанным листовкам большевиков об амнистии.

Всех офицеров отвели в степные балки и там расстреляли из пулеметов. Руководили расстрелами, с ведома главного Михаила Фрунзе, коммунист-интернационалист из Венгрии Бела Кун и большевичка Розалия Землячка (Залкинд).

...Море слегка штормило, и тяжелые волны, поднимая столб брызг, с каким-то особым остервенением бились о борт корабля, будто пытаясь еще больше замучить пассажиров в их пути к неизвестности.

...Екатерина Алексеевна еще в молодости увлекалась медициной. Даже стажировалась до замужества в госпитале. Среди пассажиров было много тех, кто нуждался в медпомощи, а корабельный медик не успевал эту помощь оказывать гражданским лицам. Она бы и сразу приступила к врачеванию, да только побоялась, что ее начнет укачивать. Убедившись что «морская болезнь» ей не страшна, облачилась в серое платье с белым передником, повязала голову белой косынкой с красным крестом, уложила в небольшую корзиночку необходимые материалы, лекарства и, с согласия Павла Александровича, ушла на нижнюю палубу. Первых, кого она посетила, были воспитанники сухопутных и морских кадетских корпусов. Мальчики, хотя и пытались держать бравый вид, но все же у многих в глазах стоял страх от осознания бегства с Родины, от родителей, знакомых. Всех она обошла, никого не пропустила. Какого-то приласкает, кому-то ободряющее слово скажет, кого-то похвалит – и вот уже заблестели глаза мальчишки, зарозовели щечки, выпятилась грудь.

Надолго задержалась у молодой мамы с кричащим годовалым ребенком на руках.

- Давно плачет? - спокойно спросила Екатерина Николаевна.

- Да пожалуй, уже час, - чуть не плача сама, ответила молодая мама.

- Грудью кормите?

- Да.

- Как сосет?

- Сейчас плохо. Все время плачет.

- Муж есть?

- Есть. Он на верхней палубе несет службу.

Разговаривая, уложила ребенка на спинку, оголила животик и сделала несколько круговых массажных движений. Минуты через две ребенок начал пукать и замолчал. Радости молодой мамыши не было предела: она плакала, смеялась, обнимала Екатерину Алексеевну, и с ее уст слетало одно и то же: «Ой, спасибо! Ой, спасибо!»

- Газы у ребенка скопились от плохого питания, голубушка, - улыбаясь, успокаивала ее Екатерина Алексеевна.

- Так я же его грудью кормлю, - попыталась оправдаться молодка.

- В том-то и дело, голубушка. Вы беременны. От этого и молоко ваше другого качества. Советую от груди отнять, наклонившись к мамаше вполголоса проговорила Екатерина Алексеевна и, одобряюще погладив ее по плечу, пошла дальше.

И так каждый день. Придет, уставшая, к обеду, покормит мужа, прикорнет маленько, и снова в поход. Павел Александрович пробовал даже ворчать на нее. Но куда там! Посмотрит укоризненно не него своими глазищами и, молча, уходит. Зачастую, даже ночью приходили к «доктору» за помощью.

...К Константинополю эскадра подошла ближе к вечеру. Встали на рейде, и Врангель с Павлом Александровичем отбыли на берег.

Только к обеду следующего дня вернулись они назад, и тут же Врангель приказал прибыть с кораблей всех командиров и старпомов.

Петр Николаевич, как всегда, был сдержано краток:

- Правительство Турции после долгих переговоров и обещаний с нашей стороны не участвовать в военных действиях предоставляет для части наших людей приют и кров. Всем, кто прибыл на французских кораблях, выгружаются в порту Константинополя. Старшим в этой операции и ответ-

ственным по всем житейским делам назначаю генерала Романовского Аркадия Аркадьевича. У него же будет находиться часть нашей армейской казны. Средства ее весьма скромные, а потому, так же скромно нужно расходовать. Я буду с вами до полного завершения операции и прощания. Наш же путь, на отечественных кораблях, лежит во Францию. Господа! Успокойте людей! Да будет с нами Бог!

Пока шла выгрузка с кораблей людей, стоял на возвышенности генерал-лейтенант Врангель и каждой партии отдавал часть, как бы прося у них прощения и прощаясь с ними.

Все это время Павел Александрович Кутайсов был рядом с Врангелем и видел, каких духовных мук стоило ему это прощание.

...Через двое суток с рейса Константинополя снялись тридцать российских кораблей под Андреевским флагом и через Босфор вышли в Средиземное море и взяли курс на Бизерту Туниса – французской колонии.

И снова слезы, и снова сердечные боли...

3.

Вот уже минуло три года, как приняли к себе на проживание русских беженцев гостеприимные киргизы во главе со своим Рахманкул-ханом. Всем прибывшим предоставили возможность селиться по желанию. Большинство прибывших казаков остановились на проживание в горах Тянь-Шаня. Несколько десятков военных осели в горах Памира. Жили здесь целыми кланами: украинцы, русские, узбеки - внося в общую жизнь киргизов свой своеобразный колорит.

Многие прибывшие удивлялись устоям этих горных киргизов: верят в ислам, а мечетей нет; паранджи женщины не носят; женятся и выходят замуж по согласию; не пьют

вина, хотя есть в долинах виноградники. И еще одно удивляло всех – обилие золотых украшений. Только через несколько лет, когда вникли в суть этого явления, стало ясно, что у этого народа есть своя золотодобыча и выплавленным золотом рассчитываются с работниками за их труд, а они на это ведут закупки через купцов. Так было, так есть, и многие считают, что так будет. Из поколения в поколение ничего не менялось у этих людей. Вот и верят своему Рахманкул-хану, как Аллаху.

Прибывшая большая семья Назаровых под руководством зятя Степана выбрала для себя место жительства – озеро Иссык-Куль. Точнее, это место обосновал сын Захар, успевший до их прибытия выбрать место поселения.

Перед отправкой туда Захар, теперь как знаток этих мест, рассказывал своим напуганным домочадцам от сплошных гор:

- Это крупнейшее горное озеро окруженное хребтами Кунгей-Алатау и Терекей-Алатау. Вода в озере солоноватая, но водится в изобилии чебак, сазан, маринка. Рахманкулхан говорил мне, что длина озера около 150 верст, а ширина в пределах 50. В озеро с гор впадает больше пятидесяти рек. Есть большие: Джергалан, Тюп. Это какой-то райский уголок! - восхищался он.

- А где жить-то будем, Захарушка? - спросила мама.

- Там есть небольшой поселок Рыбачье. Часть жилья под нас уже освободили и со вчерашнего дня начали завозить строительные материалы. Будем по нашему образцу строить дома, школы, церковь, больницу.

К отбывающим на озеро присоединились еще двадцать человек из отрядов.

Годы... Годы!

...В жизни каждого жителя Киргизии были расставлены свои запятые и точки. На втором году поселенческого пребывания в Рыбачьем выросла целая улица красивейших

беленьких домиков с такими же дувалами, мощеными камнем дворами и тротуарами. И около каждого дома, как обязательство – дерево. Улицу так и называли – Русская.

Пока возводили стены школы, в одном из домиков организовали обучение детей. В импровизированную школу брали всех желающих. Местные ребятишки приходили на занятия вместе с родителями и вместе со всеми те сидели на уроках. Всю эту школу, как и в Сибирке, возглавила Лиза Волкогонова. Она же с Варенькой и уроки вела.

Детский мозг мягок, лепи его добром, и он к доброму-то и потянется. Есть у детей еще одно преимущество перед взрослыми – познание языка через общение. Уже через год, дети «лопотали» по-русски и по-киргизски, частенько посмеиваясь над ошибками.

- Вот она – настоящая дружба народов», - не раз думала директриса, - а то придумали какой-то Интернационал!

Чтобы заняться делом в отсутствие Захара, который и ночевать-то частенько не появлялся, решила Аксиния заняться врачеванием. Выпросила у Степана домик на берегу Иссык-Куля, где в обилии лежала целебная грязь, и открыла там грязелечебницу. Пригодились все уроки от мамы по медицине. У того же Степана заказала деревянные корыта, широкие лежаки и шерстяные одеяла. Правда, применила для этого и небольшую хитрость. Уговорила местную врачевательницу – старушку Аппу обучить ее применению трав и грязей. Польщённая таким вниманием, старая Аппа согласилась. Теперь они с ней изо дня в день вдвоем. И дело пошло.

Нашел себе занятие и Павел с зятем Николаем. Организовали небольшой рыболовецкий кооператив. Они ловили рыбу, женщины ее разделывали, сортировали, заезжие купчики ею торговали. Прибыль пошла уже через год. На вырученные деньги приобрели сети, баркас и начали задумываться о строительстве коптильни, морозильни. Дважды

побывал у них сам Рахманкул-хан. Походит, полюбуется слаженностью в работе, покивает в знак одобрения головой и, просветлев лицом, уходит.

Так, в общих заботах пролетело незаметно два года. Советская власть попыталась дважды прислать в эти горы своих комиссаров, но они, «по каким-то причинам» погибли в пути.

Единственное, что смогли они сделать – признать Киргизию в составе Советской Республики и выставить в предгорье пограничные посты, а с китайцами заключили договор о возложении на них функции контроля. Дорога в Китай и обратно была открыта.

Весть о русских в Рыбачьем со скоростью доброго скакуна дошла до самых дальних уголков Киргизии. Потянулись люди в поселок: кто определить в школу ребенка, кто подлечиться, а кто и просто поглазеть.

Тесновато стало в поселке. Школа работала в три смены. Приезжих детей пришлось вместе с одним из родни разместить по хозяевам. Больные люди, прибывшие на лечение, просиживали в очереди по два-три часа, зачастую на холодном ветру. Ох, и доставалось же вечерами дома Степану, хоть в петлю лезь.

Не вытерпел такого нападения боевой капитан и в один из дней заявился к Рахманкул-хану. Четко, по-военному, доложил обстановку и подал ему заявку: срочно построить на сто мест начальную школу; построить интернат на 100 мест, дом приезжих, установить в поселке постоянно действующий пункт питания. Изложив все это, и объявив сумму затрат, Степан ожидал кряхтение Рахманкул-хана, молчаливое почесывание бороды. А вместо этого – добрая улыбка и такие же добрые слова:

- Да не волнуйтесь вы так, капитан. Болячку нашу мы вылечим. Проблему эту я знаю и уже распорядился выделить под строительство золото и отправил караваны за

строительными материалами. А вас, капитан, я благодарю за честную службу! Передайте всем своим домочадцам от меня привет и примите от меня подарок для них – граммофон с пластинками на русском языке. И еще передайте директору школы, что на открытие начальной школы я обязательно приду.

Уходя от Рахманкул-хана, Степан вслух произнес:

- Ну, есть же Бог на белом свете, который мне помогает!

- Какой Бог? – раздался за спиной голос Захара.

От неожиданности Степан чуть подарок не выронил.

- Стареешь, господин капитан! Стареешь, Степан! Я ведь за тобой иду от самого двора Рахманкул-хана. А ты словно глухарь от счастья!

- А знаешь, Захар, я действительно рад положительному решению возникшей проблемы по школе, по дому заезжих, по блоку питания, по лечебнице, а в придачу еще и граммофон заимел. Приходи домой – повеселю!

- Это навряд ли!

- Почему?

-Мама при смерти.

- Как при смерти? Я же утром ее видел!

- Вот утром-то я и застал ее без сознания. Сейчас там уже все собралось. Давай поспешим!

...Около осунувшейся лицом седоволосой матери собрались все родственники от мала до велика. Пришли соседи. Женщины молча плакали, а мужчины, сцепив зубы, молчали, вытирая украдкой набегающие слезы.

Жизнь покидала тело мужественной казачки – верной хранительницы семейного очага в моменты всех невзгод.

Внезапно она открыла глаза, осмысленно окинула всех взглядом и четко задала в своей жизни последней вопрос:

- А где мой внук, Андрюша?

...Не успела душа отделиться от тела бабушки, как внезапно слегла Варина Машенька.

Степанида в общих хозяйственных заботах не сразу обнаружила ее отсутствие. Хотя она и училась во вторую смену, но поднималась обычно рано и чем-то на виду у всех занималась. А тут не вышла утром к общему завтраку.

Уже и мужиков накормила, матерей с ребятами проводила в школу, а Маша не встает. Екнула что-то под сердцем. Поспешила в детскую спальню, а она, голубушка, лежит, неестественно запрокинув голову.

Все остальное Степанида делала механически, со слезами на глазах, понимая, что жизненные силы покидают девочку. Хорошо, что в это время забежала домой Роза, а то бы Степанида и сама грохнулась рядом.

Не прошло и полчаса, а в доме уже все, кроме Степана и Захара. Что только не делали, а девочка все больше и больше синее.

Приковылявшая старая Аппа посмотрела на умирающую, покачала головой и произнесла: «Змеиный укус гор!»

Мечется по дому Варя, бьется головой о стенку и орет, орет. Даже прибывший Захар со Степаном унять не могут. А у нее голова от горя разом поседела.

Хоронили вторую «атаманшу» на общем кладбище рядом с бабушкой. Поставили в изголовье вместо креста по местным обычаям обтёсанный камень с надписью. Поплакали, погоревали, раздали всем присутствующим по христианскому обычаю поминальные подарки и, низко опустив голову, поплелись домой. И этот скорбный ход сопровождали на небе черные, предгрозовые тучи, толкаясь друг о друга, сползая в ущелья, залегая там сырым непроглядным туманом. Наступит момент, поднимется туман к этим тучам, закроет солнце и холмы высоких гор, сыпанет на головы людей крупным дождем и будет буйствовать он день и два, создавая, зачастую, непредвиденные преграды для всех.

- Быть беде! - сказал кто-то в толпе.

Пророческим оказался этот душевный крик.

Не первый раз замечает Степанида особую задумчивость дочери. Присядет к столу пообедать, возьмёт в руку ложку и подолгу смотрит куда-то вдаль. «Заневестилась», - решила мать, но наблюдение за дочерью усилила.

Работала Роза вместе с отцом в рыбном разделочном цехе. Там же трудился старший сын полковника прибывшей сюда казачьей сотни. Полковник умер год тому назад, и все хозяйство теперь вел Андрей с матерью. Нравилось ему проворная статная Роза, и она, как ему казалось, была не против их близких отношений. Переоценил, однако, свои чары казак! Подкараулил Розу, когда она осталась одна за разделочным столом, подкрался сзади и попытался поцеловать. Она же, в ответ, взвилась пружиной и «засветила» ему такую оплеуху, что он с трудом на ногах устоял. С того дня, стал он обходить ее стороной.

Где-то через неделю случайно встретились на узкой горной тропинке лицом к лицу.

- Ну, что? Опять целоваться полезешь? Или жениться на мне хочешь? - ехидно так спросила Роза.

- А, вот и захочу! - с вызовом ответил, Андрей, закрыв глаза в ожидании очередной оплеухи. Но вместо этого нежный поцелуй в губы и шепот: «Засылай сватов»

...Свадьбу отгуляли как раз в Новый год по христианскому календарю. Веселилась, радовалась новой семье большая семья. Отрешенным от этого веселья был только Захар. Не хотел он ломать молодым их счастье, хотя знал, что его уже не будет очень скоро. Не выходила из головы вчерашняя встреча с Рахманкул-ханом.

- Собирай войско, дорогой мой главком! - печально заявил он. Воевать будем с Красной Армией!

- Почему? - чисто механически задал вопрос Захар.

- На заседании Правительства России принято решение строить дорогу Ош-Хорог. Большевикам нужно наше богатство. А мы будем его защищать, ибо оно наше и нам им пользоваться! Постоял немного в задумчивости и продолжил:

- Объявляй завтра мобилизационный сбор, раздай оружие, питание и укрепляй позиции на перевалах и горных тропах! Действуй, полковник! - распорядился он и, несколько сутулясь, удалился.

...Вот уже десять дней в поселениях остались только женщины, старики да дети. Закрыта школа, грязелечебница. Все сосредоточились в местах возможного нападения Красной Армии. Даже дети взбираются по горным тропам к своим отцам и братьям, доставляя воду, хлеб, баранину. По всем правилам военного искусства расставлены наблюдатели и засады.

Среди вооруженных мужчин нет-нет да и мелькнет женщина: медсестра, жена, невеста. Они готовы со всеми разделить смертельную опасность мужчин. Здесь Аксиния в переднике с красным крестом, рядом со Степаном: Варя и Роза с Андреем. На наиболее опасных направлениях сосредоточили свои войска Рахманкул-хан, Захар, Степан, полковник Низовой. В пяти местах укрылись конники, готовые ударить по войскам красных с тыла.

...Уверенные в своей победе, войска Красной Армии в пешем и конном порядке начали на рассвете наступление с трех сторон: Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Они только сосредотачивали свои войска для штурма, а обороняющиеся от своих лазутчиков уже знали количественный состав, вооружение, даже командиров.

Не учли комиссары и краскомы, что Средняя Азия давно уже заселена народом дружественных отношений. За это красные вскоре и поплатились.

Находящиеся в горах видели, как втягиваются войска в ущелье и карабкаются по каменистым тропам вверх. И вот дан сигнал атаки. Наскочили из засады конники-казаки, киргизы и нарубили столько, что даже лошади скользили по крови.

В это же время плотно ударили сверху. За два часа боя с отрядами Красной Армии было покончено повсеместно. Захваченным пленным приказали собрать убитых и захоронить. Их же после этого вместе с ранеными отправили назад.

...Через двое суток защитники спустились с гор, и все опять занялись своими обыденными делами.

Еще через два дня Рахманкул-хан собрал Военный совет и заявил:

- Господа! Воины Аллаха! Благодарю всех за мужество во время боя! Первое сражения мы выиграли. Советы опомнятся только месяца через два, но двинут на нас не только конную и пешую армию, но и артиллерию и авиацию. Против такой силы нам не устоять, если даже полягут все наши воины. Но мы должны думать не только о себе, но и о наших женах, родителях, детях! О всем нашем народе! Надо увести людей в Китай и там поселиться в провинции Синьцзян. Уходить будем через заснеженные хребты Тянь-Шаня, где нас не ждут. Но для этого предлагается военный маневр. Часть войск, в основном из киргизов, оставляю здесь для отвлечения в южном направлении, а сами уйдем в северо-восточном направлении. Войска, после недолгого сопротивления, должны имитировать уход в Таджикистан и Афганистан. Когда красногвардейцы в это поверят и начнут преследование, наши воины должны раствориться в горах и постепенно просачиваться затем в Китай. Дорога сложная, трудная, но это единственный наш путь спасения.

Если мы этого не сделаем, нас всех красные перебьют, как они это сделали в долинной части и в Узбекистане. Даже мечети разрушили. В ближайшее время необходимо проделать следующее:

1. На горных козьих тропах нарубить в камнях ступени. Везде, а на крутых подъёмах особенно укрепить волосяные веревки, за что можно держаться.

2. Ежедневно на этих работах от зари до темна должны работать не менее двухсот человек.

3. Увеличить до предела возможного золотодобычу и плавку.

4. Скотину порезать и приготовить впрок еду.

5. Русским уходить обязательно, иначе им смерть от красных.

6. Срочно отковать металлические крюки и клинья для лазания по крутым и отвесным местам.

7. Запасись теплой одеждой, особенно для детей.

8. Уходить группами не менее двадцати человек с проводником и врачевателям.

9. В горы будем уходить, не ожидая всех подготовительных работ и наступления войск.

И еще! Все, что я вам изложил – секретно! За разглашение противнику – смерть! Прошу за этим проследить проверенному в действиях – полковнику контрразведки Назарову. Я на всех вас надеюсь! Да хранит нас всех общий Бог!

...Через две недели с вершины поступила весть – путь к верху готов и можно приступать к эвакуации.

В первую партию отобрали десять крепких казаков, во главе со Степаном, десять стариков и Варю, как медика. Проводник поджидал их у подножия горы. Прощались, молча, без лишнего шума. Еще и до проводника не дошли, а дети уже там поджидают. Посмотрел на них Степан и шепотом произнес: «На смерть ведь идем, дети! На смерть!»

Степан пробирался последним и чем выше, тем громче стучало его сердце и в такт ему: «Надо дойти! Надо дойти!»

А впереди скользили, падали, поднимаясь все выше и выше. Кружилась голова, из-под сорванных ногтей сочились кровь, а люди все шли и шли все выше и выше.

На небольшой площадке, прижавшись друг к другу, отдохнули и снова вверх. Вот уже и облака проползли, а вершина еще далеко. Часа через три пошли по отвратительно белому снегу, аж глаза режет. Шли, молча, след в след, глядя только в спину впереди идущего, чтобы не ослепнуть.

Первыми закачались от усталости старики, затем начали спотыкаться дети и Варя. А Степан хриплым голосом гнал и гнал вперед, не давая передышки.

Расщелина появилась неожиданно. Там горел костер, и пахло мясом. К костру уже подползали.

После трехчасового сна начался спуск. Шли в связке по пять человек. Шли долго, очень долго. Склоны гор с этой стороны были более отлогими, но все равно, спускаясь, зачастую потеряв опору, катились на пятой точке.

Измученные, изодранные, голодные только на третьи сутки спустились к подножью горы, и тут же навалился на всех сон.

Здесь их ждали: кругом стоят юрты, разбиты большие английские военные палатки и расставлены столы с едой и ароматным чаем.

...И так партия за партией.

Из Рыбачьего Степанида, Николай, Егор, Роза, Андрей по списку попадали в третью партию, а Павел с Лизой и ребенком - в четвертую. Но когда прибыл к ним Захар с проверкой готовности, произошло неожиданное.

- Я, братишка, в горы не полезу! - заявил Павел.- Не по моему это здоровью, а быть обузой для напуганных людей не хочу! Отправьте нас Лизой в заградотряд. Я ведь не-

плохой пулеметчик, а Лиза будет медсестрой. Дочку нашу оправьте в группу со Степанидой и Николаем! Другого решения не будет! И баста!

Прощаясь, погоревали, поплакали родственники и поспешили по своему назначению.

...Заградотряд уходил рано утром. Позади всех ковылял седовласый высокий мужчина с тяжелым ручным пулеметом. Рядом с ним уверенно шагала еще стройная медсестра. Больше их никто не видел.

...Рахманкул-хан со своими двумя женами, детьми и Захар с семьей уходили последними, когда уже с южной стороны отчетливо слышен был бой.

...Уже в Китае посчитал Рахманкул-хан уцелевших людей, перешедших через горы. Их оказалось две с половиной тысячи человек. И всех он опять объединил под свое крыло, и зажили они своим огромным кланом в провинции Синьцзян Китая аж до 1940 года.

Богато жили... Богато. Дружно!

4.

- Ты бы уж женился, Андрюша! - не первый раз увещевает зятя Агафья Сидоровна. - Ну чего столько лет бобылем-то ходить. Я ведь вижу, как на тебя бабёнки заглядываются. Мужчина ты видный, работающий. Олечку теперь не вернуть. Да и Вовочка уже в первый класс пошёл. Ему женская ласка нужна, да и догляд особый. А я ведь, Андрюша, старой совсем стала. Конец свой жизненный чую. Приведешь жену – я её, как доченьку, приму, приласкаю, где-то и подскажу.

- Мама! - впервые взорвался от этих разговоров Андрей, - нет для меня другой женщины, кроме Оли! Нет, и не

будет! Однолюб я! Однолюб! Агафья Сидоровна, не травите мне душу, не бередите мне кровоточащую рану!

Возможно, разговор бы и продолжился, но порог переступил почерневший лицом председатель сельского Совета Хлебников.

- Где остальные? - не раздеваясь, с порога задал вопрос.

- Хозяева после бани отдыхают, а мы Вовочку поджидаем, - ответил Андрей.

- Буди! Дело есть! - приказным тоном произнёс председатель и нервно присел к столу.

На шум из соседней комнаты вышли хозяева и в недоумении встали у стола.

- У вас самогонка есть? - не поднимая головы, спросил председатель.

- Есть, - за всех ответила хозяйка и отошла к буфету.

- Налей-ка мне стакан, а то смелости не хватает начать разговор, - цедя сквозь зубы слова, продолжил председатель.

Двумя глотками влил в нутро самогон, долго занюхивал корочкой хлеба, и, пригласив жестом всех присесть, начал:

- Согласно имеющимся у меня инструкциям и пояснениям по вопросам сплошной коллективизации, вы, гражданин Анциферов Степан Степанович и вы, Аглая Кирилловна Анциферова, относитесь к категории «кулаки» и должны быть раскулачены с изъятием имущества с выселением в места спецпоселения. Но вы, голуби мои, использовали наемный труд в лице граждан Андрея Степановича Еремеева и Агафьи Сидоровны Нефедовой, с которыми вели затем общее хозяйство. Выходит, что все вы – кулаки. По инструкции всех скопом нужно выселить, но есть одно «но». В связи с тем, что компаньоны Еремеев и Нефедова – беглые казаки, а всех казаков давно «расказачили», попадаете вы,

голуби мои, в категорию «врагов» и прямой всем путь в лагеря или в места «спецпоселения» через ГПУ и НКВД. А там все просто: либо расстреляют, либо бросят где-нибудь в тайге. Вот такова картина по инструкциям!

Председатель замолчал, барабанил пальцами по столу. В наступившей тишине выпил еще стакан самогонки и продолжил:

- Если бы я был сволочью, то так бы и поступил. Все было бы по инструкции. Но я не сволочь и, кроме того, жизнью обязан вашему Александру Васильевичу Ливанову. Спасать я вас буду! Спасать!

Председатель встал, достал из нагрудного кармана пиджака бумаги и разложил их по столу.

- С этого момента все вы – крестьяне-бедняки и открепляетесь с места жительства в Сибирь. Фамилии свои забудьте. Теперь все вы Крикуновы. Имя и отчество менять не стал. Так менее опасно – не проболтаетесь. А вот Вовка у вас – сирота без отца и матери. Фамилию оставил Еремеев, а отчество заменил на Ивановича. Пусть род казачий Еремеевых продолжается! Этими бумагами подписал я себе смертный приговор! Если комбедовцы меня предадут, а они это сделают, то меня поставят «к стенке». У меня три дня в запасе, а у вас и этого нет!

- Как? - насмелился спросить Степан Степанович.

- А, вот так! Исчезните сегодня же ночью! Бросайте все – и в Сибирь! Забирайтесь в самое глухое место и помалкивайте! Молчать, молчать ничего не вспоминать!

- Все бросить и убежать? - жалобно спросила хозяйка.

- Все, все! И чем быстрее, тем лучше!

- Почему такая спешка? - задал вопрос Андрей.

- Пришла на вас, голуби мои, разнарядка по раскулачиванию. Если завтра вы будете еще в селе, то я уже буду бессилён чем либо помочь! Ясно?

- Ясно, ясно! - за всех ответила Агафья Сидоровна. – Опять в поход.

- Нет, гражданка Нефедова, - это не поход, а бегство от смерти!

Председатель встал, окинул всех взглядом, покачал головой и вышел, громко хлопнув дверью.

Долго они сидели за столом прижатые известием, еще не совсем понимая происходящего и даже не возмущаясь.

Первым опомнился Андрей. Встал из-за стола и каким-то безразличным голосом произнес:

- Пора, господа Крикуновы – новая семья, всем собираться на выход. Отбываем в Сибирь и, главное, я знаю куда.

- Куда, Андрюша? - плача, спросила Аглая Кирилловна.

- В Сибирку! В Сибирь!

В это время пришел из школы Вовочка и застал взрослых в каком-то непонятном оцепенении и хаотичном хождении из угла в угол.

...Уходили ночью, как воры, спотыкаясь от бессилия противостоять кощунству власти Советов, этому наглому разорению крестьянства и сельского уклада хозяйствования.

...Москва Каширских беглецов встретила своим обычным шумом и толкотней. Оставив хозяев на вокзале, Андрей, Вовка и Агафья Сидоровна заспешили на кладбище к могиле Оли.

...Не может маленький ребенок понять, почему папа и бабушка, стоя на коленях, горько плачут, когда кругом много людей ходит, но никто их не утешает. Посмотрел на них – посмотрел, да и сам заплакал.

...До станции «Узловая» добрались только через двадцать дней, под постоянным страхом разоблачения и ареста. Но Бог их охранял. За все время путешествия только две

небрежные проверки милицией. Да и то верно: кому нужна эта Сибирь?

А вот на станции возникла проблема. На вокзале ночевать не разрешалось, а на улице и двух часов из-за холода не продержаться. Решили пойти искать постой. Андрею это удалось весьма быстро. При местном трактире была комната обслуги. Туда их и поселили за умеренную плату на одну неделю.

На следующее утро пошли мужчины искать транспорт, чтобы добраться до Сибирки. Тщетно! Через день им повезло. Оказывается, что местные НЭПманы завозят водой до складов Сибирки свои товары. С ними мужчины торговались быстро за два литра водки и оказание помощи по разгрузке товара.

...Вот и знакомая пристань с тем же причалом, с той же огромной сосной на берегу и чистой, чистой галькой с пересветом под лучами солнца.

Стоит на причале здоровенный молодой мужчина с мальчиком и плачет. И никто понять не может, от чего это он слезами заливается, и почему это – седовласая, прибывшая со всеми женщина, отвернулась от всех и закрыла платком лицо, а плечи ходуном ходят.

...В село зашли ближе к вечеру. Агафья Сидоровна, забыв свой возраст, побежала, полетела к своему дому, даже Вовочка с трудом поспевал за ней.

Не дошла, не добежала, упала. Остановилось сердце мужественной, мудрой, потомственной казачки, у порога дома своего.

...После похорон, проводив селян, сели родственники за общий стол и начал свой рассказ Иван:

- После вашего отбытия приступили мы с Колей к хозяйственным делам и сразу же, «набили себе шишек». Когда все были вместе, мы порой и не замечали того общего, что делал каждый под руководством наших родителей. Всё

навалилось сразу: нет учителей, нет мельника, нет бригадира полеводства, умер наш поп и, главное, не стало умного нашего руководителя – Головы. Мотались мы с Колей по всем нашим закоулкам сутками, а толку дать не можем. Люди по старой привычке идут к нам за советом и помощью, а мы им не можем ни подсказать, ни помочь.

А кругом уже Советы власть свою укрепляют, живут по большевистским правилам: то «товарищества» организуют, то хлеб у всех отбирают, то перешли на новую, какую-то экономическую политику, а теперь уже и коммуны кругом создали. Вот тут-то совершил я, как кажется серьёзную ошибку.

- Какую? - вклинился в разговор Андрей.

- Село наше я расшифровал! Поехал я в Крайзем и всё там о нашем селе выложил. Надеялся на помощь.

- Получил? - теперь задал вопрос молчун – Степан Степанович.

- Ага! Держи карман шире! Забегали, засуетились, из всех кабинетов повыскакивали, на меня глазают, будто я какой-то небожитель.

Часа через два пришли за мной два миллионера и отвели к начальнику НКВД. Часа два мытарил он меня разными вопросами и всё добивался – нет ли случайно в тайге ещё таких поселений. Помаялся, помаялся он со мной и определил меня на ночь в каталажку.

Утром же началось невообразимое. Меня плотно покормили, почистили и отутюжили, подстригли, побрили и препроводили к Первому секретарю ВКП (б) Там же был и начальник ГПУ. И эти меня не меньше часа вопросами мучили.

Вот тут-то меня и понесло. Кричу, что я к вам за помощью прибыл, на власть нашу надеюсь, а вместо этого вторые сутки меня вопросами мучают. А те успокаивают: мол, вопросов от того много, что уж очень случай уникаль-

ный: целое село десятками лет живет в тайге, а о нём ничего не известно.

На четвертый день записали все мои просьбы, наобещали оказать помощь и в сопровождении пяти верховых выехали в Сибирку.

- А теперь что? - опять прервал рассказ Андрей.

- Через неделю прислали нам бригаду землемеров, которые выставили столбами границы наших земель и нанесли всё это на карту. Ещё через день прибыла на постоянное жительство семья Акимовых. Он председателем сельисполкома был назначен, а жена – заведующей избой-читальней и культработником.

Со стороны станции начали строить через тайгу нам дорогу. Пленных и осуждённых нагнали видимо-невидимо. Даже два американских трактора им на стройку дали. Это мне наши охотники рассказали. Поговаривают, что золота в нашей тайге много.

Как только мало-мало натоптали нам дорогу, появился как-то целый отряд милиции. Вместе с председателем Акимовым сорвали с церкви кресты и повелели занять это «культовое сооружение» под хозяйственные нужды. До сих пор стоит искалеченная церковь с заколоченными окнами и дверью.

Но и это не всё. Двое суток искали золото, припрятанное царскими офицерами Еремеевым и Назаровым. На допросы многих вызвали, даже били. Нас с Николаем допрашивали врозь и вместе. Каждый раз мы говорили одно и то же: геологоразведочная партия отбыла на новое место расположения в район Магадана. Наши дома обшаривали особенно тщательно. Даже в колодцы спускались. Ничего не найдя, убыли.

Теперь вся власть сосредоточена в руках Совета. Точнее – в руках председателя исполкома. Он далеко не наш, папаня. Но он большевик, хотя хозяйственник хреновый.

...О многом в тот день переговорили. В итоге определились с жильем и с родственными отношениями. Для всех селян, прибывших из Росси бедняков Крикуновых за умеренную плату Иван поселил в дом Назаровых.

Для тружеников-крестьян привести в порядок дом Назаровых особого труда не составляло. Через три дня: внутри, снаружи всё было чисто, аккуратно, как и при прежних хозяевах. Не доставало теперь прибывшим Крикуновым только собаки, да скотины. С собакой решили быстро, а вот со скотиной дело обстояло посложней. С каждым днём становилось её в селе всё меньше и меньше. Напугали жителей колхозом.

Собрал как-то на днях взрослых мужиков и баб председатель Акимов и давай им речь двигать:

- Вы до сих пор не прошли очистку от прошлого крестьянского труда. Не все осознали, что настоящим счастьем и объединяющим элементом селянина на земле является коллективный труд при коллективном хозяйстве. Вы не знаете, что такое ТОЗы, не знаете, что такое коммуны. Это плохо, граждане!

Не поняв первичной ступени общего крестьянского труда, тяжело будет сразу перейти в колхоз, то есть в высший элемент хозяйствования. Но не волнуйтесь, наша партия и правительство вас научат, ибо неспроста этот год села объявлен годом сплошной коллективизации.

-Ты нас фразами заумными не пичкай, - раздался из толпы бас, глуховатого на ухо, кузнеца. - Мы люди необразованные, - вот и растолкуй нам – что и как. А то кудахчешь, а яйцо то не снес!

Ближним к оратору показалось, что он от этих слов даже поперхнулся.

- Линия партии и лично товарища Сталина по вопросу коллективизации предельно проста, - придя в себя, продолжил Акимов. Вся скотина, тягло и инвентарь передаются в

общее пользование колхозу. Управлять колхозом будет выбранное вами же правление колхоза во главе с председателем, которого вы тоже выберете.

- А кто это мою корову поведет со двора в общий скотный двор? - спросила стоящая в первом ряду боевитая в речах и делах вдовушка.

- Вы и поведете!

- Как я? Мою кормилицу, да со двора! Никогда!

После этих слов начался такой шум, что оратору с трудом удалось собравшихся успокоить.

- Колхоз, - бросил он в толпу, - дело добровольное! Хочешь вступить – пиши заявление. Не хочешь – вольному воля. Хочешь, организовывай свое хуторское хозяйство на специальных землях за пределами колхозных полей!

- Это что же получается? Если я не желаю быть в колхозе, то меня с моего двора сгонят? - опять не унимался кузнец.

- А вы что же это, граждане, с линией нашей партии не согласны? - разом прекратил Акимов этим вопросом все возмущения. - Дня через два придут специалисты Крайземотдела, поставят все на учет, переговорят с каждым хозяином, и только после этого соберем общее собрание.

Расходились селяне, молча по своим домам с тяжелым сердцем и такими же тяжелыми думами.

С этой ночи в каждом дворе взвизгивали от удара ножа свиньи, и на расстоянии пахло горелым пером. Не желали крестьяне идти добровольно со своей скотиной в колхоз и выселенцами быть не желали. За два дня перебили всю домашнюю птицу, порезали овец и свиней.

Приехавшие из края специалисты не нашли предполагаемого скота и птицы. Удивило их и то, что все активно пожелали стать колхозниками. На весах государственной политики легло два фактора: умышленная ликвидация крестьянского подворья и массовое желание вступления в кол-

хоз. Факт массовости взял верх. Закрыв глаза на уничтожение своего скота, чиновники с легкой руки назначили общее собрание по формированию колхоза. Прибыл к назначенному времени и начальник НКВД с представителем крайкома ВКП(б).

Собрание открыл председатель сельиспокома Акимов. Заулыбался, тряся перед всеми большой пачкой заявлений, празднуя в душе свою победу по умению управлять людьми. Сидящий за столом партийный представитель скрупулезно что-то записывал, а начальник НКВД демонстративно передергивал кобуру пистолета.

Через час, как выстрел из пушки, появился еще один колхоз под названием «Сибирь» и его председатель – Нефедов Иван Степанович.

Так весной 1931 года в таежном селе Сибирка начал свой путь колхоз «Сибирь».

...Через шесть лет сокамерники-коммунисты по добыче золота в Магадане поведают этому председателю колхоза, чем обернулась коллективизация для российского крестьянства. Они на цифрах докажут ему, что голодомор на Украине, в Поволжье, в Казахстане, на Северном Кавказе произошел не от неурожая, а от грабительской политики Сталинского режима, когда весь хлеб у колхоза, даже семенной фонд, забирали до зернышка на заготовительный пункт.

Люди из села хлынули на заработки в город. Уходили целыми селами. Рассыпались колхозы. В сохранившихся обескровленных колхозах загуляло повсеместное понятие «парикмахеры». Это женщины во имя спасения своих детей, ночами ножницами срезали колоски ржи или пшеницы. За это их судили. К началу 1933 года было осуждено 55 тысяч человек, из них 2 тысячи приговорили к расстрелу.

Тех председателей колхозов, которые осмеливались из урожая оставить семенной фонд и не выполнить хлебозаго-

товки, незамедлительно судили образованные Чрезвычайные комиссии. Целые районы объявлялись саботажниками и перерожденцами, а руководителей этих районов, директоров МТС расстреливали и опубликовывали списки их. Всего за это время погибло около 13 миллионов крестьян, в том числе 7 миллионов от голода. Что такое Сталинская крестьянская политика – Иван испытает на своей «собственной шкуре».

...А пока что наступило утро нового колхоза и его председателя.

Проблем под самую «крышу». Если по инвентарю еще можно было решить его общее место нахождения, то со скотиной гораздо сложнее. Для колхозного стада, как минимум, нужно построить два коровника. На это уйдет все лето. А план по продуктам уже довели.

Выход подсказал Крикунов Степан Степанович:

- Не робей, председатель! Пока будешь строить коровники, со всеми, кто должен своих буренок вести в общее колхозное стадо, заключи договор на поставку молоком или топленным маслом. За труды оставляешь каждому обрат, пахту и начисляй им трудодни за уход.

Не сомневайся! Дело пойдет! Назначь меня бригадиром животноводства, и я все это организую, даже строительством буду руководить!

Правление колхоза эту идею поддержало, и через какое-то время отправили из колхоза на заготовительный пункт большую партию масла. Под это Земотдел выделил семенное зерно и дал распоряжение в банк о выделении колхозу «Сибирь» долгосрочной ссуды на строительство скотофермы.

По крупицам, шаг за шагам, привыкали люди села к колхозной действительности, порой непонятной, а зачастую сумбурной, даже глупой, от вмешательства высшего

начальства, которое не скупилось на разного рода инструкции.

Пришел как-то к председателю Крикунов Андрей Степанович и предложил свои услуги по организации колхозной пасеки совместно с опытным пчеловодом – Крикуновой Аглаей Кирилловной. И ведь пошло дело. Через два года на пасеке стояло уже сто ульев, и от каждой семьи получили по пятьдесят килограммов товарного меда.

Пошла по району добрая молва о колхозе. Районная газета целую передовицу посвятила труженикам колхоза «Сибирь».

Радуетеся молодой председатель успехам, улыбаются ему крестьяне. Поддерживают они его начинания своим добросовестным трудом. А самого ноги домой «не тянут». Надумал братишка Коля ехать учиться на агронома. Второй день ссорятся, а он все равно триндит свое: «Поеду! Отпусти!»

- Придется отпустить! - вслух сам себе сказал Иван и улыбнулся. - Весь в отца!

А тут еще одна проблема возникла. Вроде и вполне житейское дело, а решиться председатель не может. Влюбился в молоденькую учительницу, а объясниться с ней смелости не хватает. Вот и мается, бедолага.

Видя муки брата и догадываясь о причине, Николай решил действовать. Подкараулил перед своим отъездом эту самую учительницу и давай ее воспитывать:

- Вы что же это вытворяете с моим братом, Анна Игнатьевна? Вы до какого состояния довели нашего любимого всеми председателя колхоза? Чем это он вам не угодил, почему на его любовь не отвечаете? Почему не разрешаете сватов к вам засылать?

Говорил долго, напористо и настолько убедительно, что довел молодую женщину до слез, и она сквозь всхлипывание, в конце концов, проговорила:

- Я согласна быть его женой...

- Тогда пошли к нам домой, а то мне завтра нужно уже уезжать на учебу. А как я его оставлю одного без хозяйки дома? Ну, согласитесь со мной, Анна Игнатьева!

- Наверно, вы правы.

Домой пришли до прихода Ивана. Только расположились почаяевничать, как по крыльцу затопал своими сапожищами сам председатель.

- Ты с кем там, Коля? - раздеваясь, спросил Иван. - Собери, что-нибудь покушать, а то с утра маковой росинки во рту не было!

- Нет, братишка! Отошла твоя лафа на мне ездить. Вот пусть теперь тебя твоя жена кормит, а я пошел на ночь к Витьке Огородникову. И не забудь мне утром оставить денег на завтрашнюю поездку. Будьте счастливы, молодожены!

Выпалил все на одном дыхании и, прошмыгнув мимо остолбеневшего брата, исчез.

Рано в этот вечер загасили лампу в гостеприимном доме Нефедовых.

...Пожалуй, ничто на земле так не радует людей, как рождение ребенка и приход весны. И ничто так не печалит людей, как потеря близких и несправедливость.

...В 1937 году арестовали Ивана Степановича Нефедова за вредительские действия, направленные на подрыв колхозного строя в селе...

5.

Свой шестьдесят восьмой день рождения Антон Иванович Деникин отмечал со своими русскими товарищами по оружию в известном ресторане Парижа «Матушка Катерина». Все, кроме двух гражданских лиц, были одеты в свои

военные мундиры, при всех наградах. Парижане, привыкшие к русским эмигрантам, особого внимания к группе старых офицеров не проявляли. И никто из них не знал, что вот за этими двумя столиками собрались военачальники когда-то боевого братства русской армии, сохранившие даже в этом возрасте любовь к России. Они не произносили громких тостов, не гордились своими боевыми подвигами, лишь только иногда, забывшись по-стариковски, вставляли в свою речь: «А помните, господа, как у нас в России...».

Говорили долго, интересно, восстанавливая картины прошлого, иногда со слезами на глазах, но никто никогда не перебивал говорящего. Даже в такие годы, приученные к военной дисциплине – соблюдали ее.

Главным действующим лицом за скромным праздничным столом был, конечно, юбиляр, и по установившейся иерархии ему приходилось говорить чаще всех. Вот и сейчас он встал и, взяв в руки бокал шампанского, произнес:

- Господа! Пусть мои слова вас не шокируют. Возможно в другое время я, наверное, этого бы не сказал, но сегодня за этим столом, вместе с нами, мог бы быть наш поводырь – Петр Николаевич Врангель. Предлагаю, господа, молча помянуть его, ибо у каждого из нас о нем в душе светлая память!

Все встали по стойке «смирно», затем поклонились и, сделав глоток шампанского, молча, заняли свои места.

- Петр Николаевич, - нарушая наступившую тишину, начал Антон Иванович, - был у меня в гостях на Монмартре в июле 1926 года. Он очень подробно рассказал мне обо всех злоключениях остатков нашей армии в эмиграции. Я вот сейчас говорю вам об этом, а у самого перед глазами живые картины от его рассказов:

«...Льются неволью слезы из глаз, сердце сжимает печаль от вида, как удаляется Севастополь – последняя частичка Родины. На кораблях небывалая тишина. Над всем

этим слышатся только команды, да звон рынды. Неизвестность своей тяжестью придавила всех. Вот и молчали. Разговоры начались только через сутки пути. Из всех этих разговоров высвечиваются знаковые, запомнившееся:

...Обнимает свою уставшую жену бывший начальник контрразведки генерал Кутайсов. Успокаивает ее и тихо-нечко говорит:

- В начале этого века появился на литературном горизонте России своеобразный поэт Северянин. Настоящее его имя Игорь Васильевич Лотарев. Модным поэтом был среди молодежи.

- Почему был, Паша?

- Он сразу же после революционных всех приключений уехал из России. Мне он в целом не понравился – слишком много «Я». Но несколько его произведений меня тронули до глубины души. Названия не помню, но в память врезались строки:

*...Народ, угнетаемый дрянью,
Безмозгой, бездарной, слепой,
Усвоил повадку баранью:
Стал глупый, упрямый, тупой!
А царь, алкоголик безвольный,
Уселся на троне втроем:
С царицей самодовольной
И родственным ей мужиком.*

.....
*Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймет Москва:
Родиться Русским – слишком мало,
Чтоб русские иметь права...
И сломит гнет, как гнет ломала
Уже не раз повстанцев рать...
Родиться Русским – слишком мало:
Им надо быть, им надо стать.*

- Еще, еще, Пашенька!

....Не от тоски, не для забавы

Моя любовь полна огня:

Ты для меня дороже славы!

Ты – все на свете для меня!

Не заметили, что окружила их уже большая толпа слушателей.

...Перед высадкой в Стамбуле собрал барон Врангель на своем флагманском корабле капитанов и командующих воинскими подразделениями. До каждого из них долетают его слова, глубоко поражая сознание:

- Сохранить наши войска для Отечества мы сможем в любой стране, если будем блюсти воинскую дисциплину и Устав воинской службы! Воинские подразделения не расформировывать! Сохранить офицерские Собrania! Сохранить школы для детей, кадетские корпуса! Организовать общественное питание, компактное проживание! Вести светский образ жизни! Обо всем этом с властью Турции я договорился. Разумеется, всего не предусмотреть. Но есть одна истина – мы везде Россия! Да поможет нам Бог!

...С каждым годом жить все сложнее и трудней. Держались до последнего: изнемогали, голодали, умирали. Многие офицеры устроились на работу: таксистами, учителями, рестораниками. Другие соглашались на любую работу. Нанимались на работу в шахты. Уезжали трудиться целыми батареями. Зачастую бескорыстную помощь оказывали курды: то питанием, то работой, то лечением.

...Постепенно дипломаты Советского Союза и агенты ВЧК-ГПУ добились своего: доведенная до полного разорения часть Добровольческой Армии Врангеля в Турции, как воинское формирование, перестала существовать.

...День и ночь уходит на сменных лошадях от преследователей-чекистов по степям Монголии барон Унгерн Роман Федорович. Пробирается он в горы Киргизии, куда от-

правил остатки своей Азиатской дивизии. Со всех сторон обкладывают его красные воины. Он им нужен был живым для демонстрации всепобеждающей силы Советской власти.

Не смог барон вырваться из кольца преследователей. Взяли уставшего, сонного в юрте кочевника. Срочно, под усиленной охраной отправили в Москву на Лубянку. Допрашивали с «пристрастием», но ничего не добились. Расстреляли тут же во дворе в 1924 году.

...Партиями уводят в степь офицеров и рядовых, не убывших из Севастополя вместе со всеми, на расстрел. Часами строчат пулеметы. Вода закипает в их козюках. А людей все ведут и ведут. Так большевики оплатили этим людям за то, что они остались на своей земле и поверили посулам их. Так они мстили Врангелю и всему Белому движению. Так большевики пытались полностью искоренить все белогвардейское воинство.

...Атаман Семенов Григорий Михайлович под другой фамилией живет в Харбине. По-прежнему держит связь с эмигрантами из России. Выезжал в Америку и Францию. Дважды встречался в Румынии с Нестором Махно.

...Путь в Бизерту для всех был утомительным и долгим. Особенно страдали дети. На помощь им всегда спешили члены команды и гражданские. Но и это было не все. Военных и гражданских мучила неосведомленность о пункте прибытия. Все, что им было известно: Африка, Тунис, Бизерта. Где это конкретно – никто путем и не знал.

Екатерина Алексеевна, по-прежнему оказывая медицинскую помощь, все это слышала и однажды, уличив момент, задала этот вопрос мужу. Павел Александрович, слегка похмурился брови, пояснил:

- Не могу тебя, женушка, порадовать объемными знаниями относительно Туниса и Бизерты, но кое-что помню

из программы обучения. Это исламское небольшое государство на севере Африки

Живут в основном арабы. В настоящее время Тунис является Протекторатом Франции. Столица Туниса – город Тунис. С севера и с востока граница проходит по водам Средиземного моря. На северной части расположен порт Бизерта. Туда мы и держим курс. Еще помню, что с юга Тунис граничит с Ливией, а с западной стороны – с Алжиром. Со стороны Ливии заходит пустыня, а с северной стороны Алжира в Тунис входят высочайшие горы Атлас. Еще помню, что когда-то был построен Карфаген и есть развалины Колизея наподобие Рима. Вот все, Катенька, что помню!

- А почему такой интерес?

- Люди в неведении.

- Пожалуй, это наше упущение. Спасибо, Катенька, за подсказку. Будем исправлять! Возьму себе в помощники нашего корабельного священника – отца Варлама. У него обширные познания.

С этого времени пошел гулять по палубам бас священника :

- На рынках нужно обязательно торговаться... Медина – старый город Сак-базар... Главная святыня мусульман - мечеть Сиди-Окба... Произрастают лавровые деревья, финики, пальмы, цитрусовые...

Преобразился, завеселел корабельный люд.

...К Бизерте подошли поздно вечером. Все остались до утра на кораблях. Тревожной была эта ночь под покровом неизвестности.

К общему восхищению большинства, дружно высадились, и улыбающиеся арабы отвели всех в отстроенные легкие одноэтажные помещения, напоминающие российские бараки, но с перегородками посередине и отдельным входом. А рядом обширный пляж и спокойное море. Первыми начали смеяться дети.

...Запомнились скупые слова Врангеля:

- За пять лет нахождения нашего флота в Бизерте мы никогда не спускали Андреевского флага.

За это время вновь открыли Морской кадетский корпус. Прекрасно подготовили и выпустили более трехсот кадетов и гардемарин. Наша колония в Бизерте жила по православным канонам России и по нашему воинскому Уставу. Корабельные экипажи находились на своих местах.

Большевики нас боялись. Боялись нашего прославленного флота. Делали все, чтобы флот и нас уничтожить. В конце концов, им это удалось. В 1924 году Франция признала Советский Союз, и мы все оказались в статусе бесправных беженцев. Через год французы приняли решение о расформировании нашего флота. Для нас это стало смертельным ударом. Пришлось все экипажи списать «на берег». Дал команду: Всем разойтись!

Из Бизерты уехали во Францию, Югославию, Чехию, Бельгию, Болгарию, Данию. Наши офицеры охраняли границу Словении, служили легионерами во французской армии. Особо благодарен правительству Чехословакии. Это в Праге дети эмигрантов совершенно бесплатно учились в университетах. Многие выпускники стали прекрасными врачами, инженерами, учеными. Русские фамилии встречаются в Соединенных Штатах, в Латинской Америке.

Судьба у всех своя, но всех объединяло одно чувство – тоска по России.

А колония России в Бизерте сопротивлялась всему негативу, бедности, предательству французов. Ни один офицер флота не соблазнился службой на французском флоте. Умирало, но оставались россиянами по духу и по стремлению вновь вернуться на Родину. Оставшиеся в колонии учились, отмечали все христианские праздники, даже устраивали балы.

Сегодня русская колония в Африке растаяла. Многие уехали, многие умерли. Оставшиеся в живых собрали свои последние деньги, фамильные ценности, сняли с себя кольца и серьги, и на все это выкупили у арабов небольшой участок земли для устройства одной братской христианской могилы. Совершали над усопшими христианский обряд предков и из своей среды выбрали последнего «хранителя могил».

После смерти Кутайсова Павла Александровича, пост этот заняла его жена Ольховская Екатерина Алексеевна...

И молчал-то Антон Иванович всего несколько минут, держа в руках бокал с шампанским. Но события от полученной информации и зримость произошедшего настолько взволновали его, что он невольно поставил на стол бокал, ухватился за левую сторону груди, успокаивая сердце. Друзья заволновались. Пересилив свою временную слабость, Деникин продолжил:

- Генерал-лейтенант Врангель приезжал во Францию из Сербии. Жил он в городе Серемски Карловицы, и путь он держал в Бельгию, где осело на жительство много наших соотечественников.

Обратите внимание, господа, сколько же по свету разбросано наших людей российских, умирающих вдали от Родины и мечтающих видеть свою Отчизну обновленной, могучей.

Господа! Приглашаю всех поднять бокал вина и выпить во славу России! Ура, господа!

Гуляя затем по ночному Парижу, дошли до моста Александра III – подарок Парижу от России – и распрощались.

Не успел Антон Иванович после проводов друзей принять ванну и подготовиться к отдыху, как вбежала гор-

ничная с воплем: «Город занимают фашистские войска Германии!». За окном действительно был слышен гул танков и твердый шаг солдат Вермахта.

...Два дня не выходили газеты и молчало национальное радио. Лишь на всех волнах звучала бравурная немецкая музыка и слышалась крикливая речь Гитлера. Франция сдалась, практически, не сопротивляясь.

Через две недели уезжал (убегал) Антон Иванович в Америку, отказавшись пойти на службу фашистской Германии.

* * *

Своим отбытием закрыл он последнюю страницу Белого движения российских офицеров – сынов Отечества, оставив потомкам светлую память о них, лежащих в чужой земле!

*Ничто не забыто,
Никто не забыт!*